

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

На правах рукописи

УДК 811.161.1

ДМИТРИЕВА ЮЛИЯ ЛЕОНИДОВНА

**ОБРАЗ ДЕРЕВА В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ЕСЕНИНА, Н. КЛЮЕВА И М. КУЗМИНА)**

10.02.01 – русский язык

Диссертация

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент

Герасименко И. А.

Горловка – 2017 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений и условных обозначений	3
Введение.....	4
Глава I. Теоретическо-методологические основы исследования образа.....	11
1.1. Изучение образа в аспекте философских и психологических концепций	11
1.2. Образ как объект филологического анализа	28
1.3. Образ в системе единиц лингвокультурологии	53
Выводы к Главе I	69
Глава II. Образ мирового дерева в языковой картине мира С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина	72
2.1. Образ мирового дерева сквозь призму понятий «картина мира», «образ мира» и «модель мира».....	72
2.2. Образ мирового дерева в языковом опыте С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина	93
Выводы к Главе II	111
Глава III. Образ дерева как одна из базовых единиц лингвокультуры (на материале поэзии С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина)	114
3.1. Образ дерева в парадигме кодов культуры	114
3.2. Образ дерева как фрагмент биоморфного кода культуры в произведениях русских поэтов начала XX в. – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина.....	136
3.2.1. Метафорические модели экспликации образа дерева как фрагмента биоморфного кода культуры	136
3.2.2. Базовые признаки образа дерева как фрагмента биоморфного кода культуры	159
3.3. Языковое воплощение образа дерева в русском лингвокультурном пространстве, представленном текстами С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина	174
Выводы к Главе III	207
Заключение	213
Список использованных источников	220
Список иллюстративных источников	245

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

УПК – универсальный-предметный код

Ср. – сравнить

См. – смотреть

т. е. – то есть

и др. – и другие

и пр. – и прочее

и т. д. – и так далее

ВВЕДЕНИЕ

Образ является предметом научного интереса филологов, философов, психологов, культурологов. Его рассматривают как неотъемлемый элемент процессов познания и мышления (Аристотель, Ф. Бэкон, Гегель, Т. Гоббс, Р. Декарт, И. Кант, Г. Лейбниц, Платон и др.), как компонент семантической структуры слова (Н. А. Илюхина, М. Я. Розенфельд, Е. А. Юрина и др.), как составную часть концепта (Н. Ф. Алефиренко, С. Г. Воркачѳв, В. И. Карасик, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.).

В настоящее время особое внимание исследователей вызывают проблемы взаимоотношения языка и культуры, поскольку их решение позволяет выявить и сохранить национальную самобытность этноса. Анализ языковых единиц в лингвокультурологическом аспекте является, на наш взгляд, эффективным способом исследования взаимодействия языка и культуры, поскольку позволяет более глубоко изучить природу рассматриваемых феноменов, вхождение их в парадигму кодов культуры, культурную значимость для современных представителей этнокультурного сообщества. Данное исследование посвящено лингвокультурологическому анализу образа дерева, отображѳнного в поэтических текстах С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина. Объективируемый языком образ дерева рассматривается как единица лингвокультуры, связанная с процессами восприятия и категоризации предметного мира.

Актуальность исследования определяется необходимостью рассмотрения средств экспликации образа сквозь призму русской лингвокультуры для сохранения этноспецифического наследия народа. Совокупность языковых единиц, объективирующих образ дерева, характеризуется общенациональной маркированностью, преломлѳнной через языковое сознание авторов поэтических текстов начала XX в. – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина.

Вышеуказанные положения обусловили **цель исследования** – определение и описание вербальных средств экспликации образа дерева в русской лингвокультуре на материале произведений С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина; выявление оснований для отнесения образа к числу базовых единиц лингвокультуры.

В соответствии с целью диссертационного исследования были определены следующие **задачи**:

1. Описать теоретико-методологические основания исследования образа в русском лингвокультурном пространстве.
2. Обосновать включение образа в число базовых единиц лингвокультуры.
3. Исследовать средства экспликации образа дерева (в том числе, и мирового), зафиксированные языковым сознанием носителей русской лингвокультуры – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина.
4. Определить лингвокультурологический характер лексических единиц и синтаксических конструкций, объективирующих образ дерева как фрагмент базового культурного пласта (биоморфного кода культуры).

Материалом для исследования являются номинации, вербализующие образ дерева (в том числе, и мирового) в текстах С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина. Общий корпус фактического материала составляет 1124 единицы. Кроме того, к исследованию подключены данные толковых, историко-этимологических, этимологических, лингвокультурологических, этнолингвистических словарей.

Объектом исследования выступает образ дерева в русской лингвокультуре.

Предметом исследования являются языковые единицы, которые эксплицируют национально-культурные особенности образа дерева, преломлённые через языковое сознание С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина.

Научная новизна полученных результатов состоит в том, что в работе впервые с позиций лингвокультурологии представлено комплексное исследование образа дерева. Впервые рассмотрены лексические и синтаксические средства экспликации образа дерева в поэтических текстах С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина. Разработана методика описания образа сквозь призму кодов культуры и метафорических моделей, построена модель образа мирового дерева, определены его универсальные, этноспецифичные и индивидуально-авторские характеристики. Также в настоящем исследовании впервые образ рассматривается как базовая единица лингвокультуры.

Теоретическая ценность исследования состоит в углублённом понимании лингвокультурного содержания образа дерева, в том, что наблюдения и выводы, которые сделаны в нём, способствуют расширению научных взглядов на теорию образа и методику его описания. Внесён вклад в разработку метафорических моделей, эксплицирующих образ дерева в парадигме кодов культуры. Установлены группы признаков образа дерева как фрагмента биоморфного кода культуры. Полученные результаты значимы для проведения дальнейших исследований образа в русле лингвокультурологии.

Практическая значимость исследования. Основные положения, материал работы и выводы могут быть использованы в лекционных курсах по лингвокультурологии, лексической семантике, когнитивной лингвистике, на занятиях по лингвистическому анализу текста, в преподавании русского языка как иностранного. Материалы исследования могут стать основой для создания словаря образов русского языка.

Методологической основой данного научного исследования послужили работы, посвящённые взаимосвязи языка и культуры (А. Н. Афанасьева, В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, Э. Сэпира, Б. Уорфа и др.), а также содержанию понятия «картина мира» (Л. Вайсгерберга, Л. Витгенштейна, Г. В. Колшанского, В. И. Постоваловой, Б. А. Серебрен-

никова, А. А. Уфимцевой и др.). Методологические наработки отечественных (Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюновой, В. В. Воробьёва, С. Г. Воркачёва, Б. М. Гаспарова, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, В. В. Колесова, В. В. Красных, В. А. Масловой, З. Д. Поповой, Ю. С. Степанова, И. А. Стернина, В. Н. Телия, В. М. Шаклеина и др.) и зарубежных учёных (А. Вежбицкой, М. Джонсона, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Х. Ортега-и-Гассета, Ф. Уилрайта и др.) позволили проанализировать и систематизировать существующие аспекты рассмотрения образа.

В работе использованы **методы** описания, классификации и обобщения, целью применения которых было выявление и изучение лексических единиц синтаксических конструкций, эксплицирующих образ дерева в русской лингвокультуре. Метод словарной дефиниции позволил проанализировать степень реализации базовых характеристик образа дерева (в том числе, мирового). Лингвокультурологический анализ фактического материала дал возможность выявить и описать культурные коннотации, а также значимость образа дерева для языкового сознания носителей русской лингвокультуры. Метод контекстного анализа использован для исследования образных ландшафтов (термин Б. М. Гаспарова) в поэтических текстах С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина.

На защиту выносятся нижеперечисленные положения:

1. Образ относится к категориям ментального мира человека. Он сложно организован и опирается на ощущения, а также содержит признаки познаваемых объектов реальной действительности, характеризуется схематичностью и отсутствием детализации. При включении в речемыслительные процессы человека он становится языковым образом, который принадлежит языковому сознанию.

2. Образ выступает одним из первичных источников информации о мире, социуме и о человеке. Образ фиксирует и аккумулирует признаки объекта отологического мира, позволяет составить целостное представление

о познаваемом феномене. Как знак культуры образ не только транслирует совокупность основных признаков объекта, но и выполняет функцию эталона, что позволяет отнести его к числу базовых единиц лингвокультуры.

3. Образ мирового дерева содержит когнитивные признаки формы и расположения в пространстве, преломлённые через национально-культурные установки и языковое сознание С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина.

4. Образ дерева объективируется лексическими единицами, семантика которых содержит перцептивные признаки дерева как объекта онтологического мира и феномена культуры.

5. В поэтических текстах носителей русской лингвокультуры С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина через описание дерева как человека, как феномена духовной культуры, как концепции устройства мира, объективированное лексическими и синтаксическими средствами языка, реализуется биоморфный код культуры.

Достоверность результатов настоящего исследования обеспечивается его внутренней логикой и концептуальным подходом к изучаемому предмету, чёткостью поставленных задач, применением комплекса методов, адекватных сущности анализируемого феномена, поставленной цели и задачам, а также достаточным объёмом рассмотренного фактического материала.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждались на научных семинарах кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», а также были изложены в докладах на тринадцати конференциях, восемь из которых международные: XI Межрегиональная конференция молодых учёных и аспирантов «Исследования молодых учёных в области гуманитарных наук» (Горловка. 26 апреля 2013 г.); Международная научно-практическая конференция «Современные лингвистические парадигмы» (Горловка. 19 марта 2014 г.); Международная научная

конференция «Актуальные вопросы русской филологии: теория, методика, перевод» (Киев. 10 – 11 апреля 2014 г.); XII Межрегиональная конференция молодых учёных и аспирантов «Исследования молодых учёных в области гуманитарных наук» (Горловка. 25 апреля 2014 г.); Всеукраинская студенческая научная конференция «Молодая русистика Украины» (Горловка. 21 – 22 мая 2014 г.); I Международная конференция «Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтнического региона» (Ростов-на-Дону. 5 – 7 ноября 2014 г.); Международная научная конференция «Дискурсология: возможности интерпретации гуманитарного знания» (Ялта. 1 – 3 апреля 2015 г.); XVI Международная конференция молодых учёных «Современные исследования языка и литературы» (Донецк. 25 марта 2016 г.); XVI Всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных с международным участием «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации» (Москва. 22 апреля 2016 г.); I Международная научно-практическая конференция «Русский язык в поликультурном мире» (Ялта. 08 – 11 июня 2016 г.); Международная научно-практическая конференция «Современная культура и образование: история, традиции, новации» (Луганск. 08 декабря 2016 г.); III Республиканская очно-заочная научно-практическая конференция «Чтения молодых учёных» (Горловка. 27 – 28 апреля 2017 г.); III Международная очно-заочная научно-практическая конференция «Восточнославянская филология в кросскультурном мире» (Горловка. 19 мая 2017 г.).

Публикации. Проблематика, теоретические и практические результаты диссертационного исследования изложены в четырнадцати публикациях: в четырёх статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях, а также в десяти тезисах докладов вышеперечисленных научных конференций.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы (содержит 199 позиций) и списка источников иллюстративного материала (51 наименование).

Полный объем диссертации – 252 страницы, основное содержание изложено на 216 страницах.

Глава I. Теоретическо-методологические основы исследования образа

I.1. Изучение образа в аспекте философских и психологических концепций

В философской традиции под образом понимают форму отражения и освоения человеком объектов мира. Терминологическое осмысление *образа* связывают с номинациями *eidos*, *idea*, *eikon*, *schema*, *morphe*, которые в переводе означают, соответственно, «облик», «идея», «икона», «схема», «форма» [232, с. 583]. Приведённый ряд лексем как соотносится с миром идеального, мыслительного, так и закреплён семиотическими системами. Это и есть ключевая особенность образа: «с одной стороны, он подразумевает наружный вид, а с другой – внетелесную и неизменную сущность» [232, с. 583]. Указанная черта образа отображена в поэтических текстах С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина. Ср.: (1) *Хорошо бы, как ветками ива, / Опрокинуться в розовость вод...* [247 (1), с. 147]; (2) *В просинь вод загляделися ивы, / Словно в зеркальце девка-краса...* [248 (1)]; (3) *Ютясь в тени тенистых ив, / Раздумчиво смотрю в аллею...* [249 (3)]; (4) *Львиный хлеб – плакучая ива / С анчарным ядом в стволе...* [248 (2)]; (5) *Но есть роковое: Печаль и Седины, / Плакучие ивы и воронов грай...* [248 (2)]; (6) *Ивы плакучий пух!..* [248 (9)]; (7) *Была ль та песня о печальной иве...* [249 (3)]; (8) *Наклонивши лик свой кроткий, / Дремлет ряд плакучих ив, / И, как шёлковые чётки, / Веток бисерный извив...* [247 (2), с. 12].

В примерах (1) *Хорошо бы, как ветками ива, / Опрокинуться в розовость вод...* [247 (1), с. 147]; (2) *В просинь вод загляделися ивы, / Словно в зеркальце девка-краса...* [248 (1)]; (3) *Ютясь в тени тенистых ив, / Раздумчиво смотрю в аллею...* [249 (3)] внешнее описание образа ивы

эксплицируется фитонимом *ива*, вербальными знаками *ветка*, *тенистый*, *воды*. В значении указанных лексических единиц объективированы когнитивные признаки, содержащие черты облика, или внешней формы, денотата¹ образа ивы. Ср.: «Ива – кустарник или дерево с *гибкими ветвями и узкими листьями* (здесь и далее выделано нами – Ю. Д.)» [229 (1), с. 627]; «Ветка – *небольшая ветвь*» [229 (1), с. 158]; «Тенистый – *дающий густую тень*, с густой тенью» [229 (4), с. 353]. Лексема *вода* воплощает когнитивный признак «произрастание в дикой и ассимилированной человеком природе (или место произрастания)», дополняющий представления о визуальной форме денотата анализируемого образа.

Указание на веземную сущность образа ивы, т.е. народное представление об иве как эталоне грусти и печали, воплощено адъективами *плакучий*, *печальный* в поэтических текстах (4) *Львиный хлеб – плакучая ива / С анчарным ядом в стволе...* [248 (2)]; (5) *Но есть роковое: Печаль и Седины, / Плакучие ивы и воронов грай...* [248 (2)]; (6) *Ивы плакучий пух!..* [249 (9)]; (7) *Была ль та песня о печальной иве...* [249 (3)]; (8) *Наклонивши лик свой кроткий, / Дремлет ряд плакучих ив, / И, как шёлковые чётки, / Веток бисерный извив...* [247 (2), с. 12]. Плакучая ива считается символом печали, скорби, горя и смерти, поэтому её часто изображают на картинах, иллюстрирующих распятие Иисуса. Кроме того, как знак скорби она зафиксирована в псалме 136 и используется в ряде обрядов на Вербное воскресенье².

В приведённых примерах проанализированные лексеммы актуализируют как «наружный вид» (ива произрастает преимущественно у воды, к которой спускаются её гибкие небольшие ветви, дающие тень), так и закреплённое народной традицией представление о дереве как символе скорби.

¹ Мы под денотатом понимаем «множество объектов действительности (вещей, свойств, отношений, ситуаций, состояний, процессов, действий и т.д.), которые могут именоваться данной единицей (в силу её языкового значения)» [214].

² Материалы изложены по данным «Энциклопедии знаков и символов» [237, с. 398].

Следовательно, в философской традиции образ связан как с формой бытия объекта онтологического мира, так и с отображением в сознании индивидуума его неизменной сущности, относящейся к мыслительному миру. Несомненно, образ принадлежит к ментальным единицам. В его основе лежит процесс познания онтологического мира.

Именно под данным углом зрения образ рассматривается в философской традиции. Об исследовании образа сквозь призму чувственного восприятия человека и соотнесении его (образа) с эмпирическим опытом индивидуума одним из первых говорил Аристотель. В «Метафизике» учёный определяет образ как форму, которую принимает материя. Чувственное восприятие позволяет человеку ориентироваться в окружающем мире, соотнося сигналы перцептивной системы с уже существующими в сознании. В качестве примера философ приводит вестовой огонь, приближение которого свидетельствует о наличии угрозы. Соотнося движение вестового огня, индивидуум принимает решения о дальнейшей деятельности. Кроме того, «иногда с помощью находящихся в душе образов, или мыслей, ум, словно видя глазами, рассуждает и принимает решения о будущем, исходя из настоящего» [8 (1), с. 439]. Отметим, что образ в концепции Аристотеля выступает важным компонентом мышления. Он выражает не частное и единичное, но общее, т.е. «то, что сказывается о единичных вещах» [8 (1), с. 110]. В основе образа, как чувственно воспринимаемого конструкта, учёный видит признак, позволяющий соотнести единичные предметы, объединив их в общий класс.

Противоположно рассмотрению образа Платоном. Философ неоднократно подчёркивает, что анализируемый феномен не есть результат чувственного познания. Скорее образ представляет собой неотъемлемое свойство, которое рождается в душе человека: «образ не в самом себе носит причину своего рождения, но неизменно являет собою признак чего-то иного» [137 (3), с. 455]. В диалогах «Кратил», «Горгий», панегирике

«Алкивиада» образ интерпретируется как критерий подобия, или прототип³. В основе создания таких образов лежит опыт человека и народа, а также этноспецифические черты мировидения.

Существенной характеристикой формирования образа, кроме указанных, Платон считает модальность восприятия предметов. Философ рассматривает образ как область зримого, в силу чего к образам исследователь относит тени, отражения в воде и гладких поверхностях, т.е. своеобразный след от предмета. Аналогично образы формируются и в сознании человека. Искусством их создания учёный называет искусство подражания. «Стремясь выполнить своё дело, каждый из них (мастеров – *прим. Ю. Д.*) выбирает нужные снасти не кое-как, но чтобы вещь приобрела определённый вид» [137 (1), с. 547]. Аналогичны суждения Аристотеля о формировании художественных образов, в основе которых лежит умение автора-творца видеть схожесть между описываемыми реалиями.

Следовательно, в концепциях Аристотеля и Платона образ является продуктом сознания, позволяющим ориентироваться в окружающем мире, поскольку содержит признаки, отображающие реалии действительности. Он трактуется и как прототип, и как форма мысли, а также даёт возможность классифицировать реалии действительности на основании общего признака у единичных предметов.

Рассмотрение образа неразрывно связано с деятельностью воображения человека. Представитель рационализма Р. Декарт определяет воображение как непосредственное созерцание образа (или формы) материального объекта действительности. Философ понимает под образом запечатление параметров предмета познания в сознании, или фантазии. К числу таких характеристик Р. Декарт относит то, что воспринимается ясно и отчётливо: размеры, т.е. протяжённость в высоту, длину, ширину; границы, или контуры предмета восприятия; части предмета и их расположение, возможное движение.

³ Т.е. единицу, «проявляющую в наибольшей степени сходства общие с единицами данной группы» [210].

Другие признаки (цвет, свет, вкус, запах, температурные регистры) мыслятся и воспринимаются туманно и смутно, поэтому их трудно классифицировать как истинные или ложные [55 (2), с. 36 – 37]. Учёный подчёркивает тождественность реалии окружающего мира и её образа в сознании индивидуума.

Р. Декарт вводит синонимичный образу термин *идея*, который трактует как форму восприятия, основывающуюся на реально существующей причине. В качестве примера исследователь приводит идею неба: мы знаем о его существовании, представляем себе его очертания, цвет, причиной же наличия такого образа в сознании, или воображении, человека является само небо, доступное созерцанию. Другим примером в концепции учёного выступает образ человека, который может мыслиться как силуэт, имеющий определённые границы, цвет, части тела.

Итак, Р. Декарт обосновал необходимость наличия тождества между объектом реальности и его образом в сознании индивидуума, а также описал основные параметры, или признаки, составляющие содержание мыслительных образов.

Другой представитель рационализма Г. Лейбниц употребляет слово *образ* в значении «представление не только фигур, но также звуков и других чувственных качеств» [109, с. 177]. Философ считает синонимичными понятия «образ» и «идея», относя их к сфере мыслительного мира индивидуума. Исследователь дифференцирует чувственные образы и/или идеи, которые человек получает извне посредством простого восприятия, и вторичные образы и/или идеи, формирующиеся в процессе рефлексии или являющиеся врождёнными. Г. Лейбниц отмечает, что невозможно чётко разграничить врождённые и приобретённые образы, т.к. они актуальны для человека и позволяют ориентироваться в окружающем мире. В то же время наличие большого количества образов в сознании индивидуума и его способность быстро «оживлять» эти образы составляет, по мнению

философа, суть опыта. Сам мыслительный процесс Г. Лейбниц сравнивает с волшебным фонарём, который проецирует сменяющиеся изображения на стену по мере движения механизма. «Но наш дух, заметив образ, который ему нравится, может сказать: «Остановись!» – и, так сказать, задержать его» [109, с. 177]. Следовательно, учёный сближает образ с мыслью, поскольку образ не только формируется при чувственном восприятии реалий онтологического мира, но и удерживается в сознании. Человек сохраняет образы-идеи и рефлексиирует над ними.

Аналогично рассматривает образ и Ф. Бэкон, понимая образ как источник мыслительного процесса. Учёный отмечал, что предметом философии не являются ни чувственное познание, ни человек вообще, а абстрактные понятия, которые конструируются на основе перцептивного восприятия действительности. Индивидуум формирует образы объектов онтологического мира (единичных предметов в концепции Ф. Бэкона), которые запечатлеваются в памяти в первоначальном зафиксированном виде. Их изменения возможны лишь при определённой обработке: «И только потом человеческая душа перерабатывает и переживает их, а затем либо пересматривает, либо воспроизводит их в своеобразной игре, либо, соединяя и разделяя их, приводит в порядок» [24 (1), с. 157]. Следовательно, образы служат материалом для построения мысли.

Кроме того, описанные философом процессы соотносятся с категоризацией и концептуализацией мира, формированием картины мира. Сам Ф. Бэкон считает очевидным, что образы используются в исторических трактатах, поэзии и философии. Соответственно, исследователь рассматривает образ не только как отражение чувственно воспринятых реалий действительности, но и как основу научного знания, художественного моделирования мира, познавательных процессов.

Более детально данные процессы описаны в концепции Т. Гоббса. Основой познания учёный называет чувственное восприятие, или ощущение.

Благодаря непосредственному взаимодействию с предметами внешнего мира человек воспринимает изменения в положении объекта в пространстве, температурных показателях, цветовых регистрах и т.п. На основании перцепции этих изменений формируется ощущение. Последнее в работах Т. Гоббса интерпретируется через понятие «образ»: «ощущение есть образ, обусловленный противодействием и направленным вовне импульсом, который возникает в органе чувств под влиянием импульса, исходящего от объекта и направленного внутрь, при условии известной продолжительности такого импульса» [47 (1), с. 194]. Данная дефиниция тождественна психологическим интерпретациям ощущения, которые зафиксированы в психологических словарях (см. [Петровский 1990; Мещеряков 2002] и др.).

Кроме того, Т. Гоббс дифференцирует образы, возникающие при непосредственном контакте с предметами окружающего мира, и образы отсутствующих объектов. Первые исследователь называет впечатлениями, а вторые – фантазиями, или воображением. Это позволяет философу интерпретировать воображение как ощущение, «ослабленное благодаря удалению предмета» [47 (1), с. 197]. Соответственно, моделирование культуры, отображение картины мира этноса в художественных произведениях можно трактовать как совокупность образов-фантазий реальных объектов онтологического мира и духовного мира человека, т.е. образов культурных реалий и установок.

Т. Гоббс уточняет, что не все фантазии можно называть образами. Данный термин применим лишь к тем из них, которые позволяют воспроизвести в сознании недоступные непосредственному восприятию предметы. Кроме того, над образами-фантазиями можно совершить мыслительные операции: перевести их из конкретных объектов материального мира в абстрактные сущности духовного мира индивидуума и/или этноса. Примером образа-фантазии служит мировое дерево, которое в каждой культуре объективируется определёнными денотатами. У шумеров

мировое дерево воплощает кедр, у финикийцев – кипарис, у арабов – пальма, у скандинавов – ясень, у славян – дуб. Для народов Восточной Европы мировым деревом является берёза, а для народов Сибири – лиственница. В тибетской культуре мировым деревом считается ива, а в исламе предпочтение отдаётся оливе [206, с. 119]. Однако у всех народов мировое дерево воплощает представление о строении вселенной. Его часто рассматривают как мировую ось и помещают в центр мира. Параметры мирового дерева и его функции тесно связаны с духовными установками этноса. Например, в мифах восточных славян о сотворении мира оно выступает связующим звеном между Правью, Навью и Явью: «Из мирового неведомого пространства упало семечко, и стал расти огромный Дуб – Мировое Древо, высокое и могучее. Корнями должно было уходить оно в царство глубинное, призрачное, туда, где место лишь для мёртвых и для тёмных сил; ствол его пойдёт поперёк царства Явного, где поселятся скоро живые и будут жить, пока не истечёт их срок; а верхушка и вовсе доберётся до Правильного царства, до страны, в которой вот-вот появятся могучие боги и станут править миром» [243, с. 14].

Следовательно, система представлений об устройстве мира закреплена за определённой номинацией, которая в концепции Т. Гоббса названа *универсалией*. Учёный использовал этот термин для названия ряда единичных предметов: если «человек есть имя не человеческого рода, а отдельно взятых людей – Петра, Ивана и других, то оно называется общим (universal)» [47 (1), с. 86]. Такое имя является стимулом для воспроизведения представлений, или концептов (*conceptus* в терминологии Т. Гоббса), которые соответствуют объектам онтологического мира в сознании человека. Содержанием представлений учёный называет образы и признаки познаваемых предметов: «представления же (*conceptus*), соответствующие этим вещам в нашем уме, только образы и признаки (*imagines et phantasmata*) отдельных живых существ и других вещей» [47 (1), с. 86].

Таким образом, Т. Гоббс при исследовании процесса формирования ощущений интерпретирует последние как образы, которые формируются посредством чувственного восприятия индивидуумом реалий окружающего мира. Философ различает образы-ощущения и образы-фантазии. Последние принадлежат духовному миру человека и являются результатом осознания, хранения и переработки поступающей информации. Кроме того, учёный выдвигает тезис об общих именах, или универсалиях, которые присущи ряду единичных объектов. Они выступают стимулами для воссоздания в сознании представлений (концептов), содержанием которых являются образы и признаки познаваемых объектов действительности.

Рассмотрение образа как когнитивной категории, тесно связанной с процессами познания окружающего мира, позволяет проследить взаимосвязь языка и культуры, а также объективировать её. В этой связи философы доказывают важную роль образа в формировании картины мира человека и/или этноса, понимаемой И. Кантом как состояние представления мира душой индивидуума [88 (1), с. 67]. Материя (или онтологический мир) и душа имеют пространственную связь. Соответственно, все изменения материи влияют на душу и позволяют последней адекватно моделировать действительность: «Материя с помощью своей силы, коей она обладает в движении, изменяет состояние души, благодаря чему душа представляет мир» [88 (1), с. 67].

Пространственная характеристика, связующая душу и материю, выступает в концепции И. Канта существенным параметром образа. Исследователь рассматривает образ в контексте геометрии. Он не отрицает, а скорее настаивает на чувственной природе образа, определяя последний как представление не о самом познаваемом объекте, а о способе познания. И. Кант называет доминантным визуальное, или пространственное, созерцание объектов онтологического мира. Именно то, что образы являются не эквивалентами вещей, а представлениями об их явлении, позволяет,

согласно концепции немецкого философа, аргументировать истинность их существования. «Все внешние предметы нашего чувственно воспринимаемого мира необходимо должны со всей точностью согласовываться с положениями геометрии, так как сама чувственность делает возможными эти предметы лишь как явления только посредством своей формы внешнего созерцания» [88 (4), с. 104]. Следовательно, согласно И. Канту, образ, основным содержанием которого выступают пространственные характеристики, формируется посредством чувственного (преимущественно визуального) восприятия.

Однако визуальное восприятие, хотя и доминирует при познании окружающей действительности, не является единственным при описании образа. В поэтических текстах С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина образ берёзы эксплицирован языковыми единицами, в значении которых указана модальность восприятия:

а) визуальные признаки актуализируются языковыми единицами со значением цвета (лексемы *белый, зелёный*), размера (фитоним *берёзынька*), объёма (слово *тонкий*) и т.п. Например: (1) *В багровом зареве закат шипуч и пенен, / Берёзки белые горят в своих венцах* [247 (4), с. 145]; (2) *И берёзы в белом плачут по лесам* [247 (4), с. 232]; (3) *Зелёная причёска, / Девическая грудь. / О тонкая берёзка, / Что загляделась в пруд?* [247 (1), с. 123]; (4) *Белая берёзынька / Клонится к дождю...* [248 (1)]

б) акустические параметры восприятия объективированы словами со значением «производить звук» – *звон, говорить*. Ср.: (1) *И деревня Красная лага / Захмелела под звон берёз* [248 (1)]; (2) *А над ним берёза, / Веткой утираясь, / Говорит сквозь слёзы* [247 (2), с. 173];

в) локационные, или пространственные, признаки воплощены с помощью языковых единиц *за ставней, дорога, могильный* в текстах (1) *За ставней берёза и ветер в трубе / Гадают о вещи народной судьбе* [248 (1)];

(2) *Там... есть дороги, / обсаженные берёзами* [249 (3)]; (3) *Я взгляну могильной берёзкой / На безбрежность песенных нив* [248 (2)].

Соответственно, при формировании образа учитываются все показатели, регистрируемые сенсорной системой человека. Зачастую при представлении образа такие параметры подаются комплексно. Например, Н. Клюев при помощи композита *зеленоустый* совмещает визуальный (цвет кроны дерева) и акустический (способность издавать звуки) признаки в образе берёзы: *На грядке веников ряды – / Душа берёз зеленоустых...* [248 (1)].

Отметим, что тезис о формировании образа посредством фиксации всех ощущений органами чувств индивидуума находит отображение в работе Гегеля «Лекции по философии религии» [43 (2)]. Учёный рассматривает форму чувства, созерцание и представление как формы религиозного сознания. Анализ указанных форм позволяет исследователю говорить о трёх этапах формирования и, соответственно, разновидностях образа: чувственном, понятийном и процессуальном. «Мы начали с образа как с непосредственного; мы познали его в его необходимости – из понятия. Но в конце концов он должен предстать и как существующий, т.е. происходящий из процесса» [43 (2), с. 310].

Сам процесс познания Гегель сравнивает с процессом сбора нектара бабочкой. Человек постоянно познаёт окружающий мир, получая от перцептивной системы новую информацию и храня её. Однако эти данные не осознаются, остаются до определённого времени неактуальными. Такой образ «принадлежит самости; но у простого нет различия, так и здесь: он (образ) есть в нём как в неразличённом» [42 (1), с. 289]. Исследователь указывает на важную роль в формировании образа человека, поскольку именно он придаёт «форму» получаемой информации. Гегель подчёркивает, что не имеет значения частота взаимодействия индивидуума с определённым объектом реальности, лишь мыслительные возможности и опыт позволяют

актуализировать знания и представления, или образы. Последние реализуют себя в индивидуальности, содержанием которой выступают «сосредоточение формы в самой себе, душа, отлетающая в звуке, и текучесть материи» [43 (2), с. 215], т.е. такие ощущения, как звук, запах, цвет, вкус и т.п. Эти параметры являются содержанием чувственного образа. Понятийным он становится, когда к перечисленным характеристикам добавляется «бытие для другого определения понятия» [43 (2), с. 216]. Наконец, процессуальный образ трактуется философом как актуальное нейтральное представление об объекте онтологического мира.

Итак, в концепции Гегеля образ рассматривается как отображающий актуальные параметры познаваемых реалий онтологического мира продукт деятельности мышления человека.

В философских концепциях понятие «образ» тесно связано с процессами познания, мышления, воображения, концептуализации и категоризации. Образ фиксируется памятью индивидуума и хранится в сознании в виде некоей идеи, аккумулирующей данные одномоментно признаки предмета. Его можно определить как знание о реалиях среды, которое участвует в формировании мысли. Однако оно (знание) не актуализируется во всей полноте, а лишь в некоем представлении, содержащем один или несколько существенных в данный момент для человека признаков, которые позволяют относить единичные предметы к классу объектов. Выступая знанием о предмете, образ является результатом познавательной деятельности и интерпретируется философами как единица отображения онтологического мира в сознании индивидуума, т.е. единица формирования картины мира человека и/или этноса, которая: 1) содержит актуальные признаки, отображающие реалии онтологического мира, в число которых входят размеры предмета, его границы, компоненты и их расположение; 2) выступает критерием подобия, или прототипом; 3) эквивалентна объектам реальности; 4) имеет три этапа формирования и,

соответственно, три основные разновидности: чувственный, понятийный и процессуальный.

Образ также рассматривается как психическая сущность. Это обусловлено его тесной связью с перцептивным восприятием и отображением внешних свойств, связей, пространственно-временных параметров объектов действительности. В психологии образ исследуется во взаимосвязи с ощущением и восприятием.

Если ощущение является лишь отдельным отражением определённого свойства (цвета, вкуса, запаха, консистенции, температурных показателей и т.д.) предмета, то образ отображает объект в целом, охватывая все его параметры. «Всякий перцептивный образ включает в себя целый ряд ощущений, так как любой предмет или явление обладают многими и различными свойствами, каждое из которых способно независимо от других свойств вызвать ощущение», – пишет А. Г. Маклаков [115, с. 201]. Однако образ не является суммой ощущений с одной или несколькими модальностями, в его формировании участвуют предыдущий опыт, осмысление воспринимаемого и отнесение его к определённым смыслам, категориям.

Восприятие является процессом построения образа предмета, ситуации или мира в целом. Отметим, что в психологических концепциях принято говорить преимущественно о зрительном восприятии и, соответственно, о зрительном образе. Содержанием последнего являются фактура поверхности объекта, температура, запах, форма, цвет и другие параметры [83, с. 257]. Этот тезис основан на положении, согласно которому при визуальном восприятии мир полнее открывается человеку. Данный вывод подкреплён рядом теоретических и экспериментальных исследований психологов. Признавая преимущество визуальной модальности при формировании и развитии образа, исследователи указывают, что он полимодален, т.е. продуцируется при помощи различных сенсорных систем.

В рамках рассмотрения восприятия образ не только идентифицируется и эксплицируется, но и выделяются его базовые свойства. Основным из них называют предметность. Она позволяет судить о реальности и адекватности образа, переживаемого индивидуумом. «Предметность образов восприятия означает, что субъект чувственно, субъективно переживает (видит, слышит, тактильно чувствует) образ как реальный объект в реальном пространстве среды» [83, с. 256]. Кроме того, это свойство позволяет говорить о тождественности мыслительного образа и отражаемого им предмета онтологического мира. Например, в словарной дефиниции *липы* актуализированы универсальные признаки, позволяющие отнести её к классу деревьев определённого ботанического семейства: «лиственное дерево из семейства липовых» [231 (6), стлб. 241]. Кроме того, эксплицированы дифференциальные характеристики рассматриваемого дерева, благодаря которым мыслительный образ, объективированный языковыми средствами, соотносится с объектом действительности: «с густой кроной и душистыми медоносными цветками» [231 (6), стлб. 241]. Так, например, в поэтических текстах С. Есенина с помощью лексем *холодный, золото, белый, звон* приведённые признаки сочетаются с субъективно переживаемыми параметрами образа липы. Ср: (1) *Будь же холоден ты, живущий, / Как осеннее золото лип* [247 (1), с. 130]; (2) *Кажется мне – осыпаются липы, / Белые липы в нашем саду* [247 (1), с. 134]; (3) *Отцвела моя белая липа* [247 (1), с. 183]; (4) *О звон далёких лип!* [247 (1), с. 134 – 135].

Не менее важной характеристикой образа является их сенсорная, или чувственная, модальность. Именно она определяет базовые признаки образа, которые выступают стимулами для их ментального воспроизведения. Хотя образ всегда полимодален, т.е. человек воспринимает объект действительности в совокупности данных одновременно качеств (формы, цвета, положения в пространстве и пр.), однако ведущей остаётся лишь одна, доминантная для воспринимающего модальность. Например, в текстах

С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина визуальная, слуховая, тактильная и обонятельная модальности актуализированы с помощью языковых знаков *смола, зелёный, звон, киноварный, мякоть, пахучий, бурый, янтарь*:

а) в поэтических текстах *А грехов на мне, / Что на сосне смолы* [249 (2)]; *Я поставлю медный крестик / На зелёну сосну...* [249 (2)] ведущей является визуальная модальность, реализованная посредством языковых единиц *смола* и *зелёный*;

б) слуховая модальность объективирована лексемами с элементом *-звон* со значением «производить звук определённой тональности». Ср.: *Пляшет колдунья под звон сосняка* [247 (4), с. 117]; *Поёт зима – аукает, / Мохнатый лес баюкает / Стозвоном сосняка* [247 (1), с. 17];

в) сочетания *киноварная мякоть коры, пахуч и бур стволы янтарь* вербализуют тактильную, обонятельную и зрительную модальности в примерах *Думы – олонцецкие сосны / С киноварной мякотью коры...* [248 (2)]; *У сосен сторожки вершины, / Пахуч и бур стволы янтарь* [248 (1)].

Несмотря на то, что человек воспринимает объекты онтологического мира не изолированно друг от друга, а комплексно, психологи установили, что в процессе восприятия образов характерно разделение фигуры и фона. Лишь цель процесса восприятия позволяет сфокусироваться и выделить нужный образ из фона. Например, в «Канонских песенках» М. Кузмин воссоздаёт образ девушки, фоном которого служит образ яблони, выступающий в произведении эталоном красоты: *Не похожа ли я на яблоню, / Яблоню в цвету, / скажите, подруги? / Не так ли кудрявы мои волосы, / Как её верхушка? / Не так ли гибок мой стан, / Как ствол её? / Мои руки гибки, как ветки. / Мои ноги цепки, как корни* [249 (1)]. Лексемы, называющие строение тела человека, приравниваются к эквивалентным в виденье автора текста словам, номинирующим элементы дерева, посредством конструкции с союзом *как*: *кудрявы мои волосы, как её верхушка; гибок мой стан, как ствол её; мои руки гибки, как ветки* и т.п.

Наконец, существенным свойством образа является «означенность, т.е. категориальное отнесение к какому-то из классов предметов человеческой культуры» [83, с. 259]. Отметим, что в толковых словарях современного русского языка закреплено такое категориальное отнесение. Ср.: «Сосновые – ботаническое семейство голосеменных растений, к которому относятся *сосна, ель, лиственница, кедр* и др. (здесь и далее выделено нами – Ю. Д.)» [204, с. 1240]; «Розоцветные – ботаническое название семейства древесных, кустарниковых и травянистых растений, к которому относятся *роза, яблоня, груша, персик, слива, вишня*, малина, земляника и др.» [229 (3), с. 728]. Это свойство позволяет сделать вывод о том, что формирование и развитие образа зависит не только от стимулов, получаемых нервной системой человека, но и от личного опыта восприятия, а также формируемой картины мира человека и/или этноса. «Т.е. у человека в образе вещи слиты: сенсорное переживание, чувственное содержание об объектах и понятийное знание об объектах, фиксированное в значениях языка» [83, с. 259].

Следовательно, в общей психологии принято определять образ как особое знание об онтологическом мире, данное в чувственном и субъективном переживании. Основные свойства мыслительных образов позволяют судить об их предметности, полимодальности, субъективности, а также участии в процессах концептуализации и категоризации мира. Само же рассмотрение мыслительных образов должно позволить ответить на вопрос о способах хранения и воспроизведения информации.

В рамках когнитивной психологии доминирующими являются три направления исследования, организованные вокруг гипотезы двойного кодирования, концептуально-пропозициональной гипотезы и гипотезы функциональной эквивалентности. Представители этих направлений исследуют образ с разных сторон, что позволяет дополнить характеристики образа.

Согласно гипотезе двойного кодирования, информация хранится в сознании человека в двух кодовых системах: образной и вербальной. Эти коды могут как не совпадать, так и перекрываться с большим акцентом на одном из них.

Последователи концептуально-пропозициональной гипотезы настаивают на невозможности хранения образа в сознании человека, поскольку он слишком многомерен и не может быть до конца осознаваем. Кроме того, как мы говорили выше, объём содержания образа неограничен, а вся информация дана в нём одновременно, поэтому его хранение и последующее воспроизведение намного превышает человеческие возможности. Однако образная и вербальная интерпретация воспринятых образов предметов, ситуаций и мира в целом, согласно рассматриваемой гипотезе, может храниться в сознании индивидуума.

В рамках гипотезы функциональной эквивалентности исследуется связь мыслительных образов с объектами онтологического мира. По итогам экспериментальных исследований был сделан вывод о «существовании в сознании образов, которые если не структурно идентичны объектам реального мира, то по крайней мере функционально связаны с ними» [163, с. 337].

Следовательно, в современных психологических исследованиях образ связывают преимущественно со зрительным восприятием. Он является единицей процесса восприятия и обладает предметностью, чувственным и субъективным переживанием, означенностью. Данные, полученные экспериментальным путём, позволили исследователям говорить о нескольких кодах в сознании человека, в числе которых образный и вербальный.

Подводя итогу, отметим, что понятие «образ» тесно связано с процессами восприятия, познания и мышления. В философской научной традиции принято говорить об образе как основе для формирования мысли, а также опыта и знаний человека о мире. В психологии его рассматривают как

адекватное отражение объектов действительности в сознании человека, формируемое в процессе восприятия онтологического мира. Тождественность мыслительного образа предмету познания обеспечивается рядом основных параметров, к которым относят форму, цвет, звук, высоту, ширину, положение в пространстве, температурные регистры, тактильные ощущения. Способность образа возникать в сознании или воображении не только во время непосредственного взаимодействия, но и после удаления предмета, формировать определение абстрактных слов обуславливает выделение чувственных образов и образов-фантазий. Также образ участвует в процессах категоризации, соотнося и объединяя в классы единичные предметы на основе общих признаков. Данный процесс находит отображение в системе языковых единиц (например, универсалии Т. Гоббса). Кроме того, образу приписывают функцию прототипа, ориентированного на правдоподобное и адекватное воспроизведение объектов онтологического мира. Образы предметного мира также могут выступать эталонами описания абстрактных ментальных идей (например, образ яблони интерпретируется как эталон красоты при описании внешности девушки).

I.2. Образ как объект филологического анализа

Филологические интерпретации образа предполагают изучение его языкового воплощения: как выявление и анализ лексических средств экспликации образа, так и определение лингвокультурологического компонента значения вербальных знаков, объективирующих образ.

В литературоведении образ понимается как категория художественного творчества, связанная с представлениями об отношении искусства и воссоздаваемых в его рамках моделях онтологического мира к

действительности, о роли автора-творца, о внутренних принципах искусства, а также с проблемой восприятия художественного произведения. В широком смысле образ в литературоведении рассматривается как форма бытования произведения, «взятого со стороны его выразительности, впечатляющей энергии и значимости» [215, стлб. 670]. В узком смысле это одно из средств воссоздания (моделирования) среды, т.е. природы и культуры, в которых проходят процессы жизнедеятельности этноса, а также форма отражения авторских чувств, мыслей, стремлений, ценностей и т.д. Как правило, такой образ называют художественным (см. [Тынянов 1977; Бахтин 1975, 1979; Тамарченко 2004] и др.).

Отметим, что художественный образ рассматривается как категория познания, сквозь которую преломляются не только знания автора об окружающем мире, но и культурные установки, традиции, обычаи. Его познавательную (а), коммуникативную (б), эстетическую (в) и воспитательную (г) функции относят к числу основных [228, с. 241].

Познавательная функция образа (а) заключается в том, что автор познаёт мир, отображает его в художественной картине мира, формируемой в произведении. Однако такое представление (воссоздание) никогда не бывает абсолютно эквивалентным реальному миру, поскольку формирование образа предусматривает «высвечивание», экспликацию идеального, скорее утопического, устройства мира этноса и сравнение этого эталона с реальностью. Кроме того, художественный образ служит средством познания и для читателя, раскрывая культуру определённой эпохи, позволяя сравнивать культурные нормы и ценности народа, задавая модели поведения.

Суть коммуникативной функции образа (б) сводится к тому, что художественному произведению присущ диалог между автором и читателем: передача идеалов культуры и времени, художественных переживаний автора и т.д.

В основе эстетической функции образа (в) лежит представление о том, что он помогает раскрыть самобытную сущность фактов искусства, поскольку противопоставляется продуктам абстрактного мышления (силлогизму, умозаключению, суждению, доказательству, формуле). В современной теории литературы образ рассматривают как факт идеального бытия, поскольку его нельзя полностью отождествить с отображаемым им объектом реального мира. Он трактуется как допущение, которое ориентирует воспринимающего индивидуума в художественном пространстве и формирует определённую стереотипность восприятия. Например, при создании образа берёзы колоратив *белый* и лексемы с семой «белый» участвуют в объективации признака, сосредотачивающего внимание на доминирующей модальности восприятия: *Белая берёза / Под моим окном / Принакрылась снегом, / Точно серебром* [247 (4), с. 45]. Ср.: «Белый – цвета снега, молока, мела» [229 (1), с. 78]; «Берёза – лиственное дерево с белой корой (здесь и далее выделено нами – Ю. Д.)» [229 (1), с. 80]; «Снег – твёрдые атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде белых звездообразных кристалликов или хлопьев, представляющих собой скопление таких кристалликов» [229 (4), с. 164]; «Серебро – химический элемент, благородный металл серовато-белого цвета с блеском (употребляется для выделки ювелирных изделий, посуды, для чеканки монеты, в фотографии и т. п.)» [229 (4), с. 81]. Словосочетание *белая берёза* воплощает стереотипное отображение денотата образа берёзы в художественном тексте, которое усиливается использованием при описании дерева вербальных знаков, указывающих на конкретный цвет спектра и эксплицирующих визуальную модальность восприятия. Отождествление веществ, номинируемых лексемами *снег* и *серебро*, позволяет представить берёзу в поэтическом тексте как ювелирное изделие, т.е. факт материальной культуры.

Кроме того, визуальный признак цвета коры, объективированный в языке поэзии С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина словами *молоко, свеча, невеста*, расширяет образ берёзы, создавая метафорические образы и символы:

а) в текстах *Взбрезжи, полночь, луны кувшин / Зачерпнуть молока берёз!* [247 (1), с. 153]; *Туда, где льётся по равнинам / Берёзовое молоко* [247 (1), с. 40] метафора создаётся на основании цветового сходства объектов (белая кора – белое молоко), выраженного колоративом *белый*⁴;

б) аналогия по форме, воплощённая отождествлением денотатов вербальных знаков *свеча*⁵ и *берёза*, формирует метафору в примерах *Льются сумерки прозрачные, / Кроют дали, изб коньки, / И берёзки-свечки брачные / Теплят листьев огоньки* [248 (1)]; *Хорошо и тепло, / Как зимой у печки. / И берёзы стоят, / Как большие свечки* [247 (1), с. 15];

в) в тексте *Под берёзкою-невестой, / За сухим посошником...* [247 (2), с. 13] образ создан на основе отождествления традиционного цвета платья девушки перед обрядом бракосочетания с цветом коры дерева);

г) частотность произрастания и тесная связь с культурными традициями делает дерево символом страны, что воплощено в примерах *За берёзовую Русь / С нелюбимой помирюсь* [247 (1), с. 225]; *Эх, берёза русская! / Путь-дорога узкая!* [247 (1), с. 224]. Принято считать, что берёза стала символом России именно благодаря творчеству С. Есенина (см. [Вовк 2006; Прохоров 2007] и др.).

Воспитательная функция образа (г) связана с внушающей силой художественного творчества, которое в образе задаёт определённую надличную систему художественных ценностей.

⁴ В языковом опыте этноса за ним закреплено значение «цвет снега, молока, мела» [229 (1), с. 78], указывающее на эталонность цвета перечисленных веществ при формировании образов объектов онтологического мира.

⁵ Лексема *свеча* номинирует «вертикальную палочку с фитилём внутри, служащую для освещения» [229 (4), с. 48].

Образ в литературоведении рассматривается в нескольких аспектах: эстетическом, онтологическом, семиотическом, гносеологическом. В рамках эстетического аспекта делается акцент на целостность образа, его жизнеподобность и, в силу этого, красоту и привлекательность для читателя.

Сквозь призму онтологического аспекта образ интерпретируется как схематический объект, который надстраивается над своим материальным субстратом (денотатом). Образ рассматривают как содержание, а отображаемый им предмет – как форму. Действительно, воссоздавая образ мирового дерева, С. Есенин и Н. Клюев не указывают, например, химический состав древесины, однако сосредотачивают внимание на конкретном наименовании дерева, его описании, атрибутах, соединяющих небесный мир с миром людей (см. Глава II).

Образ как знак исследуется в семиотическом аспекте, поскольку он выступает средством трансляции культурной информации. Для понимания образа-знака необходимо владеть «ключом», или культурным кодом. Например, берёза в славянской культуре связана со светом не только благодаря цвету своей коры. В берёзовых рощах – березняках – всегда светло, т.к. кора светлая, ветви тонкие, а лиственная крона хорошо пропускает солнечный свет. Кроме того, берёза тесно связана с бытом русского народа: из неё делали лучину, которая освещала крестьянскую избу; берёзовыми поленьями топили печи; из берёзовых веток делали лучшие веники для бани. Берёзовый сок, листья, почки и сейчас используются в народной медицине. Из определённых сортов берёзы (например, карельской) делают дорогую мебель, сувениры, изделия прикладного искусства. В мифах о мировом древе берёза считалась деревом поэтического слова. Она отождествляется на Руси с грамотностью, поскольку из её коры делали материал для письма – бересту. В русском фольклоре берёза связана с

женским началом. Она олицетворяет красоту, нежность девушки⁶. Эти представления закреплены и в языке русской поэзии. Ср.: *Вернулся я / В родимый дом. / Зеленокосая, / В юбчонке белой / Стоит берёзка над прудом* [Есенин 1997: 164]; *Берёзки! / Девушки-берёзки!* [247 (2), с. 157]; *Синь и стыть, / И нечем голые коленки / Берёзке в изморозь прикрыть* [248 (1)]. В приведённых примерах фитоним *берёзка* сочетается с лексическими единицами *зелёнокосый, юбчонка белая, голые коленки, ноги*, выступающими основой сопоставления берёзы с девушкой.

Гносеологический аспект обуславливает определение образа как идеи или гипотезы, которая внушается автором с максимальной чувственной убедительностью, поскольку опирается на опыт читателя и его картину мира.

Следовательно, художественный образ – это сложное, полифункциональное явление, которое одновременно обладает высокой степенью автономности, мыслится как целостный фрагмент действительности, т.е. объективно, однако в качестве гипотезы проявляет свою субъективность. Выступая знаком культурной коммуникации, образ межсубъективен, поскольку реализует диалог между автором и его читателем.

В литературоведении принято говорить о нескольких разновидностях образа. Во-первых, различают поэтический и прозаический словесные образы. В структуре поэтического образа выделяют так называемые «готовые» образы, к числу которых относят тропы и фигуры, а также топоры и эмблемы, и изоморфные авторские образы. В рамках прозаического слова функционируют (в терминологии М. М. Бахтина) «прямое» авторское слово и «объектное» слово. Во-вторых, структурное многообразие образов сводится к образам, построенным по принципу метонимии, т.е. ассоциации, и образам, формируемым по аналогии, т.е. на основе метафоры. «На идейно-

⁶ Даётся по материалам обработки словаря «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» (Под общ. ред. Ю.Е.Прохорова) [224, с. 52 – 54].

смысловом уровне этим двум структурным принципам соответствуют две разновидности художественного обобщения (метафоре – символ, метонимии – тип) [215: стлб. 672].

Следовательно, в литературоведении образ (по умолчанию, художественный) рассматривают как сложное, многогранное и многомерное понятие. Он является одновременно категорией художественного творчества и шире – пространства. Образу присущи такие характеристики, как наглядность, эталонность, выразительность, целостность, относительная автономность и пр. Кроме того, в художественном образе общее, или объективное, тесно переплетено с индивидуально-авторским, или субъективным. Это обуславливает рассмотрение образа как исторически изменчивого понятия, в котором находит отображение изменяющаяся в соответствии с эпохой картина мира человека и/или этноса.

В современном языкознании принято апеллировать к категории образности, с которой связано и использование термина *образ*. Традиционно под образностью понимается способность единиц языка создавать чувственные и наглядные представления об объектах действительности (как реальной, так и художественной).

Образность, по В.А. Масловой, является реальным свойством языковых единиц и проявляет себя в способности вызывать обобщённые и абстрагированные представления-«картинки» в сознании индивидуума. При рассмотрении образности с лингвистической точки зрения в её структуре выделяют: 1) референт, который противопоставляется гносеологическому понятию предмета отражения; 2) агент как предмет в отражённом виде; 3) основание, которое вытекает из принципа подобия, поскольку у предмета и его отражения обязательно должны быть общие свойства. Все три выделенные компонента представлены в сравнении, метафоре, фразеологизме, образность которых заключается во внутренней форме [119, с. 44 – 45]. Мы, вслед за А. А. Потебней, определяем внутреннюю форму

языковой единицы как «отношение содержания мысли к сознанию» [141, с. 210].

А. А. Потебня выделяет в слове два значения: «одно, которое мы выше называли объективным, а теперь можем назвать ближайшим этимологическим значением слова, всегда заключает в себе только один признак; другое – субъективное содержание, в котором признаков может быть множество» [141, с. 210]. Последнее значение в концепции филолога получило название внутренней формы слова. Она выступает связующим звеном⁷ между звуком (планом выражения) и значением (планом содержания).

Примечательно, что в современных лингвистических концепциях (например, в теории лексической мотивации О. И. Блиновой) внутренняя форма рассматривается как структура, которая позволяет интерпретировать и объяснить связь означающего и означаемого языкового знака, т.е. как мотивация выбора определённого звукового или буквенного комплекса для обозначения предмета среды. Зачастую внутренняя форма слова, согласно концепции О. И. Блиновой, осознаётся носителями языка посредством соотношения этого слова с рядом однокоренных или одноструктурных языковых единиц, а также с внеязыковой реальностью. Например, в «Новом словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова структура словообразовательных гнёзд наименований растений строится следующим образом: перечисляются уменьшительно-ласкательные слова, названия леса, зарослей, а также относительные прилагательные. Производное слово связано с производящими отношениями мотивации. Ср.: *рябина* – *рябинка* (т.е. уменьшительно-ласкательное к *рябине* [229 (3), с. 748]); *рябина* – *рябинник* (рябиновая роща или заросли рябины [229 (3), с. 748]); *рябина* – *рябинный* (прилагательное к *рябина*, т.е. рябинные ветви, рябинные ягоды, рябинные

⁷ А. А. Потебня неоднократно отмечает, что в основе связи между звуковым комплексом и значением лежит чувство.

цветы [229 (3), с. 748]); *рябина* – *рябиновый* (во-первых, приготовленный, сделанный из рябины; во-вторых, оранжево-красный, т.е. цвет ягод рябины [229 (3), с. 748]) [234, с. 410]. Приведённые пары слов, квалифицируемые как однокоренные, связаны отношениями мотивированности, но не дают представления о связи означающего и означаемого языкового знака, т.е. не раскрывают причины номинации *рябина*, для установления которых следует обратиться к этимологическим словарям. Фитоним *рябина* представлен во всех славянских языках. Исходными для него считают *erębь «рябчик» и *ęrębь «бурый» [235 (3), с. 534 – 535]. Кроме того, анализируемое слово считают производным от существительного *рабь* «насечка, пестрина», т.е. дерево могло быть названо по визуальному признаку формы листьев [238, с. 365].

Данный анализ показывает, что внутренняя форма слова является частью семантической структуры языковой единицы. Она выражает мотивированность наименования определённого объекта внеязыковой действительности конкретной единицей языка. Языковеды (в числе которых Е. А. Юрина) отмечают, что внутренняя форма присуща всем словам, а образность, являясь лексико-семантической категорией, проявляется не во всех вербальных знаках, а лишь в тех, которые способны обозначать явления онтологического мира в ассоциативной связи с другими феноменами действительности на основании их тождественности по определённому параметру [194, с. 26 – 27].

Отметим, что в лингвистике образ эксплицируется как связующий элемент слова и номинируемого им объекта. Этот тезис сформулирован ещё в концепции В. фон Гумбольдта, заложившего основы современной лингвокультурологии. Исследователь называет одним из аспектов объективации взаимосвязи языка и культуры соотношение слова с обозначаемым предметом, в рамках которого философ языка апеллирует к понятию «образ». Учёный отмечает, что «слово не является изображением

вещи, которую оно обозначает, и ещё в меньшей степени является оно простым обозначением, заменяющим саму вещь для рассудка или фантазии. От изображения оно отличается способностью представлять вещь с различных точек зрения и различными путями, от простого обозначения – тем, что имеет свой собственный определенный чувственный образ» [51, с. 305]. Следовательно, в основе содержательной стороны слова лежит перцептивный образ, что, по мнению лингвиста, сближает его с произведением искусства и указывает на заимствование у природы формы выражения идеи⁸.

А. А. Потебня, развивавший идеи В. фон Гумбольдта, трактует образ как субъективно-объективную исходную форму мысли. Субъективность образа состоит в том, что он является результатом познавательной деятельности определённого человека и, соответственно, принадлежит его сознанию. Образ объективен в силу того, что продуцируется у каждого индивидуума под влиянием одних и тех же внешних возбуждений. Такая двойственность позволяет А. А. Потебне, вслед за В. фон Гумбольдтом, рассматривать образ как единицу связи между онтологическим миром и языком.

Разграничивая образное и понятийное мышление, А. А. Потебня настаивает на первичности образного, чувственного мышления, которое ложится в основу формирования как мысли, так и языка. Трёхчленная структура слова позволяет соотнести и разграничить образ и понятие, а также раскрыть особенности когнитивных процессов индивидуума, в частности, особенности поэтического и прозаического мышления.

Задачу поэзии исследователь видит в преобразовании мысли. Каждое новое преобразование можно квалифицировать как акт познания, расширения опыта человека, его мировидения. «Самое существенное для нас

⁸ При таком рассмотрении образ (а именно: языковой образ) можно трактовать как одну из базовых единиц объективации взаимосвязи языка и культуры.

в данном случае то, что слово... есть средство преобразовывать впечатления, делать их предметом познания вновь; оно есть средство создания новой мысли. Это основное положение уясняет нам, зачем нужна поэзия» [140, с. 237]. Рассматривая значение слова как совокупность признаков, исследователь отмечает, что язык поэзии даёт возможность не только воспроизвести идею, но и создавать новые мысли, или отвлечения в терминологии А. А. Потебни.⁹ Из суммы признаков, составляющих значение, выделяется один существенный, который позволяет наиболее точно сформулировать мысль. Этот признак А. А. Потебня называет представлением. Оно лежит в основе восприятия и преобразования мысли. «Каждое слово, отдельно произнесённое, – пишет исследователь, – есть уже сумма, т.е. объясняет новое восприятие через сравнение его с прежним, с коим новое сходно в одном пункте. Этот-то пункт и есть представление» [142, с. 247]. Учёный отмечает, что представление способно замещать образ, оно облегчает сознательное общение и создаёт условия для продуцирования новых форм, которые способны пополняться новыми признаками. Именно оперирование представлениями позволяет человеку расширять значения, следовательно, обогащать язык, а также способствует развитию духа человека и народа, оказывает влияние на культуру.

Различия понятие и образ, исследователь отмечает сложность и нерасчленимость последнего, поскольку он позволяет представить предмет одновременно во всей совокупности признаков. При взаимодействии с объектом онтологического мира, например, при созерцании человеком дерева, вся совокупность информации, известной о нём, составляет один нерасчленимый момент душевного состояния индивидуума. Для выделения

⁹ Описание этого процесса тождественно описанию построения метафоры, предложенному в работах Аристотеля, Э. Кассирера, Х. Ортега-и-Гассета, Ф. Уилрайта, Дж. Лаккофа, М. Джонсона и др. Метафора образуется при акте концентрации, компрессии опыта, полученного при непосредственном взаимодействии с окружающим миром. Как правило, в языке поэзии в основе метафоры лежит аналогия, т.е. умение видеть сходство предметов. «В самом деле, – отмечает Аристотель, – [чтобы] хорошо переносить [значения, нужно уметь] подмечать сходное [в предметах]» [8 (4), с. 672].

отдельных существенных в данный момент времени признаков требуется сознательное усилие. Ср.: *Под окном берёзка росла, / Ствол из воска, светлы побеги* [248 (1)]; *Что, мнится, под северные ивы / Перенесёшь живительный родник* [249 (2)]; *На этих липах не цветы – / На этих липах снег да иней* [247 (4), с. 235]. В приведённых примерах лексическими единицами *ствол из воска, светлы побеги, снег да иней* актуализированы визуальные (цвет коры дерева, его кроны) параметры, словом *северный* объективирован пространственный (место произрастания) признак. Кроме того, для говорящих важно определение разновидности дерева. Это существенно для создания определённой мысли, её выражения, достижения адекватного отображения мира.

Следовательно, используя язык как основное средство формирования и воспроизведения мысли, человек непрерывно совершает акт познания. Опираясь образными и безобразными словами, индивидуум расширяет значения языковых единиц, тем самым оказывая поступательное движение в развитии и совершенствовании не только языка, но и культуры [142, с. 251]. А. А. Потебня неоднократно подчёркивает важность чувственного познания и образа при формировании слов, а также при продуцировании художественных (поэтических) текстов.

Тезис о превалировании чувственного познания над научным является существенным и для концепции А. Н. Афанасьева. Учёный считает, что в основе образования языка лежит чувственный образ, т.е. то впечатление, которое сформировалось у носителя языка при непосредственном влиянии на перцептивную систему объектами онтологического мира. «В незапамятной древности значение корней было осязательно, присуще сознанию народа, который со звуками родного языка связывал не отвлечённые мысли, а те живые впечатления, какие производили на его чувства видимые предметы и явления» [10, с. 17]. Эта связь характерна для раннего этапа развития языка, на котором формируются не только слова с осознаваемой внутренней

формой, но и наивная картина мира народа, в содержание которой входят донаучные представления этноса о «видимых предметах и явлениях». А. Н. Афанасьев отмечает, что уже на данном этапе в языке присутствует определённая метафоричность, поскольку объект воспринимается в сумме доминантных для человека признаков, которые позволяют отождествить «видимый предмет» с предметом, недоступным для непосредственного восприятия.

Таким образом, на раннем этапе закладываются основные механизмы мышления, поскольку, как отмечает исследователь, происходит категоризация познаваемого мира и в то же время упорядочение языкового материала: «Так как различные предметы и явления легко могут быть сходны некоторыми своими признаками и в этом отношении производят на чувства одинаковое впечатление, то естественно, что человек стал сближать их в своих представлениях и придавать им одно и то же название или, по крайней мере, названия, производные от одного корня» [10, с. 16]. Существенной для отображения предметов действительности учёный считал систему синонимов, которая также формировалась на раннем этапе развития языка и воплощала представления индивидуума о разных свойствах и признаках реалий онтологического мира: «По разнообразию признаков, одному и тому же предмету или явлению придавалось по несколько различных названий. Предмет обрисовывался с разных сторон и только во множестве синонимических выражений получал своё полное определение» [10, с. 16]. Как видим, уже на первом этапе эволюции языка формируются определённые концептуально-тематические области (термин Н. Н. Болдырева – *Ю. Д.*), позволяющие свести воедино знания об объекте онтологического мира, произвести инвентаризацию признаков с последующим выделением наиболее значимых, объективировать информацию языковыми средствами для последующего оперирования и передачи. Отметим, что, рассматривая этап чувственно воспринимаемых

значений слов, А. Н. Афанасьев констатирует тесную связь языка с культурой этноса, нашедшую выражение в системе лексических единиц.

Развивая положение о генезисе языка, учёный приходит к выводу, что на второй стадии развития языка происходит «забвение» внутренней формы (в терминологии А. Н. Афанасьева – *коренного значения*). Причину этого явления исследователь видит в угасании словотворчества, поскольку все явления окружающего мира получили своё наименование, категоризованы и закреплены за определённым материальным знаком. «Более и более удаляясь от первоначальных впечатлений и стараясь удовлетворить вновь возникающим умственным потребностям, народ обнаруживает стремление обратить созданный им язык в твёрдо установившееся и послушное орудие для передачи собственных мыслей» [10, с. 17]. Это становится возможным, согласно концепции филолога, лишь при утрате коренного значения, т.е. при сохранении за словом только материальной формы для указания на объект онтологического мира «в его полном объёме, без исключительного отношения к тому или другому признаку» [10, с. 17]. Таким образом, А. Н. Афанасьев выделяет в структуре слова несколько компонентов: звук (материальное выражение), значение (указание на объект онтологического мира) и коренное значение (изначальный образный отклик на воспринимаемое)¹⁰.

Современные исследователи образ отождествляют с внутренней формой слова, поскольку его рассматривают как основу универсально-предметного кода¹¹ (далее – УПК). «На наш взгляд, – пишет Н. Ф. Алефиренко, – УПК действительно представляет собой образную схему, смысловой центр которой представлен наглядным образом» [5, с. 111]. Отметим, что в концепции Н. И. Жинкина УПК тесно связан с

¹⁰Описание структуры слова у А. А. Потебни тождественно приведённому, некоторые различия наблюдаются лишь в наименовании компонентов. Это позволяет утверждать, что образ является одним из основных (но не единственным) источников формирования семантики языковых единиц.

¹¹ Термин введён Н. И. Жинкиным.

мышлением, являясь одним из его динамичных компонентов. В основе УПК лежит чувственное познание и, соответственно, образ, который эксплицируется речевым кодом (другим динамичным компонентом мышления человека). Однако Н. Ф. Алефиренко отмечает, что применительно к процессам формирования семантики языковых знаков только УПК и эксплицированного единицами языка образа недостаточно. По мнению исследователя, к указанным компонентам следует добавить следующие: «УПК – предметный остов (квалифицируемый исследователем как образ осуществившегося или потенциального предметного действия – Ю. Д.) – внутренняя форма – словесный образ» [2, с. 112]. В этой иерархии образ относят к довербальным категориям сознания, на базе которых формируются категории языкового сознания и языковой, или словесный, образ. Данный тезис выступает исходным в ряде лингвистических исследований, выполненных в рамках дисциплин синтезирующего типа (см. [Кубрякова 2004; Алефиренко 2005, 2010; Попова, Стернин 2007] и др.).

Рассматривая образ как довербальную категорию, лингвисты выделяют три уровня формирования его смыслового содержания: сенсорно-перцептивное отражение, уровень представлений и уровень понятийного мышления.

На первом этапе формируется перцептивный, или чувственный образ. Он является отражением предмета при непосредственном взаимодействии индивидуума с ним. Описание этого образа тесно связано с психологическими концепциями, поскольку исследователи апеллируют к понятиям «ощущение» и «восприятие». На этапе сенсорно-перцептивного отражения фиксируется внешний облик предмета, тактильные, звуковые, вкусовые и другие ощущения. Как правило, чувственный образ – это образ конкретного предмета, который объективируется языковыми средствами и может быть зафиксирован в словарной дефиниции соответствующего языкового знака. Ср.: «Верба – дерево из рода ивы, растущее обычно по

берегам рек и сырým местам» [231 (2), стлб. 167]; «Верба – дерево или кустарник из рода ивы, с гибкими ветвями буро-красного цвета» [229 (1), с. 149]; «Верба – родовое название деревьев, множества видов, *Salix*; ива, ветла, лоза, бредина, раkitник, молокитник» [208]; «Верба – дерево или кустарник из рода ивы, с пушистыми почками» [220, с. 64]; «Верба – дерево или кустарник семейства ивовых с гибкими ветвями и пушистыми почками» [204, с. 118]. В приведённых словарных статьях закреплены как внешние признаки (цвет и форма (гибкость) ветвей и почек денотата), так и положение в пространстве (произрастание у воды). Эти представления находят отражение и в языке русской поэзии. У С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина с помощью сочетаний *серёжки вербы, пух пушистой вербы, ветку вербы на узду, приютились к вербам избы, вербы у плетня* объективировано описание образа вербы через экспликацию визуальных и пространственных признаков. Ср.: (1) *Свесила **вербы серёжки** мохнатые / Мёда душистее, белее холста* [248 (1)]; (2) *У кормы я прикрепила / Вешний **пух пушистой вербы*** [249 (8)]; (3) *Не жалея весны желанной, / Не гонись за **пухом** верб* [249 (9)]; (4) *Дай ты мне зарю на дровни, / **Ветку вербы на узду*** [247 (1), с. 126]; (5) *В том краю, где жёлтая крапива / И сухой плетень, / Приютились к **вербам** сиротливо / **Избы** деревень* [247 (1), с. 68]; (6) *Седые **вербы у плетня** / Нежнее головы наклонят* [247 (1), с. 140].

На уровне представлений образ возникает при отсутствии предмета. Рассматриваемый феномен выделяется из фона и осмысливается без непосредственного воздействия на органы чувств человека. Такой образ интерпретируется лингвистами как целостная картинка, поскольку позволяет смоделировать объект познания. Кроме того, образ-представление чаще всего эксплицируется языковыми средствами. Их объективируют предметные имена существительные (*верба, ива, раkита, ветла* и т.д.), качественные имена прилагательные, обозначающие физические свойства (*белый, зелёный, пушистый* и т.п.), а также глаголы конкретного физического действия

(ветвиться, расцветать, встретить, стоять и др.) [194, с. 14]. Наш материал исследования показывает, что к этому ряду целесообразно добавить относительные имена прилагательные с семантикой указания на время, состояние, место произрастания и т.д. (*осенний, плакучий, олонецкий* и др.), которые позволяют конкретизировать чувственный образ, соотнести его с определённой территорией, временем, состоянием. Ср.: (1) *Сутулятся волжские вербы / Над скорбью бурлацких могил* [248 (2)]; (2) *Чтоб белей цветов весенней ветлы / Стала жизнь на поприще людском!* [248 (1)]; (3) *Схожа я с мишстой, заплаканной ивою, / Мне ли крутиться в янтарь-бахрому?* [248 (1)].

На уровне понятийного мышления происходит рационализация образа, проявляющаяся в избирательности его содержания (совершается отбор только доминантных признаков объектов онтологического мира, позволяющих соотнести данный объект с рядом тождественных, а также дифференцировать его в этом ряду). Отметим, что рационализация образа рассматривается лингвистами (например, М. Я. Розенфельд) как отображение лишь практически значимых для жизнедеятельности человека реалий. Однако, на наш взгляд, такое сужение круга отображаемых реалий окружающего мира неоправданно. Процессы восприятия и познания – неотъемлемая часть деятельности индивидуума, образ является, согласно рассмотренным выше концепциям, результатом этих процессов.

Считаем, что рациональный образ обладает понятийным содержанием, т.е. выступает в качестве определения некоей абстрактной идеи. Например, в поэтическом тексте Н. Клюева идея горизонтальной плоскости мира, в которой живёт человек, раскрывается через образ дороги, выраженный синтаксической конструкцией *дерево стало дорогой: И дерево стало дорогой, / Путём меж алмазных полей, / Трубящих и теплящих очи, / И каждое око есть мир, / Слав жизнью и душ отошедших* [248 (1)]. Отметим, что образ дороги является одним из ключевых параметров горизонтального

описания мирового дерева, т.е. той универсальной концепции мифопоэтического представления человека об устройстве вселенной, которая позволяет различать факты, связанные с культурой и природой (см. [Толстой 2004, Токарев 1987, Сиднева 2008] и др.).

Кроме того, рационализация образа проявляется в отборе доминантных для жизнедеятельности человека параметрах познаваемого объекта онтологического мира. Ср.: (1) *По дорогам усохшие вербы / И тележная песня колёс* [247 (4), с. 220]; (2) *Как сидит под ольхою дорога* [247 (4), с. 273]; (3) *Посмотри, какие тени / На дорогу стелют вязы!* [248 (1)]; (4) *Каждый оставил / Дом / С ивами над прудом...* [247 (3), с. 147]; (5) *А вербы над речкой как ангелы белы* [248 (1)]; (6) *Где бледная под ивой урна, / Куда мой лёгкий прах сложить?* [249 (3)]; (7) *Ты печальна, как ивы родного кладбища* [248 (1)]. В приведённых примерах с помощью лексем *дорога, пруд, река, урна, кладбище* актуализирован локационный параметр лиственных деревьев: все они произрастают в обжитых человеком местах и выполняют определённую функцию (часто её истоки лежат в плоскости культуры). Кроме того, на этом уровне формирование образа связано с процессами переосмысления свойств реалий онтологического мира. Чувственные образы становятся основой для структурно более сложных образов-воображения, создающихся посредством когнитивной метафоры.

Отметим, что в лингвистических работах образ рассматривается и как единица промежуточного языка тезауруса языковой личности. Априорным считается тезис о первичности чувственности опыта при получении знания. Действительно, субъективный опыт взаимодействия с объектами среды формирует полимодальный образ воспринимаемых объектов. Однако зрительная модальность, наряду со слуховой и тактильной, участвуют в получении коллективного знания, которое закрепляется и передаётся при помощи основной знаковой системы – языка. Это обуславливает рассмотрение образа как единицы промежуточного языка. «Перцептивный

образ становится практически единственным, – пишет Ю. Н. Караулов, – когда речь заходит о связях и взаимоотношениях между разными областями в субъективном анизотропном пространстве знаний о мире» [90, с. 176]. Однако эта единица формируется не сразу, не является моментальным оттиском познаваемого предмета в сознании. Для его образования необходима информация, поступающая от органов чувств индивидуума. Её накопление запускает процессы категоризации, приводит к постепенному созданию корректного и адекватного действительности отображения.

Именно синтез получаемых извне данных позволяет человеку сформировать целостный образ предмета, ситуации и мира в целом. Это многомерное, способное к постоянному развитию и усложнению в ходе своей эволюции образование, которое отличается отсутствием детализации, наглядностью, недискретностью, преобладанием феноменов зрительной модальности.

Мыслительный образ недоступен прямому наблюдению, поскольку является категорией сознания. Однако Ю. Н. Караулов предлагает три способа его изучения: 1) анализ поэтической речи; 2) анализ «потока сознания» и 3) исследование примеров «сжатия» текста или его интерпретации при вторичном воспроизведении (пересказывании) [90, с. 177]. Это возможно в силу того, что знания человека тесно связаны с языком: познавая окружающий мир, обобщая, детализируя и совершенствуя свою картину мира, человек одновременно овладевает языком, углубляет и развивает языковую семантику. Следовательно, как единица промежуточного языка образ объективируется при помощи лексических средств естественного языка.

Трактование образа как неотъемлемой черты языковой деятельности, необходимой для успеха коммуникации, является одним из основных положений лингвистики языкового существования Б. М. Гаспарова. Учёный отмечает, что языковые образы – это, прежде всего, отклик на языковой

материал. Языковые образы определяются исследователем как «перцептивная реакция не на предметы как таковые, но на их языковое воплощение – на те выражения, которые наличествуют в языковом опыте говорящего субъекта» [41, с. 255]. Лингвист выделяет такие свойства языкового образа, как одномоментность, непосредственность и целостность. Это обусловлено тем, что образная реакция возникает на определённый языковой материал, с которым субъект уже взаимодействовал и который является частью его языкового опыта.

Б. М. Гаспаров отмечает принципиальные различия между языковым образом и образом, относимым исследователями к довербальным категориям сознания. Языковой образ «стоит у истоков процесса осмысливания» [41, с. 261], т.е. является своего рода стимулом или импульсом для интерпретации языкового материала, определения вхождения последнего в языковой опыт говорящего. Отличается языковой образ и от значения, поскольку, согласно концепции Б. М. Гаспарова, является продуктом духовной деятельности человека, которому присущи открытость и незавершённость. Кроме того, языковой образ всегда отображает не столько реальный предмет, сколько «историю употребления» соотносимого с ним языкового выражения.

Однако исследователь отмечает, что языковой образ, хотя и тесно связан с языковыми выражениями, может отображаться в сознании и как схематический облик предмета или намёк на него (иероглифический образ), и как зрительный, связанный с идеей движения образ (кинестетический образ), и как перцептивное отображение предметов реального мира, и как представление собственно языкового материала, зафиксированного на письме (метаязыковой образ).

В число базовых признаков языкового образа лингвист включает следующие:

1. Превалирование зрительного восприятия при формировании языкового образа. Ср. актуализацию этого признака в произведениях С. Есенина и М. Кузмина: (1) *Тёмным елям снится / Гомон косарей* [247 (1), с. 65]; (2) *В тёмной роще на зелёных елях* [247 (4), с. 150]; (3) *Из-за ёлки бы высокой / Подсмотрел я на кругу* [247 (4), с. 82]; (4) *Расставя лапы в небо, ель / Картонно ветра ждёт, но даром!* [249 (8)]. Здесь образа ели эксплицирован вербальными знаками *тёмный, зелёный, высокий*, которые передают зрительные признаки формы дерева и цвета кроны. Б. М. Гаспаров отмечает, что даже если языковой материал содержит отсылку к звуковому или тактильному восприятию, он воспринимается человеком через посредство зрительного образа. Так, тактильное восприятие в тексте М. Кузмина *Иглы мелкой ели колки* [249 (7)] достигается благодаря использованию лексем *игла* и *колкий*, актуализирующих, соответственно, значения «предмет, заострённый с одного конца, колющий» [220, с. 204] и «причиняющий уколы» [220, с. 244]). В примерах (1) *Он воссядет под елью, как море гремячей* [248 (1)]; (2) *На мху, как в зыбке, задремать, / Под баю-бай осиплой ёлки* [248 (1)]; (3) *Ель на полдень шумит – к звероловным вестям* [248 (1)] звуковое восприятие объективируется языковыми единицами *гремучий, осиплый, шуметь* как “производить звук разной интенсивности”.

2. Воспроизводимость. За определённым языковым материалом закреплены тождественные языковые образы. Например, при употреблении слова *ель* в языковом сознании субъекта актуализируются признаки «вечнозелёное дерево», «с хвоей», «с длинными чешуйчатыми шишками», «с кроной конусообразной формы», зафиксированные в лексикографических источниках (например, [229 (1), с. 465]) и формирующие воспроизводимый языковой образ.

3. Множественность. Каждому языковому выражению соответствует целый ряд образных альтернатив, формирующих целостный языковой образ.

Сравним такие признаки образа ели, как «вечнозелёное дерево», «наличие хвои», «с кроной конусообразной формы», с их образными альтернативами, зафиксированными в поэтических текстах носителей русской лингвокультуры – С. Есенина и Н. Клюева. В примере *На просини елей кресты, / Узорно литьё и чеканка* [248 (1)] признак «вечнозелёное дерево», актуализируется лексемой *просинь* со значением «примесь синего цвета, синий оттенок, синие просветы в окраске чего-либо» [229 (3), с. 520], свойственного кроне дерева. Признак «с хвоей» в текстах *Май всё хорошеет, / Ели всё игольчатей* [247 (2), с. 167]; *Ель мне подала лапу* [248 (1)] эксплицируется словами *игольчатый* и *лапа*, указывающими на форму ветвей и вид листка растения. В примерах *Ели, словно копьё, / Уперлися в небо* [247 (1), с. 299]; *Роща грозитя еловыми пиками* [247 (4), с. 117]; *Прячут изморозь седин / Под кокошниками ели* [248 (1)] признак «с кроной конусообразной формы» объективируется соотносением с предметами тождественной формы, выраженными словами *копьё, пика, кокошник*.

4. Пластичность языкового образа. Данный параметр Б. М. Гаспаров связывает с возможностью языковых образов формировать композиции, или образные ландшафты. Лингвист отмечает, что ни один предмет не воспринимается человеком изолированно и не воспроизводится в памяти отдельно от так называемого фона. Языковые образы включаются в «виде отдельного “кубика”, занимающего своё место в общем построении, но растворяясь в более широком – и притом всё время изменяющемся, непрерывно развёртывающемся – образном ландшафте, сливаясь с другими аксессуарными этого ландшафта» [41, с. 268]. Данный тезис подтверждается примерами из текстов С. Есенина и Н. Клюева, которые используют, например, лексему *ель* как вербальный знак более сложного и многогранного образа Родины: *В России теперь апрель. / И синюю заволокой / Покрыта береза и ель* [247 (3), с. 186]; *Есть на свете край обширный, / Где растут сосна и ель, / Неисследный и пустынный, – / Русской скорби*

колыбель [248 (1)]. Напротив, в языке поэзии М. Кузмина слово *ель* функционирует как языковой репрезентант лингвокогнитивного образа Рождества, как примету, образный отклик на значимое для русской лингвокультуры событие. Ср.: *Любви домашней торжество, / Нам Рождество / Приносит прелесть детской ёлки* [249 (4)].

5. Переменная сфокусированность. Языковые образы могут отличаться степенью отчётливости: от яркого, позволяющего составить подробное словесное описание, до туманного и расплывчатого.

В концепции Б. М. Гаспарова образ является откликом на языковой материал (слово, словосочетание, предложение и т.д.). Он характеризуется воспроизводимостью, множественностью, пластичностью, превалированием зрительного восприятия. Языковые образы, согласно подходу Б. М. Гаспарова, не занимают в языковой деятельности устойчивого положения, постоянно перетекая один в другой. Они быстро меняют друг друга на заднем плане речевого потока, стимулируя осмысление языковых данных. Их анализ позволяет сделать образ доступным лингвистическому исследованию.

В языкознании начала XXI в. существует несколько подходов к изучению образа. Среди доминантных называют лингвостилистический и собственно лингвистический векторы рассмотрения образа. В рамках лингвостилистического подхода предметом анализа выступает образный строй языка поэзии. При его исследовании рассматриваются конкретно-авторские средства выразительности, на основе которых конструируются базовые типы образных моделей. При собственно лингвистическом подходе изучаются уже выделенные основные образы национальной культуры на материале текстов разных функциональных стилей национального языка. Методологическую базу лингвистического подхода составляют теория языковой и концептуальной метафоры, лингвоконцептуальные и

лингвокультурологические исследования, теория лексической и фразеологической образности [194, с. 4 – 6].

Исследователи (в числе которых Н. А. Илюхина) вычленяют следующие аспекты рассмотрения образа:

1. Образ как способ структурирования информации о познаваемом предмете (или «способ квантования когнитивного пространства» [85, с. 14]) и как единица такого структурирования, которая аккумулирует признаки объектов окружающего мира, объективированные при помощи корпуса лексических средств. Данный ракурс исследования образа сближает его с концептом, поскольку оба понятия введены для обозначения структур сознания (языкового сознания) человека, которые репрезентируют познаваемые объекты среды преимущественно языковыми средствами.
2. Образ как способ познания окружающей среды и структурирования словаря. Единицей последнего признаётся ассоциативно-семантическое поле, способное представить объективированный языковыми единицами образ.
3. Образ, служащий для структурирования метафорического массива языка и выступающий объектом анализа образного строя языка – «метафорического способа отражения действительности, ассоциативного функционирования лексики с целью выявления присущих им закономерностей» [85, с. 15].

К приоритетным подходам изучения образа лингвисты относят когнитивный аспект. Образ рассматривается как когнитивная единица, формирующаяся в сознании индивидуума в результате отражения объектов онтологического мира. В русле этого направления образ трактуется как объективация в литературном произведении идеи, сформировавшейся в сознании автора-творца, а также как интерпретация художественного произведения в сознании читателя и/или слушателя [16, с. 28].

Перечисленные векторы изучения образа позволяют говорить о том, что в лингвистических исследованиях начала XXI в. предпринимаются разноплановые попытки системного описания понятия «образ». Его представляют и как категорию сознания и мышления, и как категорию текста, и как лексико-семантическую категорию. В ряде исследований образ совмещает несколько трактований. Например, Е. А. Юрина предлагает разграничивать образ¹, т.е. первичный чувственный образ, и образ² – вторичный ассоциативный образ. Лингвист отмечает, что такая дифференциация обусловлена традицией рассмотрения философско-психологического образа, а также двуплановостью его категориального содержания. Л. Б. Никитина оперирует сразу тремя дефинициями образа, опирающимися на его гносеологическую, психологическую и семиотическую интерпретации. М. Я. Розенфельд включает обобщённый чувственно-наглядный образ объекта онтологического мира в состав значения слова, совмещая когнитивный и семантический аспекты рассмотрения анализируемого понятия. Я. Н. Рожнина выделяет предметные (чувственные образы реалий окружающего мира, воспринимаемых сенсорной системой человека), концептуально-идейные (языковые идеи, объективирующие связи между фактами и событиями), оценочные (объективация положительной или негативной оценки), гедонистические (экспликация языковыми средствами удовольствия или неудовольствия) и микроархетипические (объективация изначально существующих смыслов, опыта человека и/или этноса) образы, которые отображают различные аспекты, ракурсы, подходы рассмотрения анализируемого понятия.

Итак, исследование образа как объекта филологического рассмотрения предполагает изучение воплощающих его языковых единиц, которые эксплицируют интегральные и дифференциальные признаки предмета, закреплённые за ним оценки или культурные смыслы и представления. Базовыми для интерпретации образа в филологии считаются следующие

признаки: 1) способность выступать связующим звеном слова и объекта номинации; 2) превалирование при формировании образа зрительного восприятия; 3) воспроизводимость и множественность; 4) пластичность; 5) переменная сфокусированность. Эти признаки обуславливают рассмотрение образа как элемента художественного произведения, как единицы промежуточного языка, как компонента семантики слова.

I.3. Образ в системе единиц лингвокультурологии

В типологии лингвокультурологических единиц образ рассматривается и как самостоятельная единица (см. [Ольшанский 2000; Маслова 2000] и др.), и как часть межуровневой комплексной единицы – концепта (см. [Воркачѳв 2002, 2007; Попова, Стернин 2007; Карасик 2009] и др.). Отметим, что к предмету лингвокультурологии, по В. В. Воробьѳву, относят «материальную и духовную культуру, созданную человечеством, выраженную в языке [...], всё, что составляет “языковую картину мира”» [38, с. 32]. Поэтому целесообразно выделять базовые единицы данной отрасли знаний, с помощью которых можно описать содержание не только языковой картины мира, но и лингвокультуры. Бесспорно, материалом лингвокультурологического исследования являются единицы языка, которые отражают культурную специфику народа и «приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре» [119, с. 36]. Однако для максимально полного описания внеязыковой действительности только языковых средств недостаточно, поскольку единица лингвокультурологии, согласно В. В. Воробьѳву, должна включать не только язык, но и культуру. Автор пишет: «При изучении взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры как комплексной проблемы оказывается

целесообразным выделение особой единицы, синтезирующей в себе оба коррелирующих феномена» [38, с. 45].

В одном из часто цитируемых обзоров «Лингвокультурология в конце XX в.: итоги, тенденции, перспективы» к предмету исследования лингвокультурологии относят единицы языка, являющиеся предметом лингвострановедческих исследований (а); мифологизированные культурноязыковые единицы (б); паремиологический фонд языка (в); символы, стереотипы, эталоны, ритуалы, объективированные языком (г); образ (д); соотношение между литературным языком и другими формами его существования (е); речевой этикет (ж) [125, с. 34 – 36].

Единицы языка (а) изучаются не только в рамках структурного подхода, но и с привлечением данных других гуманитарных отраслей знания. Так, авторы лингвострановедческой теории слова анализируют как структуру слова (лексему и лексическое понятие¹²), так и то, что выходит за его рамки (лексический фон). Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров отмечают принадлежность лексического понятия и психике (мышлению, поскольку его формирование и дальнейшее использование тесно связано с процессами познания, классификации и категоризации окружающего мира), и языку (лексеме). Таким образом, слово соединяет в себе два коррелирующих феномена, что объясняет его рассмотрение в качестве базовой единицы лингвострановедческого анализа.

В содержание лексического понятия авторы лингвострановедческой теории включают набор признаков, которые человек получает при непосредственном, чувственном познании мира. Такие признаки лингвисты называют семантическими долями. Например, при анализе словоформы *рябина* лексическое понятие будет состоять из набора доминантных для человека признаков – семантических долей, продиктованных культурой и,

¹² Лексическое понятие в лингвострановедческой теории слова трактуется как «план содержания слова» [29, с. 11].

соответственно, лингвокультурой: (1) дерево (2) семейства розоцветных, (3) с оранжево-красными ягодами, (4) собранными в пучок [229 (3), с. 748]. Как видим, в основе данного лексического понятия лежат признаки цвета и формы, создающие наглядный образ данного дерева.

Однако «семантика слова лексическим понятием не исчерпывается» [29, с. 25]. Кроме приведённых актуальных семантических долей, в семантику, или *семему* – именно этот термин используют Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров – фитонима *рябина* включены другие смыслы. По данным «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» [224, с. 489 – 490] к ним принадлежат:

1) место распространения и произрастания – средняя полоса России. Рябину часто сажают вдоль дорог и у жилых домов, поскольку она оживляет пейзаж;

2) происхождение названия (от зрительного впечатления пестроты или ряби; лексема *рябина* родственна со словам *рябь*, *рябой*, *рябчик*);

3) время сбора ягод и их практическое применение: собирают ягоды рябины после первых морозов и делают настойки или варенья;

4) народные приметы, связанные с определением климатических особенностей зим. Например: *Если на рябине много ягод, то зима выдастся очень холодной*;

5) фольклорные традиции: рябина ассоциируется с горькой женской долей и является олицетворением женского начала;

6) роль рябины в русской поэзии. Действительно, в поэтических текстах С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина образ рябины актуализируется лексемами *отгореть*, *жар*, *огнецвет*, *багрец*, которые объективируют визуальный признак цвета кроны и ягод дерева. Ср.: (1) *Отгорела ли наша рябина, Осыпаясь под белым окном?* [247 (1), с. 242]; (2) *Возвратится солнце с летом, / Зацветёт опять рябина, / Жар придёт с весёлым*

цветом [249 (3)]; (3) *Плывём в огнецвет, где багрец и рябина, / Чтоб ран глубину с океанами слить* [248 (1)].

Приведённые смыслы составляют лексический фон слова, или его «сверхпонятийный» смысл¹³ [29, с. 26]. Отметим, что авторы настаивают на необходимости включения в лексический фон зрительного образа, который не только является существенной частью процесса познания, но и выполняет ряд лингводидактических функций.

Мифологизированные культурно-языковые единицы (б) представлены обрядово-ритуальными формами культуры, легендами, мифами, обычаями, поверьями. Они закреплены во фразеологизмах, образно-метафорических единицах и мифологемах. Согласно концепции А. Н. Афанасьева, такие единицы сохраняют связь с чувственными представлениями этноса о мире, не утрачивают своего коренного значения.

Паремиологический фонд языка (в) рассматривается как оязыковлённые стереотипы народного сознания, обладающие широким прагматическим спектром. Они формируют ценностное отношение к объектам онтологического мира и актуализируют важные для носителя лингвокультуры признаки: *Ячмень сеют, пока калина цветёт* (с помощью языковых знаков *калина цветёт* возможно визуальное определение времени посева хлебных культур); *И калина с калачом ему нипочём* (личностные характеристики человека объективированы сочетанием *калина с калачом*); *Во рту калина, а в носу малина* (словосочетанием *во рту калина* выражено представление о речевом поведении индивидуума) [246].

Символы, стереотипы, эталоны, ритуалы (г), объективированные языковыми средствами, зачастую не требуют от человека осознанного целеполагания, однако приобщают его к единой для этноса картине мира. В данном подходе эталон, согласно подходу И.Г. Ольшанского, является

¹³ Такое рассмотрение структуры слова тождественно концепции А. А. Потебни о ближайшем и дальнейшем значениях словоформы.

сущностью, измеряющей свойства и качества объектов онтологического мира, мерой вещей, представленной в образной форме. Такое определение соотносится с пониманием образа в трудах Платона, проанализированных выше. На выполнении функции эталона языковым образом настаивает В. В. Красных при рассмотрении объективированного средствами языка образа в числе единиц лингвокультуры.

Образ (д) определяется как единица, содержащая в структуре слова основную культурномаркированную информацию. Ещё В. фон Гумбольдт выдвигал положение о том, что образ выступает соединительным звеном между словом и объектами онтологического мира. Он характеризуется рядом признаков, которые позволяют сделать осязаемые, наглядные познаваемые формы природы.

Как единица лингвокультурологии рассматривается соотношение между литературным языком и другими формами его существования (е), например, разговорным языком, диалектами и т.д. Известный русский этнолингвист Н. И. Толстой раскрывал связь культуры и языка через сопоставление элементов, или слоёв, культуры и форм языка: «литературный язык – элитарная культура; просторечие – «третья культура» (т.е. крестьянская культура, характеризуемая как культура промежуточного типа); наречия, говоры – народная культура; арго – традиционно-профессиональная культура» [173, с. 17]. Исследователь утверждал, что каждому слою присущи определённые признаки (нормативность – ненормативность, открытость – закрытость, стабильность – нестабильность и т.п.), которые проявляются как внутри языка, так и внутри культуры и позволяют говорить об их возможном взаимодействии. Данное положение обуславливает изучение стилистических особенностей текстов как единиц лингвокультурологии.

Под речевым этикетом (ж) понимается совокупность социально заданных и культурно-национально-специфических правил речевого поведения в ситуациях установки, поддержания и прекращения контакта

говорящих в соответствии с их социальными ролями и отношениями в официальной или неофициальной обстановке коммуникации.

На наш взгляд, типология, предложенная И. Г. Ольшанским, содержит единицы лингвокультурологии и единицы лингвокультуры. Лингвокультурология определяется как отрасль лингвистики синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие категорий языка и культуры и отражающая этот процесс в единицах, совмещающих языковое и внеязыковое содержание. Перечисленные И. Г. Ольшанским единицы, безусловно, включают языковые и внеязыковые данные, однако с помощью этих единиц нельзя системно представить взаимодействие и взаимосвязь языка и культуры этноса. Зачастую единицей описания лингвокультурологии признаётся *концепт*, функционирующий наравне с *имена константа* и *лингвокультурема*.

Лингвокультура рассматривается нами как поле взаимодействия языка и культуры. Определяя культуру как среду, мы, вслед за В. В. Красных, трактуем лингвокультуру как лингвальную среду, в которой индивидуум проходит процесс социализации, формируется как представитель определённого этноса, самореализуется и осуществляет свою жизнедеятельность. В.В. Красных отмечает, что лингвокультура является неким «пространством общей памяти» (терминосочетание Ю. М. Лотмана) языка и культуры. Рассматриваемые сквозь призму лингвокультуры объекты оцениваются, в первую очередь, с позиции выполнения «функции эталона или символа», которые исследователь трактует как единицы лингвокультуры [102, с. 73]. Мы, вслед за В.В. Красных, в число базовых единиц лингвокультурологии включаем «образы, связанные с культурой и закреплённые в языке», символы, мифологемы, культураносные смыслы и культурные коннотации, объективированные средствами языка [102, 103, 104]. «Иначе говоря, мы сегодня имеем дело со сложным, комплексным объектом, в котором язык выполняет функцию означающего, а в роли

означаемого выступают феномены иной природы (образ мира, образы сознания, культураносные смыслы, сама культура, её семантика)» [104, с. 125].

Таким образом, мы считаем целесообразным дифференцировать единицы лингвокультурологии и лингвокультуры, в силу их разнопорядковости. Отметим, что единицы лингвокультуры включаются исследователями в состав лингвокультурем, концептов и/или констант.

В. В. Воробьёв как один из теоретиков лингвокультурологии базовой единицей рассматриваемой отрасли языкознания называет лингвокультурему, включающую в себя не только языковое значение, но и объективированные определённым знаком культурные смыслы (которые мы относим к единицам лингвокультуры). Лингвокультурема в качестве комплексной межуровневой единицы, в концепции исследователя, представляет единство языкового и предметно-понятийного отображения¹⁴ познаваемого объекта онтологического мира [38, с. 45]. Учёный отмечает, что лингвокультуремы:

- 1) имеют коннотативные смыслы и, соответственно, рассматриваются в качестве знаков-функций;
- 2) могут иметь несколько коннотативных означающих;
- 3) могут актуализироваться или оставаться неактуальными в сознании индивидуума;
- 4) активно функционируют до тех пор, пока существуют породившие их идеологические контексты [38, с. 53].

При рассмотрении структуры лингвокультурем В. В. Воробьёв апеллирует к концепции А. А. Потебни о трёхчленной структуре слова. Как слово состоит из звуковой формы, значения и внутренней формы, так и лингвокультурема включает слово как форму выражения, значение в

¹⁴ Само сочетание *предметное отображение* указывает на наличие в структуре лингвокультуремы образа, поскольку именно он способен аккумулировать получаемые органами чувств человека ощущения в целостное представление об объекте предметного мира.

качестве «намёка» на реалию и предметно-понятийное значение (или культурный смысл), аккумулирующий подобно внутренней форме только наиболее существенные признаки для жизнедеятельности человека. Таким образом, с помощью лингвокультуремы возможно проникновение в глубинный смысл реалий определённой культуры, поскольку за словом и его значением стоит внеязыковой предмет и/или явление, репрезентированные лингвокультурной единицей.

Исследователь указывает на сложные диалектические отношения между словом и лингвокультуремой. Пытаясь осознать культурный смысл, объективированный словом-стимулом, человек постоянно совершает процесс познания. Особенно значимым этот процесс становится при изучении языка, поскольку к каждому слову как бы навешивается ярлык «это чужое» (как правило, ассоциируется с народом-носителем языка).

Существенным в концепции В. В. Воробьёва выступает характер источников лингвокультурем. Это, прежде всего, устное народно-поэтическое творчество, в котором актуализируется значительная часть ценностных установок этноса, отражается сознание народа, его наивная картина мира. Специальные исследования в различных отраслях научного знания, а также памятники исторической и общественной мысли квалифицируются как источники формирования лингвокультурем, поскольку в них находят отражение концептуальная и/или научная картина мира этноса. Другим источником являются высказывания выдающихся деятелей науки и искусства, в которых объективируются доминантные для народа оценки себя, исторического развития, окружающей среды. Ещё одним источником выступают литературные произведения, в которых происходит моделирование онтологического мира, ставятся важнейшие проблемы и предлагаются возможные пути дальнейшего развития общества. Кроме того, согласно В. В. Воробьёву, к лингвокультуремам относятся «выдающиеся личности (А. С. Пушкин, Степан Разин, Пётр Первый и т.п.)» [38, с. 57],

которые рассматриваются как модель национальной личности определённого этноса. Наконец, к числу источников относятся высказывания и суждения иностранцев о стране и народе как фон для сравнения и выявления культурных особенностей [38, с. 57]. Соответственно, лингвокультурема как целостная единица может быть представлена как текстом, в качестве примера В. В. Воробьёв приводит рассказ А. Н. Толстого «Русский характер», стихотворение Ф. И. Тютчева «Умом Россию не понять...», так и корпусом текстов.

Формой её репрезентации исследователь считает лингвокультурологическое поле, квалифицируемое как иерархическую систему единиц, которые обладают общим языковым значением и отражают систему определённых понятий культуры. Отметим, что поле как метод представления характерен не только для лингвокультуремы, но и для концепта. Это, на наш взгляд, обусловлено такими характеристиками поля, как связь компонентов, системный характер такой связи, взаимозависимость и взаимоопределяемость составных частей, относительная автономность поля, непрерывность смыслового пространства [214, с. 381]. В. В. Воробьёв в основе поля как метода, вслед за Г. Кандлером, выделяет принципы целостности, упорядоченности, взаимоопределяемости, произвольности границ, полноты, сплошного покрытия [38, с. 61].

Поле позволяет отразить предметное, понятийное или функциональное сходство изучаемых явлений, а также установить системные связи слов, объективирующих денотат. В структуре поля выделяют ядро и периферию. К ядру лингвокультурологического поля, согласно В. В. Воробьёву, относится имя поля, точнее – его инвариантный культурологический смысл, трактуемый как интенционал имени. Применительно к нашему исследованию именем поля выступает номинация *дерево*. Его лингвокультурологический смысл может быть лишь приблизительно раскрыт на уровне собственно языковой дефиниции. Согласно БАС, «дерево – многолетнее, крупное или

мелкое растение (1) с твёрдым стволом и ветвями (2), образующими игловидную или лиственную крону (3)» [231 (3), стлб. 712]. В приведённом определении объективированы лишь некоторые признаки, позволяющие наметить «контур» опознавания объекта онтологического мира; вычленение лингвокультурного смысла нуждается в более детальном анализе. В. В. Воробьёв отмечает, что интенционал может называть либо однородный класс предметов (многолетнее растение), либо общее свойство (с твёрдым стволом и ветвями). В свою очередь под экстенционалом понимается либо общее свойство, либо однородный класс предметов. В этом основное отличие лингвокультурологического поля от семантического.

Однако, принимая подход В. В. Воробьёва к описанию лингвокультурологического поля «русская национальная личность», мы можем констатировать, что построение тождественного поля для имени *дерево* затруднено¹⁵, поскольку само лексическое значение языкового знака *дерево* уже соотносится с объектом онтологического мира, т.е. является достаточным для ядра поля. В интенционал поля «дерево» войдёт субполе «однородные классы предметов», а в экстенционал – «общее свойство». Культурные смыслы эксплицируются в текстах-источниках лингвокультуремы, но не заданы изначально в словарной (языковой) дефиниции, которая содержит основные признаки необходимые и достаточные для идентификации дерева в ряду других крупных или мелких растений. Это позволяет нам говорить о том, что словарная статья номинации *дерево* содержит признаки, воплощающие в знаках языка образ соответствующего объекта предметного мира.

Следовательно, в состав лингвокультуремы как единицы лингвокультуры входят ключевое слово, его значение, содержащее «намёк» на феномен онтологического мира, и предметно-понятийное отображение,

¹⁵ Отметим, что В. В. Воробьёв выделяет два вида лингвокультурологического поля: первый объективирует и системно представляет феномены материальной культуры, а второй задаётся через систему абстрактных понятий, или концептов [38, с. 67].

которое в соответствии с рассмотренными в I.1. и I.2. концепциями мы связываем с образом¹⁶.

Напротив, при рассмотрении структуры и содержания концепта как лингвокультурологической единицы исследователи отмечают важность образа¹⁷, относя его к основным компонентам концепта.

Образный компонент обычно определяется как совокупность представлений, ассоциаций, признаков чувственного восприятия. Это субъективное и коллективное знание, закреплённое в единицах языка. «Перцептивно-образный ореол концепта представляет собой «преемственную память коллектива», которая поддерживается в его языковом сознании, где он может обретать разную степень выразительности, яркости, контрастности» [143, с. 25]. Поэтому образ формируется постепенно: отражение объектов реальной действительности со временем становится корректнее и чётче. Из всех многочисленных когнитивных признаков отбираются только наиболее яркие и значимые для жизнедеятельности человека в определённый период. Как правило, они репрезентируются в словах со значением признака. Например, *зелёный*, *твёрдый*, *гибкий* и др. В словарных дефинициях отображаются только наиболее актуальные когнитивные признаки, обеспечивающие узнавание и дифференциацию объектов реальной действительности индивидуумом. Ср.: «Вечнозелёное хвойное дерево, обычно с прямым высоким стволом, длинной хвоей и небольшими шишками» [231 (14), стлб. 362]; «Вечнозелёное хвойное дерево с небольшими шишками» [229 (4), с. 206]; «Сосна – хвойное дерево *Pinus sylvestris*; по почве и качеству различают: сосну скверную, красную, рудовую, стриженую, арх. хонга, конда (она тверда и мелкослойна), и сосну

¹⁶ Отметим, что В. В. Воробьёв при описании лингвокультуремы не апеллирует к понятию «образ».

¹⁷ В лингвистической литературе рассматриваемый компонент эксплицируется такими терминами: *образный компонент* (Н. Ф. Алефиренко, С. Г. Воркачёв), *содержательная форма концепта* (В. В. Колесов, М. Вл. Пименова), *чувственный образ* (И. А. Стернин, З. Д. Попова), *перцептивно-образный адстрат* (А. Н. Приходько) и др.

мочажинную, болотную, мяндовую, мяндач, белую (рыхла, вяла и легко загнивает); боровая, средний разбор» [208]; «Сосна – хвойное дерево с длинными иглами и округлыми шишками» [220, с. 652]; «Сосна – вечнозелёное хвойное дерево с длинными иглами и небольшими округлыми шишками» [204, с. 1240].

Следовательно, образный компонент концепта 'СОСНА', зафиксированный в словарях, содержит следующие признаки: отнесенность к определённому биологическому семейству, статичность цвета кроны и форма плодов референта концепта. По приведённым дефинициям можно проследить кристаллизацию и конкретизацию образа концепта, а также отбор доминантных признаков объекта восприятия. Отметим также, что образ как компонент концепта рассматривается сквозь призму психологических концепций: доминирует фиксация зрительных параметров восприятия, акцентируются признаки предметности, означенности, фона и фигуры.

При исследовании образа как компонента концепта его принято членить на чувственный, или перцептивный, и метафорический, или когнитивный, образы.

Элементы чувственного образа закреплены в значениях слов и, следовательно, могут быть доступны непосредственному лингвистическому наблюдению при анализе словарной дефиниции языкового знака, как было показано на примере анализа дефиниции ключевого слова концепта 'СОСНА'. И. А. Стернин и З. Д. Попова в чувственном образе выделяют зрительный, слуховой, тактильный, т.е. указывают на доминирующую модальность восприятия. Например, в поэтических текстах носителей русской лингвокультуры – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина – эксплицированы:

а) зрительные признаки восприятия денотата ключевого слова концепта воплощены с помощью лексем *янтарь, сень, два: Помню я сосен янтарь* [248 (1)]; *Такой узор бросает полднем сень / Двух сосен, на верху холма*

растущих [249 (1)]. В последнем примере сочетанием *на верху холма* актуализирован также пространственный призрак произрастания объекта познания;

б) слуховые, или аудиальные, признаки реализованы лексемами *звон* и *перезвон*. Рассматриваемые характеристики преломлены сквозь языковой культурномаркированный опыт употребления выражений: (1) *Не мой ли Сосен перезвон / И радательных песен свирели / Затаили Распутинских икон / Сладкий морок* [248 (1)]; (2) *Лесных ключей и сосен звон* [248 (1)]; (3) *Под звон сосняка / С чёрной дрожью плывут облака* [247 (4), с. 117];

в) признаки, относимые к воспринимаемым другими, кроме указанных, органами чувств, которые выражены словами *дрогнуть* и *пахнуть*: *Не сосна в бору дрожмя дрогнула* [248 (1)]; *Пахнет смолистой сосной* [247 (1), с. 34].

При анализе признаков, которые необходимо учитывать при составлении целостного образа сосны, нами было отмечено, что перцептивный образ сосны воссоздаётся с учётом довербального и языкового опыта человека. Довербальные знания о мире позволяют адекватно представить образ сосны в ряду других единичных предметов класса «хвойных деревьев». Языковой опыт обуславливает построение высказываний для достижения определённой коммуникативной цели.

Метафорический, или когнитивный, образ соотносит абстрактный концепт с конкретным феноменом материального мира, позволяя сопоставить два разноплановых объекта познания. В основе метафоры лежат процессы аналогии. Отметим, что Х. Ортега-и-Гассет подчёркивал различия между научной и поэтической метафорами. Последняя позволяет на основе частичного сходства предметов (как правило, это существенный признак) утверждать их полное тождество [126, с. 73 – 74]. Например, в поэтических текстах Н. Клюева образ сосны входит в состав метафорического образа ткацкого станка благодаря лексемам *кросна* и *веретено*. Ср.: *Нет моченьки*

на *кроснах*¹⁸ / Ткать белое рядно. / Расплакалося в *соснах* пурги *веретено* [248 (1)]; *Всё выплакано кроснам* – / Лощёному рядну. / Не век плясать по *соснам* / Пурги *веретену* [248 (1)]. Образы веретена и ткацкого станка, в свою очередь, являются метафорическим осмыслением мифа о богинях судьбы, которые предстают то в облике прекрасных девушек, то в образе безобразных старух. Таковы богини греческой мифологии – мойры. Это три сестры, за каждой из которых закреплена определённая функция: Клото неустанно прядёт жизненные нити, Лахесис определяет по ним судьбы людей, Атропос же перерезает выпряденное, обрывая жизнь человека. Греческим мойрам тождественны римские парки, скандинавские норны, восточно-романские урситоары. У славян веретеном судьбы заведовала богиня Мокошь¹⁹.

Отметим, что рассмотрение метафоры неоднозначно в современной лингвистике. С одной стороны, её относят к образному компоненту концепта, а с другой – определяют как механизм и результат мышления индивидуума. Кроме того, с понятием «метафора» связывают процессы вторичной номинации, поскольку она является «уникальным средством пополнения языкового инвентаря» [169, с. 181]. В процессе вторичной номинации (которую В. Н. Телия называет косвенной) один языковой знак переосмысливается при опоре на смысловое содержание другого. Однако только этого недостаточно для продуцирования метафоры. М. Блэк, А. Вежбицкая, М. Джонсон, Э. Кассирер, Дж. Лакофф, Х. Ортега-и-Гассет, Ф. Уилрайт и др. указывают на необходимость выявления основания отождествления объектов. Это свойственный им признак или иное материальное основание, регулируемое культурными фактами и эмпирическим опытом человека [107, с. 43].

¹⁸ Кросна – старинный ручной ткацкий станок [231 (5), стлб. 1702].

¹⁹ Данные приведены по материалам «Энциклопедии знаков и символов» О. В. Вовка [206, с. 481].

Как отмечает В. Н. Телия, «сам термин «метафора» используется в двух значениях – как результат и – реже – как процесс» [169, с. 173]. Ф. Уилрайт такой процесс называет перемещением, или семантическим движением, представление о котором заложено в словоформу *метафора*. «Движение (phora), включённое в значение этого слова, – пишет исследователь, – есть именно семантическое движение – тот происходящий в воображении двойной акт распространения и соединения, который обозначает существо метафорического процесса» [176, с. 83]. Семантическое движение в метафоре строится по нескольким моделям от области источника к области цели. Это модели «конкретный предмет – конкретный предмет» и «конкретный предмет – явление абстрактной сферы».

Хотя Х. Ортега-и-Гассет при дифференциации научной и поэтической метафоры указывает, что последняя утверждает полную идентичность конкретных примеров, в поэтических текстах С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина реализованы обе модели.

Модель семантического движения «конкретный предмет → конкретный предмет» представлена в текстах посредством словоформ *сосна, помялище, звонница*. Ср.: *Помялища²⁰ сосен / В небеса стучат* [248 (1)]; *Глянь-ка, заря бахрому / Весит на звонницы сосен* [248 (1)]. В приведённых примерах реализована модель «помело / звонница → сосна», основанием для отождествления объектов в первом примере является функция ветвей сосны, а во втором – форма кроны дерева и строения.

Описание явлений абстрактной сферы через сопоставление их с конкретным предметом (вторая метафорическая модель) реализована лексическими единицами *заплакать, дремотно, мечтаю, подвязаться косынкой, опереться на клюку, сосна* в примерах: *И заплачут шишками сосны / Над моей пропащей могилой* [248 (2)]; *Сосны и ели дремотно*

²⁰ Помело – палка с привязанным к ней на конце пучком хвойных веток, тряпок и т.п. для обметания прочищения (печей, дымоходов) [МАС 1987: 280].

стояли, мечтая [249 (12)]; *Словно белую косынкой / Подвязалась сосна. / Понагнулась, как старушка, / Оперлася на клюку* [247 (4), с. 61]. Отметим, что в приведённых фрагментах поэтических текстов ярко проявляется антропоцентричность как одно из основных свойств метафоры. В основе модели «сосна → способность быть похожей на человека, переживать чувства и состояния, свойственные ему» лежат культурные представления о дереве, зафиксированные в культуре этноса.

Итак, образ рассматривается как компонент концепта и представляет собой отражение в сознании на довербальном и собственно вербальном уровнях познаваемых объектов реальной действительности. В рамках когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии и лингвокультурологии в его состав включают чувственный (или перцептивный) образ и метафорический (или когнитивный) образ.

Чувственный (перцептивный) образ аккумулирует сущностные признаки объектов реальной действительности: форму, цвет, свет, объем, пространственное расположение и др., объективируемые языковыми знаками и кодифицируемые в словарных дефинициях ключевых слов концепта.

Метафорический (когнитивный) образ формируется посредством метафоры как механизма познания и осмысления реалий окружающей действительности. Человек соизмеряет все познаваемые объекты с самим собой, своими возможностями, культурными установками. Для создания метафоры недостаточно семантического движения от одного слова к другому. Необходимо основание отождествления, аналогия, которая опирается на эмпирический опыт индивидуума и культурные смыслы, коннотации, установки, ценности, стереотипы. Именно поэтому метафора интерпретируется исследователями (см. [Телия 1988; Вежбицкая 1990, 2001; Лакофф 2004] и др.) как механизм, приводящий во взаимодействие познавательные процессы, опыт этноса, его культуру, языковую компетенцию.

Следовательно, образ квалифицируется исследователями и как компонент единиц лингвокультурологии (лингвокультуремы и концепта), и как одна из базовых единиц лингвокультуры. Являясь первичным источником информации о феноменах онтологического мира, образ позволяет индивидууму не только адекватно отображать предметный мир, но и формировать новые знания о реалиях, привлекая уже имеющийся эмпирический и языковой опыт, культурные установки и ценности, выступая эталоном и/или символом. Наравне с мифологемами, культуроносными смыслами и культурными коннотациями он формирует «пространство общей памяти», или лингвокультуру, этноса.

Выводы к Главе I

Теоретико-методологические основания исследования образа требуют определения терминологического аппарата исследования, анализа и систематизации основных теоретических положений изучения образа, рассмотрения его в системе единиц лингвокультурологии, обоснования включения последнего в число базовых единиц лингвокультуры.

1. В философской и психологической традициях образ связывают как с миром идеального, мыслительного, так и с предметным миром. Он является совокупностью визуальных, акустических, пространственных и иных признаков познаваемых феноменов, закреплённых в сознании человека.

Необходимо выделить следующие признаки образа: 1) целостное представление предмета познания, формируемое на основе чувственного восприятия, т.е. чувственность, а также посредством дальнейшей рефлексии над полученными данными, т.е. означенность; 2) воспроизводимость в сознании индивидуума без непосредственного взаимодействия человека с

предметом отображения; 3) отнесение единичных предметов в классы, на основании чего возможно выделение номинаций-универсалий для класса объектов; 4) доминирование при формировании образа визуального восприятия; 5) способность образа представлять не имеющие эквивалентов в онтологическом мире предметы, а также соотносить абстрактные идеи с конкретными объектами реальности, снабжая последние культурными смыслами и коннотациями.

Данные признаки позволяют считать, что образ содержит чувственно познаваемые данные, субъективные интерпретации, а также информацию об объекте, зафиксированную в опыте этноса. Такое отображение контента образа возможно образным и/или вербальным кодами, которые могут не только взаимодействовать, но и превалировать друг над другом.

2. Существенными являются такие черты образа, как объективность и субъективность, поскольку образ совмещает в себе свойственные народу данные об объектах онтологического мира, преломляемые сквозь индивидуально-авторские представления и переживания. Являясь одним из средств передачи культурных установок, смыслов и коннотаций, образ влияет на воспринимающего с максимальной чувственной силой, совмещая признаки объектов рассмотрения на основе ассоциаций (метонимия) и аналогий (метафора).

Основой описания образа дерева выступают положения, сформулированные Б. М. Гаспаровым: 1) языковые образы возникают в ответ на языковой материал; 2) языковые образы выступают стимулом для его интерпретации; 3) языковые образы позволяют установить наличие или отсутствие языкового выражения в языковой памяти человека; 4) языковые образы способны формировать образные ландшафты; 5) языковые образы включаются в речемыслительную деятельность в качестве фона.

3. Образ как компонент единиц лингвокультурологии (лингвокультуремы и концепта) аккумулирует признаки объекта, позволяет

идентифицировать его в ряду других феноменов действительности и определить его сущностные свойства. Однако образ не является однородным, в него включены чувственный (перцептивный) образ и метафорический (когнитивный) образ. Эксплицируемый языковыми средствами образ зафиксирован в словарных дефинициях ключевых слов лингвокультуры и концепта, а его культуроносные смыслы объективируются в текстах носителей лингвокультуры.

4. Дифференцируя единицы лингвокультурологии и лингвокультуры, образы, воплощённые языковыми знаками, мы относим к числу базовых единиц лингвокультуры, в рамках которой язык выступает означающим, а образы, символы, мифологемы, культуроносные смыслы и коннотации (т.е. единицы лингвокультуры как лингвокогнитивного феномена) – означаемым. Включение образа в число базовых единиц лингвокультуры обусловлено способностью, во-первых, актуализировать факты об объекте онтологического мира в сознании (в том числе языковом) индивидуума, во-вторых, выполнять им функцию эталона или символа, в-третьих, вносить в структуру слова основную культуроносную информацию.

Глава II. Образ мирового дерева в языковой картине мира С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина

II.1. Образ мирового дерева сквозь призму понятий «картина мира», «образ мира» и «модель мира»

При взаимодействии с окружающей средой, которую мы квалифицируем как культуру, человек формирует своё представление о ней. Результаты познания отражаются в знаниях, умениях, навыках, стратегиях и моделях поведения, закреплённых в определённых знаковых системах. Отражение и осмысление онтологического мира во всём его многообразии вызывает необходимость структурирования приобретённых или транслируемых лингвокультурой знаний о нём. Для обозначения совокупности представлений о действительности, выражения специфики человека и его бытия, взаимоотношений индивидуума с миром и важнейших условий существования в нём в научный обиход введён термин *картина мира*.

Признавая его фундаментальность, Ю. В. Кравцова отмечает, что «по поводу самого термина “картина мира” высказываются разные мнения» [100, с. 27]. Одни исследователи (см. [Постовалова 1988; Колшанский 1990] и др.) рассматривают картину мира как производную метаязыка физики, другие (см. [Алефиренко 2010, 2011; Кравцова 2011; Корнилов 2003] и мы в их числе) считают, что данный термин появился в рамках гносеологии и впервые был использован Л. Витгенштейном в философских трактатах.

Действительно, в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейн рассматривает картину мира как ментальный конструкт, тождественный реальной действительности. «Очевидно, – пишет исследователь, – что как бы

не отличался воображаемый мир от реального, он должен иметь нечто – некоторую форму – общее с действительным миром (2.022²¹)» [34, с. 40]. Эта форма и состоит из объектов, образующих при соединении атомарные факты. Последние есть действительность, которая во всей своей совокупности, согласно автору «Логико-философского трактата», является миром. Л. Витгенштейн говорит о существовании в сознании человека конструкта тождественного онтологическому миру, который исследователь номинирует в тезисе (атомарном факте в терминологии Л. Витгенштейна): «3.01 The totality of true thoughts is a picture²² of the world» [34, с. 51].

Понятие «картина мира» стало одними из центральных в концепции основателя неогумбольдтианского направления в Германии Л. Вайсгербера, которого считают одним из крупнейших лингвистов XX века. Исследователь рассматривает язык как хранилище всех средств мышления и выражения, основу человеческого бытия, «духовный центр, сердцевину огромного горизонта связей» [2, с. 56]. Поэтому функционирование языка, являющегося одним из основных источников духовной силы культурного прогресса, Л. Вайсгербер относит ко всей духовной деятельности народа, что позволяет автору трактовать язык как промежуточный мир между окружающей действительностью и внутренним миром человека. Исследователь считает язык одним из основных факторов, побуждающих к формированию картины мира в сознании индивидуума. В. П. Даниленко как один из исследователей концепции Л. Вайсгербера отмечает, что немецкий лингвист от акцента на стимулирующей роли языка для формирования у человека единой картины мира переходит к выделению её мировоззренческого аспекта, который связан с пониманием языка как транслятора особой точки зрения этноса на мир [54,

²¹ В концепции философа значительное внимание отведено атомарным фактам, которые составляют основу любого знания и позволяют рассуждать о таком сложном для представления феномене, как картина мира. Нами указаны номера атомарных фактов по работе «Логико-философский трактат» [34].

²² Считаю целесообразным отметить, что словоформа *picture* эквивалентна в русскоязычной версии работы философа лексеме *образ*, вследствие чего в русскоязычном переводе используется термин *образ мира*.

с. 8]. Объективной стороной формирования картины мира является, по Л. Вайсгерберу, окружающая действительность, воспринимаемая человеком и выражаемая языковыми средствами. Язык отражает видение мира носителями определённой культуры, которое передаётся из поколения в поколение и обуславливает отношение индивидуума к объектам онтологической реальности. Поэтому характерным для языковой картины мира учёный считал идиоэтничность. Кроме того, Л. Вайсгербер настаивал на первичности и обширности языковой картины мира.

Констатируя обладание лексической системой языка наибольшим мировоззренческим потенциалом, Л. Вайсгербер строил на ней свою концепцию языковой картины мира, которую В.П. Даниленко называет словоцентристской. В.В. Воробьёв указывает, что немецкий учёный исходит в своём понимании слова из его трёхчленной модели: «1) звуковая форма; 2) мыслительное построение и 3) предметы и явления внешнего мира. Второй элемент включается в язык (слово) в качестве компонента его семантики, семантической системы, которая и рассматривается как “картина мира” данного языка» [38, с. 24].

Следовательно, язык у Л. Вайсгербера предстаёт как промежуточный мир между реальной действительностью и сознанием человека. Признавая обусловленность мышления категориями языка, учёный вводит понятие «языковой картины мира», делая акцент на её мировоззренческом аспекте и подчёркивая роль слова при её изучении и описании.

Исследование феномена картины мира, начатое Л. Вайсгербером, было продолжено авторами гипотезы лингвистической относительности Э. Сепиром и Б. Уорфом. В их работах картина мира исследуется в рамках изучения влияния языка на познавательную деятельность человека. Исходя из дефиниций языка, Э. Сепир и Б. Уорф приходят к выводу, что в его плоскости формируется не только система координат, регулирующая жизнедеятельность этноса, но и система обозначений для объектов

действительности – языковая картина мира. Так, в работе «Отношения норм поведения и мышления к языку» [178, с. 26 – 40] Б. Уорф говорит о «мыслительном мире» человека, при помощи которого можно измерить и понять окружающую действительность. Терминосочетание *мыслительный мир* в концепции исследователя синонимично *картине* мира. Кроме того, наряду с указанными единицами метаязыка американский этнолингвист оперирует термином *микромир*, эксплицирующим ментальный конструкт, посредством которого индивидуум способен ориентироваться в мире. По сути, *микромир*, *мыслительный мир* и *картина мира* являются взаимозаменяемыми в концепции Б. Уорфа. «“Мыслительный мир” – пишет учёный, – является тем микрокосмом, который каждый человек несёт в себе и с помощью которого он пытается измерить и понять макрокосм» [178, с. 35].

Известно, что американские этнолингвисты выдвинули положение, согласно которому люди, принадлежащие к разным культурам, не только говорят на разных языках, но и думают по-разному, т.е. обладают различными картинами мира. Знаковым является пример Б. Уорфа: «Около склада так называемых *gasoline drums* ‘бензиновых цистерн’ люди ведут себя соответствующим образом, т.е. с большой осторожностью; в то же время рядом со складом с названием *empty gasoline drums* ‘пустые бензиновые цистерны’ люди ведут себя иначе: недостаточно осторожно, курят и даже бросают окурки. Однако эти *empty* ‘пустые’ цистерны могут быть более опасными, так как в них содержатся взрывчатые испарения» [178, с. 27]. Причины такого неосторожного поведения исследователь видит в словоформе *пустые*²³, семантика которой содержит косвенное указание на отсутствие опасности. Рассмотрев ряд аналогичных ситуаций, Б. Уорф приходит к выводу, что поведение членов социума может быть объяснено

²³ Ничем не заполненный (о каком-л вместилище); полый внутри; не занятый кем-либо, чем-либо, обычно находящимся в нём или на нём [229 (3), с. 561].

языковыми формулами, называющими определённую ситуацию. Поэтому, вслед за Э. Сепиром, отмечает, что восприятие индивидуумом мира «в значительной степени бессознательно строится на основании языковых норм данной группы» [178, с. 28], которые квалифицируются как языковая картина мира.

Одной из неотъемлемых сторон данной картины мира Б. Уорф называет систему анализа действительности индивидуумом, которая позволяет создать модель онтологического мира, объективированную языковыми средствами.

Таким образом, авторы гипотезы лингвистической относительности под языковой картиной мира понимают совокупность вербализованных знаний о мире определённого языкового сообщества, которая выступает системой координат для индивидуума. Трактование языковой картины мира как системы оязыковлённых знаний о мире характерно и для современных лингвистических исследований (см. [Пименова 2013; Алефиренко 2011; Гончарова 2012; Кравцова 2011; Никитина 2011; Ракитина 2011; Климкова 2008; Зализняк 2005] и др.). Признавая такую интерпретацию рассматриваемого понятия, отметим, что язык является не только формой объективации языковой картины мира, но и призмой, сквозь которую окружающий мир интерпретируется и которая обуславливает его видение. «За словом, – согласно Е. С. Кубряковой, – (его репрезентацией во внутреннем лексиконе – его энграммой) стоит всегда значительная совокупность знаний о слове как языковом знаке с его интерпретантами, но также и набор знаний об объекте, названном данным словом» [106, с. 65].

В языковой картине мира в первую очередь фиксируются условия жизни людей, окружающая среда «на расстоянии вытянутой руки», в непосредственной близости. Это обуславливает определённый взгляд на мир, опосредованный «языком и индивидуально-авторским видением действительности» [45, с. 30]. Б. А. Серебренников отмечает, что «головной

мозг превращает поступающую извне информацию в образ. Образ вещи – не сама вещь, а её отражение. Он не совпадает непосредственно с самим предметом. Обобщение, абстрагирование от бесконечного числа свойств вещи и фиксирование только её наиболее устойчивых и постоянных черт превращает образ в некий идеальный объект, инвариант класса предметов» [160, с. 71]. Таким объектом является мировое дерево, которое (по Н. В. Топорову) может именоваться как *дерево жизни*, *дерево плодородия*, *дерево центра*, *дерево восхождения*, *небесное дерево*, *шаманское дерево*, *мистическое дерево*, *дерево познания* и т.п. Ср. вербализацию этих представлений в языке русской поэзии: (1) *Под **облачным** **древом** / **Верхом** на луне / **Февральской метелью** / **Ревешь ты во мне*** [247 (2), с. 36]; (2) *Завтра дед расскажет мудрый сон / Про Светлый град, про **Огненное дерево*** [248 (1)]; (3) *Щаный сад весь в гнездах дум грачиных / **Древо зла** лишь призрачно голо* [248 (1)].

Этнокультурная информация об образе мирового дерева актуализирована в приведённых текстах сквозь призму языкового опыта автора. Номинация *небесное дерево*, зафиксированная В. Н. Топоровым [218 (1), с. 398 – 405], трансформируется в индивидуально-авторском видении С. Есенина в сочетании *облачное дерево* в фрагменте поэтического текста (1) *Под **облачным** **древом** / **Верхом** на луне / **Февральской метелью** / **Ревешь ты во мне*** [247 (2), с. 36]. Адъективы *небесное* и *облачное* эксплицируют семантику, соответственно, «прилагательное к небо; исходящий, согласно религиозным представлениям, с неба как места пребывания божества» [229 (2), с. 420] и «прилагательное к облако; покрытый облаками; с небом, затянутым облаками» [229 (2), с. 538]. Следовательно, можно признать лексические единицы *небесное дерево* и *облачное дерево* семантически тождественными, т.к. компонентом их значения является сема «небо».

В примере (2) *Завтра дед расскажет мудрый сон / Про Светлый град, про **Огненное дерево*** [248 (1)] в сочетаниях *огненное дерево* и *Светлый град*

прилагательные воплощают следующие значения: «Огненный – прилагательное к огню²⁴» [229 (2), с. 585]; «Светлый – излучающий сильный свет» [229 (4), с. 47]. Эти дефиниции позволяют говорить о наличии в семантике анализируемых слов интегральной семы «свет». Таким образом, словоформы *огненное древо*, *Светлый град* объективируют указание на свет, который отождествляют с добротой, чистотой, невинностью, божественностью. Образ света зафиксирован как в фольклорных текстах (например, имена богов в славянской мифологии: *Белобог*, *Белун* и др.), так и в религиозных представлениях. В христианстве он считается символом святости и духовности, а также превалирует при описании Христа и его учеников. Кроме того, образ света, в частности белого, соотносится с описанием нимба святых, что ещё раз подчёркивает значимость анализируемой единицы лингвокультуры²⁵.

В примере (3) *Щаный сад весь в гнездах дум грачиных / Древо зла лишь призрачно голо* [248 (1)] лексема *призрачно* эксплицирует образ дерева зла зафиксированной в её значении семой «воображаемый, нереальный»: «Призрачно – воображаемо, мнимо, нереально» [229 (3), с. 411].

Следовательно, образ мирового дерева не только объективирован в языковой картине мира С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина, но и интерпретирован сквозь её призму как феномен, относящийся к сфере небесного, божественного. Это положение подтверждает тезис о превалировании мировоззренческого аспекта, выдвинутого зарубежными исследователями при рассмотрении картины мира.

В отечественной лингвистике термин *картина мира* функционирует с 1970-х гг. и связан с работами Ю. Н. Караулова и Г. А. Брутяна. При рассмотрении тезаурусного уровня языковой личности Ю. Н. Караулов отмечает, что «употребляемое иногда для обозначения способа упорядочения

²⁴ В значении данной лексемы объективирован сема «свет»: огонь – «раскалённые светящиеся газы вокруг горящего предмета, пламя» [229 (2), с. 587].

²⁵ Данные приведены по материалам «Энциклопедии знаков и символов» [206, с. 33 – 34].

знаний сочетание “картина мира” при всей своей кажущейся метафоричности очень точно передаёт сущность и содержание рассматриваемого уровня» [90, с. 172]. К числу основных признаков картины мира исследователь относит наглядность, воспринимаемость, представимость, перцептуальность и упорядоченность составляющих её единиц.

Отметим, что термин *картина мира* используется в лингвофилософии, когнитивной лингвистике, этнолингвистике, лингвокультурологии, лингвистике текста, (этно)психолингвистике и др. Это обуславливает многочисленность экспликаций рассматриваемого термина.

В справочной литературе картина мира определяется как:

- целостный образ мира, имеющий исторически обусловленный характер, который формируется в обществе в рамках исходных мировоззренческих установок [236, с. 234];
- система интуитивных представлений о реальности [225, с. 127].

Термин *картина мира* многоаспектен. Его трактуют как:

1) упорядоченную совокупность знаний о мире. Ср.: «Под картиной мира в самом обобщённом виде предлагается понимать упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [138, с. 51]; «...картина мира, т.е. знание о мире» [96, с. 23];

2) модель или образ действительности, лежащий в основе мировидения человека и этноса. Ср.: «Наиболее адекватным пониманием картины мира представляется определение её как исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании её носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека. Картина мира предстаёт при такой трактовке как субъективный образ объективной реальности» [139, с. 21];

3) отображение онтологического мира, совокупность представлений и знаний о нём. Ср.: «Картина мира – структурированное сознанием

отображение действительности со всеми её когнитивными элементами, находящимися в различных связях, отношениях и состояниях» [1, с. 8]; «Однако наиболее целесообразным является конденсированное понимание выражения “картина мира”, которое соотносилось бы с обобщённым (научным) представлением человечества о сущности окружающего его мира на определённом этапе его развития» [96, с. 21]; «Отражение мира в сознании, представления человека о мире, информация о среде и человеке – это картина мира» [49, с. 397]; «Картина мира может трактоваться как (ментальный) способ (или форма) и результат отражения (отображения, выражения) человеком мира» [82, с. 16].

Несмотря на различие представленных формулировок и выдвинутых на первый план аспектов рассмотрения понятия «картина мира», из приведённых дефиниций можно выделить ряд его основных признаков. Во-первых, картина мира присуща сознанию человека или группы людей. Во-вторых, она формируется при непосредственном взаимодействии индивидуума с онтологическим миром. В-третьих, рассматриваемый ментальный конструкт отображает представления человека или коллектива людей об окружающей среде и самом человеке. В-четвёртых, он формируется через логическое и чувственное познание и содержит субъективную информацию об объективной реальности. Наконец, картина мира имеет исторически обусловленный характер.

Приведённые признаки характерны для образа мирового дерева, который, с одной стороны, воплощает «универсальную концепцию мира» [218 (1), с. 398], а с другой – репрезентирует «упорядоченность мироздания» [212]. Образ мирового дерева характерен, прежде всего, для мифопоэтического сознания, он отображает представления человека об устройстве мира, объективирует связи между внешним и внутренним мирами индивидуума. Как отмечает Н. Жюльен, многочисленные мифы разных народов содержат описание гигантского дерева, являющегося связующим

звеном между небом и землёй, благодаря которому осуществляется взаимопроникновение миров. «Китайское солнечное дерево, по которому поднимались и спускались властители; ясень кельтов Иггдрасиль, уходящий корнями в подземное царство; космический ясень Эдды Хеймдалль (небесный бутон); растение жизни, цветок вечной молодости, который Гильгамеш отправляется искать на середину океана; дуб, где Зевс расположил континенты и моря; яблоня, с которой идентифицируется Идунн в Скандинавии. и т.д.» [211, с. 101]. В данной цитате объективирующие образ мирового дерева лексемы *китайское солнечное дерево, ясень Иггдрасиль, ясень Хеймдалль, небесный бутон, цветок вечной молодости, растение жизни, дуб, яблоня* указывают на то, что рассматриваемый образ включён в языковой опыт этноса. Его культурные смыслы и коннотации закреплены за указанными вербальными знаками.

Однако образ мирового дерева трудно отождествить с картиной мира, позволяющей индивидууму ориентироваться в онтологическом мире, идентифицировать и классифицировать реалии окружающей действительности. Картина мира всегда отражает опыт взаимодействия человека с миром и обществом, а также детерминирует восприятие индивидуумом самого себя, природы и культуры. Образ мирового дерева, являясь неотъемлемой частью картины мира, интерпретируется сквозь призму индивидуального восприятия и языкового опыта авторов, поэтические тексты которых являются материалом нашего исследования. Анализируемый образ филологи (в числе которых С. Г. Белякова) называют врождённым: «Древо вошло в нашу генетическую память, в сферу бессознательного. Как доказывают психологи, на определённом этапе развития детской психики оно даёт знать о себе как вошедший в плоть и кровь первичный образ: если ребёнок много рисует, то в его рисунках преобладает дерево. Некоторые психологи полагают, что это и есть Мировое древо, древо жизни — место встречи человека со Вселенной» [242, с. 162].

Подводя промежуточные итоги, отметим, что понятие «картина мира» определяет отношение человека к самому себе, природе и этносу, что обуславливает его антропологичность. Оно приобретает свои терминологические и методологические основы в рамках антропологической парадигмы. Под термином *картина мира* мы понимаем идеальный ментальный конструкт, аккумулирующий результаты взаимодействия человека с внешним миром и служащий своеобразным «компасом» для ориентации индивидуума в мире. Образ мирового дерева рассматриваем как неотъемлемый компонент картины мира, который воплощает первичные данные категоризации и концептуализации онтологического мира и квалифицируется исследователями (см. [Токарев 1992; Постовалова 1988; Толстой 2004; Грицанов 2002] и др.) как модель или образ мира.

Трактования *картины мира* близки к экспликациям терминов *образ мира* и *модель мира*, к которым учёные апеллируют при рассмотрении проблемы соотношения языка и сознания. Отметим, что в разных гуманитарных науках имеются свои традиции употребления анализируемых единиц метаязыка. В частности, при введении поискового запроса «картина мира», «образ мира» или «модель мира» на информационном портале «Словари и энциклопедии на Академике» [Режим доступа: <http://partners.academic.ru/>] мы наблюдаем распределение оперирования терминами в различных отраслях гуманитарного знания. *Модель мира* преимущественно эксплицируется в справочных ресурсах психологии, нейролингвистического программирования, мифологии и открытого сетевого ресурса «Википедия». Трактовки термина *образ мира* чаще встречаются в словарях и энциклопедиях психологии, психолингвистики и литературоведения. *Картина мира* кодифицируется в справочной литературе по философии, культурологии и языкознанию. Однако однозначной точки зрения относительно использования рассматриваемых

терминов нет: одни исследователи употребляют их как синонимы, другие разграничивают.

В. И. Постовалова оперирует терминами *картина мира* и *образ мира* для обозначения структуры, репрезентирующей знания человека о среде, приобретённые в ходе взаимодействия индивидуума с реальностью. Также исследователь эксплицирует картину мира через образ мира: «*Картина мира* есть целостный глобальный *образ мира*... (здесь и далее выделено нами – Ю. Д.)» [139, с. 19]; «... глобального *образа мира*, именуемого *картиной мира*» [139, с. 20]; «Наиболее адекватным пониманием *картины мира* представляется определение её как исходного глобального *образа мира*...» [139, с. 21] и т.д. Такая дефиниционная модель позволяет разграничить эти термины на основании их родо-видовых отношений: «Хотя исходное мироощущение человека и является врождённым, но *образ мира*, составляющий ядро *картины мира*, нельзя признать таковым» [139, с. 30].

О понимании *картины мира* как родового термина относительно видового термина *образа мира* говорит и Н. Ф. Алифиренко, отмечая, что «дифференциация понятий *картина мира* и *образ мира* возможна лишь в научных целях» [2, с. 100]. Тем не менее исследователь подчёркивает, что при взаимодействии образов предметов онтологической реальности и возникающих на их основе новых ассоциаций и смыслов «меняется рельеф *образа мира*, расширяя *картину мира*, а значит, изменяется её каркас, *модель мира*» [2, с. 101]. Фактически, Н. Ф. Алифиренко разграничивает выделенные термины: *картина мира* опирается на *образ мира*, основой которого служит *модель мира*.

В научный обиход первым введён термин *модель мира*, под которым понимают ментальный способ и результат репрезентации реальной действительности [82, с. 16]. В современном русском языке лексема *модель* имеет несколько значений: «1. Образец какого-либо нового изделия, образцовый экземпляр чего-либо. 2. Воспроизведение предмета в

уменьшенном, иногда в увеличенном или натуральном виде. 3. Образец, с которого снимается форма для отливки или воспроизведения в другом материале. 4. То, что служит материалом для изображения, воспроизведения; натура» [231 (6), стлб. 1131 – 1132]. В общенаучной методологии понятие «модель» рассматривается «как аналог (схема, образец, структура, система) определённого фрагмента действительности, выступающий в более упрощённом виде (материальном или мысленном), сохраняющий наиболее существенные свойства объекта-оригинала и служащий для его исследования – получения и расширения знаний о нём, возможного преобразования с целью последующего усовершенствования» [100, с. 43].

Следовательно, модель отличается наглядностью и воспроизводит изучаемый или наблюдаемый объект в наиболее существенных деталях, характеризуя его размер, форму, цвет, объём и т.п. При рассмотрении модели мира исследователи выделяют следующие её характеристики: первичность, простоту, наглядность, схематичность, а также ориентирование предмета в пространстве. Ср.: *«Абсолютная простота и наглядность* исходной модели мира, лежащей в основе миропредставления человека и образующей его глубинный слой, её универсальность, позволяют ей выполнять роль посредника между отдельными людьми и целыми сферами социокультурной деятельности человека, а также внутри одной сферы, между конкурирующими направлениями» [139, с. 27]; *«Языковая модель мира ориентирует каждый объект в пространстве* относительно себя самого (отсюда такие понятия как «перед», «бок», «верх», «низ» и под.) и относительно других объектов. Для языка важно не только, что это за объект, но и *как и где он расположен, двигается он или находится в покое, является фоном или фигурой* и под. Другое свойство языковой модели мира – её особенная лабильность, позволяющая совмещать логически несовместимое» [147, с. 285]; *«Модель мира представляет собой схему, которая заполняется*

отображёнными в сознании объектами окружающей действительности» [2, с. 101].

Как правило, модели создаются для более детального изучения реалий или прогнозирования результатов взаимодействия с определённым объектом действительности. Их применяют, если «хотят изобразить некоторую область явлений с помощью другой, хорошо изученной и легче воспринимаемой» [100, с. 43]. Соответственно, моделирование мира служит для изучения и объяснения явлений различного порядка сквозь призму уже воспринятых и осмысленных объектов действительности²⁶.

В лингвистике термин *модель* применяется в связи с методом моделирования, т.е. изучения свойств и/или структуры языкового факта на основании рассмотренных сущностных характеристик их модели. Последнюю можно трактовать как алгоритм описания анализируемых феноменов согласно определённому регистру параметров. Применительно к модели мира, согласно В. Н. Топорову, разрабатывались системы бинарных признаков, квалифицируемых нами как параметры описания модели. Это, как правило, противопоставления²⁷, связанные с характеристикой пространства (а), временными координатами (б), цветовыми схемами (в) и культурно-социального начала (г).

В число бинарных признаков характеристики пространства (а) входят «верх – низ», «небо – земля», «земля – подземное царство», которые при описании образа мирового дерева актуализируются лексемами *загробный мир, в землю, небо, взметнуться, устремиться, верх и низ*. Ср.: «Корни Мирового Древа омывают воды *загробного мира*, его ствол, взметнувшийся в *небо*, обвивает Змея – символ движущейся по спирали энергии земли, а крона

²⁶ Аналогичные процессы лежат в основе когнитивной метафоры (см. I.3.), рассматриваемой как один из основных механизмов мышления. Кроме того, модель мира сводится к конкретному познаваемому объекту, описываемому через систему кодов культуры, поэтому её рассматривают как принадлежность мифопоэтического сознания.

²⁷ Данные приведены по материалам энциклопедии «Мифы народов мира» [218 (2): 161 – 163].

пронзает космическое пространство» [206, с. 119]; «Поскольку оно (дерево – *Ю. Д.*) уходит в землю, а его ветви устремлены к небу, оно, как и сам человек, является отражением “сущности двух миров” и посредником между “*верхом и низом*”» [202, с. 69]. Кроме того, в семантике словоформ, номинирующих элементы морфологии дерева, также заложены рассматриваемые характеристики. Так, лексема *корни* определяется как «не имеющая листьев часть растения, с помощью которой оно укрепляется в почве, поглощает воду, всасывает почвенные соки» [231 (9), стлб. 1419]. Таким образом, семантика словоформы *корни* в представлении носителей языка тесно связана с представлениями в «подземном мире (царстве)». Лексема *крона* используется для обозначения «совокупности ветвей верхней части дерева» [231 (5), стлб. 1698] и, соответственно, соотносится с языковыми знаками *в небо, к небу*, обозначающими идею «верха».

К пространственным признакам (а) относим также признаки расположения сторон света: «восток – запад» и «север – юг». С ними тесно связаны цветовые схемы (в), которые эксплицируются парами типа «белый – чёрный», «красный – чёрный». Анализируемые подгруппы признаков актуализируются лексическими единицами *стороны света, цвет, цветное дерево*. Ср.: «Чаще всего дерево (мировое – *Ю.Д.*) изображалась с восемью ветвями, *по четыре* с каждой *стороны*. Имело оно и *четыре главных цвета: красный, чёрный, белый, синий*» [242, с. 161]; «Мировое древо Иггдрасиль у северных германцев, или священное Цейба, или Ячкхе-дерево юкатанских майя, которое растёт в центре мира и служит опорой для слоёв неба, причём в каждой из *четырёх сторон света* используется по одному *цветному дереву* этого вида в качестве угловых столбов небосвода» [202, с. 69].

В посвящённых мировому дереву исследованиях констатируется его произрастание в центре мира, в райском саду или на священной горе. Эти представления реализуются лексемами *центр мира, райский сад (Ирий-сад)* или *камень Алатырь*. Например: «Дерево мировое помещается в сакральном

центре мира (центр может дифференцироваться – два мировых дерева, три мировых и т.п.) и занимает вертикальное положение» [218 (1), с. 399]; «В заговорах Мировое древо помещается в центре мира, на острове посреди океана («пуповине морской»), где на камне Алатыре стоит «булатный дуб» или священное древо кипарис, берёза (в частности, перевёрнутая вверх корнями — Майк. ВЗ, №149), яблоня, явор и т. п.» [226 (3), с. 253]; «В русском заговоре “*На море, на окяне, на острове Буяне стоит белая берёза вниз ветвями, вверх кореньями*”...» [242, с. 160]; «Там (в мифическом саду Ирие. – Ю.Д.) растёт мировое дерево (наши предки полагали, что это берёза или дуб, а иногда дерево так и называется – Ирий, Вырий), у вершины которого обитали птицедевы и души умерших» [244, с. 93]; «На Латынь-горе Сварог разбил Ирийский сад, в котором посадил росток, выросший в священный вяз, связующий своими корнями весь мир и поднявший ветви к самому небу» [230, с. 266]. Отметим, что при реконструкции словоформ, объективирующих мотив мирового дерева в англосаксонской культуре, С. Г. Проскурин приходит к выводу, что значение «центр или середина» заложены в самой семантике слова: «Учитывая партитивную природу композита *midja-gardaz, мы реконструируем его [...] как “середина (центр) огороженного пространства”» [144, с. 125].

К признакам культурно-социального начала (г) относятся представления о мужском и женском началах, которые зафиксированы, например, в исследованиях Н. И. Толстого. Учёный отмечает, что признак пола в народном мифологическом восприятии природы присущ самому дереву и является постоянным. В языке это воплощено в категории рода слов, называющих породы деревьев. «Связь грамматического рода названия дерева с воображаемым полом дерева, – пишет исследователь, – чётко прослеживается в отдельных сербских зонах, где обряд сжигания рождественского полена «бадняка» осложнён употреблением нескольких поленьев [...], из коих одно полено должно быть мужского «пола» – *ба́дняк*,

а другое женского – *ба́дња́чица*» [173, с. 334]. Учёный отмечает, что к мужским деревьям относили дерево, воплощённое лексемами *цер* (*Quercus cerris*) и *храст* (*Quercus robur*), а к женским – *границу* (*Quercus conferta*).

К признакам культурно-социального начала (г) причисляют противопоставление «свой – чужой». Традиционно представление «свой» отождествляют с личной зоной пространственного кода²⁸. Её граница проходит по той линии, которую могут провести руки, т.е. от боков человека и вперёд. «Свой» отождествляется с хорошо знакомым миром, отображённым знаками языка, в то время как «чужой» располагается далеко, за природными преградами (объективированными лексемами *по ту сторону облаков, далеко на востоке, солнцева сторона*) или в ином мире: как подземном, так и небесном. Например: «Светлое небесное царство находится *по ту сторону облаков*, а может быть, это тёплая страна, лежащая *далеко на востоке*, у самого моря, – там вечное лето, и это – *солнцева сторона*. Там растёт мировое дерево» [244, с. 93]. Итак, образ мирового дерева мы можем отнести к зоне «чужого». Однако объективация его денотатов словоформами, называющими хорошо знакомые деревья (например, фитонимом *дуб*), свидетельствует о включении образа мирового дерева в зону «своего». Примером этого положения служит модель мира, описанная А. Гура по средневековым апокрифам. Согласно источнику земная твердь покоится на воде, вода, в свою очередь, – на камне, а последний расположен на четырёх китах. Для китов «точкой опоры» выступает огненная река, источником которой является вселенский огонь. Он горит на железном дубе, «посаженном прежде всего другого, и все корни его опираются на Божью силу» [245, с. 5].

Итак, бинарные признаки образа мирового дерева объективированы языковыми средствами, которые выражают национально-культурное

²⁸ Данные положения изложены по материалам монографии «“Свой” среди “чужих”: миф или реальность?» [101, с. 299 – 302].

своеобразие видения мира этносом и репрезентируют его как модель мирового дерева. Проанализированные параметры воплощаются в образных средствах языка, фиксирующих в своей семантике соотношение объектов онтологического мира по принципу аналогии. «При этом образное видение мира имеет лингвистическую детерминированность, поскольку базируется на закреплённых в языковых единицах образах, общепринятых в определённой языковой культуре» [194, с. 3]. Их совокупность формирует образ мира.

В отечественное языкознание термин *образ мира* был введён А. Н. Леонтьевым. Само понятие, – утверждает И. В. Зыкова, – возникает на границе философии и психологии и изначально связано с изучением восприятия [82, с. 16]. О. Е. Баксанский и Е. Н. Кучер подчёркивают, что «восприятие субъектом реальности не происходит путём её зеркального отображения. Результатом этого знания является необходимость выявления структуры, в которой фиксируется видение индивидом окружающего мира. В качестве такой структуры и вводится категория “образ мира”» [13, с. 52]. Она понимается исследователями как субъективное эмоционально-когнитивное образование, которое выступает носителем мировидения человека и, соответственно, фиксирует результаты взаимодействия индивидуума с миром.

Отметим, что рассмотрение образа мира тождественно модели мира в связи с наглядностью и многомерностью последней. Образ мира нельзя назвать просто зрительной картинкой, поскольку он аккумулирует важнейшие свойства и характеристики познаваемого, эмоциональные и физиологические реакции на них. Если модель воспроизводит познаваемый объект с целью его дальнейшего изучения, то образ целостно представляет объект в многообразии его признаков. Следовательно, модель мира выполняет объяснительную функцию, а образ мира – описательную.

Данный вывод подтверждается в концепции А. Н. Леонтьева [110], посвящённой анализу образа мира. Исследователь акцентировал внимание на

том, что образ мира не является совокупностью перцептивных образов и не может трактоваться как зрительная картинка. Он опосредует взаимодействие человека с окружающей средой. Указывая на амодальность мира вне индивидуума, учёный отмечает, что модальности ощущений появляются в результате субъектно-объектных отношений человека с реальностью и воплощаются в образе мира. Информация, получаемая индивидуумом посредством взаимодействия с действительностью, определённым образом согласуется в образе мира в единую концепцию, в рамках которой нет непротиворечивых фактов. Примером данной концепции выступает образ мирового дерева «во всём многообразии его культурно-исторических вариантов [включая и такие его трансформации или изо-функциональные ему образы, как “ось мировая” (*axis mundi*) “мировой столп”, “мировая гора”, “мировой человек” (“первочеловек”), храм, триумфальная арка, колонна, обелиск, трон, лестница, крест, цепь и т.д.]]» [218 (1), с. 398] В образе мира могут быть представлены не только предметы, с которыми человек постоянно взаимодействует, но и другие объекты, процессы, явления, составляющие относительно устойчивое представление об онтологическом мире. Следовательно, в концепции А.Н. Леонтьева образ мира понимается как продукт взаимодействия человека с окружающей средой, описывающий результаты процесса познания.

В лингвистике образ мира тесно связан с мировидением этноса, его языком и культурой. Ср.: «Ядро (инвариант) “образа мира” составляют языковые значения, единые для всего этнокультурного сообщества. В основе семантического пространства родного языка, которым человек овладевает с раннего детства, лежит целостный образ этнокультуры» [2, с. 101]; «Он (образ мира – *прим. Ю. Д.*) формируется у человека в процессе всей его жизнедеятельности, в ходе всех его контактов с миром и на базе самых разнообразных его способностей. Подлинно адекватный, глобальный и целостный образ мира может создать только коллективный субъект в

процессе всестороннего постижения внешнего мира, созидавая общую картину мира, в которой снимаются все нюансы индивидуального восприятия» [139, с. 30].

Образ мира выступает продуктом познания окружающей среды. Он создаётся для описания опыта взаимодействия человека с реальностью и состоит, по Н. Ф. Алефиренко, из двух слоёв: бытийного, включающего чувственные образы и ежедневную предметную деятельность, и рефлексивного, содержащего сумму знаний о познаваемых предметах и явлениях. Бытийным слоем образа *мирового дерева* выступает морфология дерева как объекта обыденной предметной деятельности человека, а рефлексивным – совокупность представлений об устройстве мира. Так, при описании мирового древа скандинавов лексемами *вечнозелёный, вершина, лист, корень, ствол* объективируется бытийный слой образа, а вербальные знаки *орёл, ястреб, дракон, змея, белка, олень, коза, человек, великан, мёртвый, источник, мудрый* рассматриваются как указание на систему представлений о мироустройстве. Совокупность языковых средств и эксплицируемых ими образов формирует образный ландшафт, или образ мира Иггдрасиля. «Вечнозелёное Древо Жизни пропитано священным живительным мёдом. На его *вершине* сидят старый *мудрый орёл и ястреб* Ведрфельнир («вылинявший от непогоды»), а *корни* дерева гложут *дракон и змея*. По *стволу* бегают *белка* Рататоск («грызодуб»), своеобразный посредник между ними. Стоя на крыше Валгаллы, чудесного дворца Одина, *листья* ясеня щиплют *олень* Эйктюрмир и *коза* Хейдрун. Три *корня* Иггдрасиля простираются к миру *людей, великанов* и в Царство *Мёртвых*. Под корнями чудесного ясеня находятся три *источника*: *Урд* («Судьба»), *Хвергельмир* («Кипящий Котел») и медовый источник *мудрости* Мимира» [206, с. 120].

Итак, термины *модель мира, образ мира и картина мира*, имея интегральные семы в дефиниционных моделях описания, различаются

выполняемыми функциями и объёмом содержания. В лингвистических работах исследователи оперируют одним из анализируемых терминов. Самым частотным является *картина мира* (см. [Алефиренко 2011; Пименова 2013; Корнилов 2003; Гончарова 2012; Никитина 2011; Климкова 2008] и др.), под которым понимают структуру, фиксирующую результаты взаимодействия индивидуума с миром природы и культуры. Её системообразующими свойствами, по Н. Ф. Алефиренко, являются целостность, космологичность, внутренняя безусловность и достоверность, стабильность и динамичность, наглядность и конкретность проявления элементов [1, с. 9]. Эти характеристики позволяют картине мира выполнять не только описательную, но и регулятивную функцию, а также функцию сохранения лингвокультурной памяти этноса. Однако образ мирового дерева неправомерно рассматривать как картину мира в силу его редуцированности²⁹. Он не отвечает объёму содержания понятия «картина мира», представляя, скорее, концептуализацию донаучных сведений о мире и его строении, зафиксированную единицами лингвокультуры и языка. Мы квалифицируем образ мирового дерева как образ мира, описанный в рамках лингвокультуры с опорой на бинарные культурные смыслы языковыми средствами.

Следовательно, в современных лингвистических исследованиях синтезирующего типа термины *картина мира*, *образ мира* и *модель мира* используются для обозначения совокупности знаний о мире. Мы считаем целесообразным употреблять термин *картина мира* для обозначения совокупности знаний человека о мире и себе, которая определяет его мировидение сквозь лингвокультурную призму этноса. Однако образ мирового дерева, воплощённый в языковых знаках, рассматриваем как образ мира, являющийся основополагающим компонентом культуры народа. Для

²⁹ Оно сведено к системе вертикальных и горизонтальных параметров, описывающих триединое устройство вертикального мира (Навь – Явь – Правь у славян) и горизонтальную плоскость мира человека (времена года, стороны цвета, «свой», т.е. родной, хорошо познанный, мир).

интерпретации основных параметров восприятия человеком себя, природы, этноса образ мирового дерева может быть представлен как модель мира.

II.2. Образ мирового дерева в языковом опыте С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина

В языке русских поэтов XX ст. – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина – объективированы представления о связи образа мирового дерева с небесным царством. В примерах (1) *Где рай финифтяный и Сирин / Поёт на ветке расписной* [248 (1)]; (2) *Мы слетелись птицы умные / На совет, на думу крепкую, / Со того ли саду райского – / С кипариса – Божья дерева* [248 (1)]; (3) *Шумит небесный кедр / Через туман и ров, / И на долину бед / Спадают шишки слов* [247 (2), с. 43] связь мирового дерева с небесным миром реализуется благодаря лексическим единицам *рай, Сирин, ветка, птица, райский сад, божье дерево, небесный кедр*. Семантически эти словоформы вербализуют соотношение мирового дерева с культурным смыслом ‘вверх’, отождествляемым в славянской культуре с миром богов или бога. Так, слово *рай* определяется как «место, где души умерших праведников ведут блаженное существование, а также сад, где, по библейскому сказанию, жили Адам и Ева до грехопадения» [229 (3), с. 637]. В приведённой словарной дефиниции с представлением о верхнем расположении рая соотносится идея грехопадения. В корне *-над-* композита *грехопадение* заложена сема «движение вниз». Лексема *ветка* интерпретируется как «боковой отросток, побег, идущий от ствола дерева» [229 (1), с. 157], актуализируя представления о верхней части дерева, т.е. его кроне³⁰. Адъективы *божий* и

³⁰ Вербальный знак *крона* интерпретируется как «верхняя разветвлённая часть дерева (ствола) вместе с сучьями и ветвями» [229 (2), с. 134].

небесный передают близкую семантику: «Божий – созданный Богом, принадлежащий ему» [229 (1), с. 103]; «Небесный – относящийся к небу; находящийся в межзвёздном и межпланетном пространстве» [229 (2), с. 420]. Как видим, анализируемые лексические единицы объективируют культурный смысл ‘вверх’.

Образ мирового дерева объективирован в текстах свадебных, похоронных и рождественских обрядов русского народа. Так, в текстах песен свадебного фольклора образ мирового дерева, по замечанию Н. И. Толстого, видоизменяется: в его корнях вместо змеи обосновывается горноста́й с потомством, в стволе расположен улей пчёл, а в кроне вьёт гнездо соловей. Более того, рядом с мировым деревом расположены столы для пиршества или терем для новобрачных [226 (3), с. 253]. Имея этноспецифический характер, образ мирового дерева отображён в поэтических текстах Н. Клюева. Ср.: (1) *Я – древо, а сердце – дупло, / Где сирина-птицы зимовье, / Поёт он – и сени светло, / Умолкнет – заплачется кровью* [248 (1)]; (2) *Невеста, я древо твоё, / В тени моей песни-олени; / Лишь браком святится жильё, / Где сириный пух по колени* [248 (1)].

Образ мирового дерева в приведённых примерах представлен с помощью лексем *древ*о, *дупло*, *сирин-птица*, *сиринный пух*, *олень*. Данные языковые знаки указывают на деление мирового дерева по вертикали: слова *дупло*, *олень* передают представления о соотношении средней части дерева и мира человека, лексемы *сирин-птица*, *сиринный пух* обозначают верхнюю, космическую зону. Данный вывод основан на положении, зафиксированном в «Словаре славянской мифологии», согласно которому си́рин – одна из разновидностей райских птиц, обитающих в Ирии. «От головы до пояса Си́рин – женщина несравненной красоты, от пояса же – птица. Спускаясь из рая на землю, она зачаровывает людей пением, которое разгоняет тоску и печаль» [230, с. 531]. Ср. текст Н. Клюева (1) *Поёт он – и сени светло, / Умолкнет – заплачется кровью* [248 (1)], в котором актуализируются

представления о двойственной природе сирин: с одной стороны, это обитатель райского сада, а с другой – «тёмная птица, тёмная сила, посланница властелина подземного мира» [244, с. 175]. Её пение зачаровывает, однако, вместе с тем обрекает на несчастье, и даже на погибель.

Отметим, что Б. А. Рыбаков при рассмотрении религиозных воззрений древних славян указывал на некую связь между представлениями о девушках-птицах и архаичными божествами – берегинями: «У нас нет данных о внешнем облике берегинь [...]. Позднейшие сирены с птичьим обликом, вероятно, являются уже видоизменением первоначальных представлений; об этом говорят и двойственность образа, что являлось попыткой выразить, с одной стороны, родство со стихией воздуха, а с другой – родство с самим человеком» [154, с. 18]. Итак, в языке русской поэзии с помощью лексемы *сирин* отображена связь мирового дерева и с верхней зоной вселенной, и с миром человека.

Представление о тереме или пиршественных столах, расположенных у мирового дерева, отображено в текстах Н. Клюева. В актуализации пира³¹ участвуют языковые знаки *стол*, *мёд*, *хлеб*. Ср.: (1) *Кобылица-душа тянет в луг, где цветы, / Мята слов, древозвук, купина красоты / Там, под Дубом Покоя, накрыты столы* [248 (1)]; (2) *А оттуль тебе мостовичина / Ко Маврийскому дубу-дереву, – / Там столы стоят неуедные, / Толокно в меду, блинник масляный* [248 (1)]; (3) *Побывал я под чудною елью / И отведал животного хлеба, / Видел горницу с полкою божничной, / Где лежат два ключа золотые* [248 (1)]. Лексема *стол* эксплицирует представление о «пище, еде, съестном» [204, с. 1271], слово *мёд* также содержит указание на еду, а именно: на «сладкое сиропообразное густое вещество, вырабатываемое пчёлами из нектара цветков медоносных растений» [204, с. 527], лексическая

³¹ В «Большом толковом словаре русского языка» рассматриваемый вербальный знак эксплицируется как «празднество, торжество с обильным и роскошным угощением» [204, с. 833].

единица *хлеб*³² используется в своём основном значении. По сути, анализируемые вербальные знаки объективируют образный ландшафт пиршества у мирового дерева как стереотипную ситуацию, которая чаще всего описывается в сказках «как результат, завершение длительных и утомительных испытаний героя, его побед» [204, с. 833].

Представление о расположенном у мирового дерева тереме эксплицировано в примере (3) *Побывал я под чудною елью / И отведал животного хлеба, / Видел горницу с полкою божничной, / Где лежат два ключа золотые* [248 (1)]. Лексема *горница* в данном примере эксплицирует представление о «комнате (первоначально в верхнем этаже)» [229 (1), с. 335]. В своей семантике рассматриваемый вербальный знак содержит указание на принадлежность к терему, т.е. к «жилому помещению в верхней части богатых хором (выделенная нами сема является интегральной для слова *терем* и лексемы *горница* – Ю. Д.) или дому в виде башни в древней Руси» [229 (4), с. 357].

Данный фрагмент текста также содержит сочетание *два ключа золотые*, которое является отсылкой к известному мифу о ключах от Ирийского сада. Согласно легенде, после разбивки райского сада Сварог поручил ключи от него ворону. Однако его громкое карканье не давало покоя душам умерших и пугало птицеводов, обитающих в ветвях мирового дерева. Это послужило причиной передачи Сварогом ключей ласточке. Но ворон, не смеявшийся послушаться Верховного Бога, всё же оставил себе маленький ключ от потайной дверцы. Когда же ласточка принялась его стыдить, он вырвал ей из хвоста несколько перьев. С той поры, как гласит легенда, у ласточки хвост раздвоен, а ворон использует ключ, чтобы проникать в Ирий-сад за мёртвой и живой водой³³.

³² «Хлеб – пищевой продукт, выпекаемый из муки» [204, с. 1444].

³³ Текст легенды приведён по материалам книги «Русские легенды и мифы» [244, с. 93].

В силу того, что образ реализуется комплексом признаков, в примерах (1) *Кобылица-душа тянет в луг, где цветы, / Мята слов, древозвук, купина красоты / Там, под Дубом Покоя, накрыты столы* [248 (1)] и (3) *Побывал я под чудною елью / И отведал животного хлеба, / Видел горницу с полкою божничной, / Где лежат два ключа золотые* [248 (1)] также эксплицирован бинарный признак мирового дерева «свой – чужой», актуализированный и в приведённой легенде о ключах от райского сада. Принадлежность мирового дерева к «чужому» миру объективирована лексическими единицами *Дуб Покоя, чудная ель*. Ср.: «Покой³⁴ – спокойное душевное и физическое состояние» [204, с. 895]; «Чудный – вызывающий удивление своей необычностью, волшебный» [204, с. 1485].

Образ мирового рождественского дерева актуализирован в языке поэзии М. Кузмина. Ср.: (1) *Нам Рождество / Приносит прелесть детской ёлки. / По озеру визжат коньки, / А огоньки / На ветках – словно Божьи пчёлки* [249 (4)]; (2) *Не видна ещё ребёнку / Разукрашенная ель, / Только луч жёлто и тонко / Пробивается сквозь щель* [249 (7)]; (3) *Прилетит ли к нашей ёлке / Белокрылый голубок?* [249 (7)]; (4) *С детства помните Сочельник, / Этот детский день из дней? / Пахнет смолкой свежий ельник / Из незапертых сеней* [249 (7)]. В языковом опыте автора анализируемый образ объективирован словами *Рождество, Сочельник, огоньки на ветках, божий, разукрашенный, белокрылый голубок*. Эти языковые единицы вербализуют связь новогоднего дерева с небесным миром, а также с традиционным убранство ели³⁵. Так, лексемы *Рождество* и *Сочельник* имеют интегральную сему «церковный (христианский) праздник», воплощённую в

³⁴ Отметим, что к этому покою в поэтическом осмыслении автора тянет именно душу, а в языковом опыте этноса закреплено выражение «вечный покой», т.е. «упокоение после смерти» души [204, с. 895]. Такой покой она обретает, согласно христианству, в райском саду. Таким образом, лексемы *покой* и *душа* репрезентируют в поэтическом тексте представление о расположении мирового дерева в «чужом» мире.

³⁵ Расписные шары, звёзды и полумесяцы позволяют трактовать ель как «Космическое Древо, в ветвях которого сияют солнце, луна, звёзды и планеты» [206, с. 121], т.е. рассматривать в качестве инварианта мирового дерева.

значениях данных слов. Ср.: «Рождество – *христианский* зимний праздник (выделено нами – Ю. Д.), посвящённый рождению мифического основателя христианства — Христа» [229 (3), с. 726]; «Сочельник – канун *церковных праздников* (выделено нами – Ю. Д.) рождества и крещения» [229 (4), с. 214].

Сочетание *огоньки на ветках* в строках (1) *Нам Рождество / Приносит прелесть детской ёлки. / По озеру визжат коньки, / А огоньки / На ветках – словно Божьи пчёлки* [249 (4)] объективирует представление о неотъемлемом атрибуте мирового рождественского дерева – ёлочной гирлянде, т.е. «нитях бус, фонариков, дождя и т.п. как украшения новогодней ёлки» [204, с. 205].

В примере (2) *Не видна ещё ребёнку / Разукрашенная ель, / Только луч жёлто и тонко / Пробивается сквозь щель* [249 (7)] причастие *разукрашенный* вербализует обилие украшений мирового рождественского дерева, что подтверждается словарной дефиницией анализируемой словоформы: «украсить множеством чего-либо» [229 (3), с. 633].

Представление о голубе как посланнике божьем в тексте (3) *Прилетит ли к нашей ёлке / Белокрылый голубок?* [249 (7)] эксплицирует словосочетание *белокрылый голубок*: «Голубь – традиционный христианский символ Святого Духа. Когда голубь с листом оливкового дерева появился в Ноевом ковчеге, это было знаком Господа о прощении» [237, с. 355]. Примечательно, что аффиксоид *бел-* в композите *белокрылый* наделён семантикой «чистый» [229 (1), с. 78]. Согласно И. А. Герасименко, за словами с рассматриваемым компонентом *бел-* закреплена коннотация «начала жизни, начала света» [44, с. 36]. Данные тезисы обуславливают квалификацию сочетания *белокрылый голубок* как указания на связь мирового рождественского дерева с небесным, божественным миром.

Итак, в языковом опыте М. Кузмина образ мирового дерева, инвариантом которого является рождественская ель, объективирован лексическими единицами *Рождество, Сочельник, огоньки на ветках, божьи,*

разукрашенная, белокрылый голубок. Использование данных средств экспликации образа мирового дерева иллюстрирует этноспецифическое и индивидуально-авторское видение, преломлённое сквозь определённую «сетку координат» (в терминологии В. И. Постоваловой).

Такой «сеткой координат» служат разные представления. В их челе не только бинарные представления о вселенной, воплощённые в описаниях образа мирового дерева (см. II.1), но и языковая объективация элементов морфологии мирового дерева и его вариантов. Ср.: (1) *Туча – ель, а солнце – белка / С раззолоченным хвостом* [248 (1)]; (2) *Уж ты стань, солдат, быстрой векшею*³⁶, / *Лазь на тучу-ель к солнцу красному* [248 (1)]; (3) *Бредёт по туче седой Старик. / Он смуглой горстью меж тихих дров / Бросает звёзды – озимый сев* [247 (1), с. 89]; (4) *Там, за млечными холмами, / Среди небесных тополей* [247 (2), с. 74]. В приведённых текстах образ мирового дерева актуализирован лексемами *ель, древо, тополь*, указывающими на денотат мирового дерева в представлении авторов, а также словоформами *туча, белка (векша), небесный*, которые объективируют соотнесённость дерева с миром небесного.

В примерах (1) *Туча – ель, а солнце – белка / С раззолоченным хвостом* [248 (1)]; (2) *Уж ты стань, солдат, быстрой векшею, / Лазь на тучу-ель к солнцу красному* [248 (1)] образ белки реализует культурный смысл 'вверх', эксплицированный словами *лезть* и *солнце* с семантикой движения или расположения вверху. Ср.: «Лезть – хватаясь руками или цепляясь ногами, *взбираться вверх* (выделено нами – Ю. Д.)» [229 (2), с. 172]; «Солнце – звезда»³⁷ (выделено нами – Ю. Д.), представляющая собой гигантский раскалённый газовый шар, излучающий свет и тепло за счёт протекающих в его недрах термоядерных реакций» [229 (4), с. 191].

³⁶ Векша – «белка» [229 (1), с. 146].

³⁷ Лексема *звезда*, в свою очередь, определяется как «небесное (т.е. относимое к верхней зоне – Ю. Д.) тело, состоящее из раскалённых газов (плазмы), по своей природе сходное с Солнцем и представляющееся взору человека на ночном небе светящейся точкой» [229 (1), с. 600].

В фрагментах поэтических текстов (3) *Бредёт по туче седой Старик. / Он смуглой горстью меж тихих древ / Бросает звёзды – озимый сев* [247 (1), с. 89]; (4) *Там, за млечными холмами, / Среди небесных тополей* [247 (2), с. 74] описаны представления о небесном мире и Боге³⁸. Последний передаётся в примере (3) *Бредёт по туче седой Старик. / Он смуглой горстью меж тихих древ / Бросает звёзды – озимый сев* [247 (1), с. 89] с помощью лексемы *старик*, которая в языковом опыте носителей русской лингвокультуры имеет значение «тот, кто достиг старости» [229 (4), с. 249], а значит, приобрёл опыт и житейскую мудрость. В свою очередь, в строках (4) *Там, за млечными холмами, / Среди небесных тополей* [247 (2), с. 74] словосочетание *млечный холм* актуализирует представление о горизонтальной структуре образа мирового дерева. В. Н. Топоров называет образ Млечного пути наиболее типичным примером развёртывания образа мирового дерева в разных плоскостях мира: «Горизонтальный путь может развёртываться не только на земле, в Среднем мире, но и в Нижнем и в Верхнем, на небе (наиболее типичный пример — образ Млечного пути, он же — Птичий путь, Дорога душ; ср. [...] Небесную реку, путь, по которому герой преследует своего противника или животное; иногда, правда, как у финских народов, Млечный путь теряет свойство горизонтальности и представляется в виде мирового дерева)» [174 (1), с. 346]. Как видим, вербальные знаки объективируют универсальные и этноспецифичные признаки образа мирового дерева, вводя его в языковой опыт человека.

Н. Клюев и С. Есенин последовательно используют в своих поэтических текстах лексическую единицу *древо жизни*. Согласно исследованиям, дерево жизни является одним из инвариантов мирового дерева и олицетворяет жизненный цикл человека и мира. Более того, дерево жизни соотносится с райским деревом, у которого совершилось грехопадение Адама и Евы. Этот аспект образа мирового дерева, реализуемого одним из

³⁸ Данные представления реализуют образный ландшафт «небесный мир».

своих инвариантов, объективируется у М. Кузмина с помощью лексем *Адам* (вынесена в название поэтического текста), *листва*, *ствол*, *дубочек*, *муж*, *дама*. Ср.: (1) *Тут, оперишись на кочку, / Устало муж прилёг, / А на стволе дубочка / Пред дамой – червячок* [249 (8)]; (2) *И расчертился магом / Очерченный предел. / Сине плывут осколки, / Корёжится листва* (дубочка – Ю. Д.) [249 (8)]. В данных текстах образ мирового дерева актуализируется лексемой *дубочек*³⁹, эксплицирующей одно из центральных деревьев в славянском дендрарии. Вербальные знаки *ствол* и *листва* воплощают элементы морфологии мирового дерева. Кроме того, как мы отмечали, языковая единица *ствол* объективирует представления о сопоставлении мирового дерева с миром человека, который в данных текстах репрезентируют лексемы *муж* и *дама*. Вербальный знак *листва* указывает на верхнюю часть дерева, которая соотносится с небесным миром. Как видим, в анализируемых строках М. Кузмина эксплицирована вертикальная структура образа мирового дерева.

Образ дерева жизни объективирован и в языке произведений Н. Клюева. Ср.: (1) *Стоголовые Дары, Демьяны / Узрят Жизни алое дерево: / На листьях роса – океаны, / И дупло – преисподнее чрево* [248 (1)]; (2) *Время, как шашель, в углу и за печкой / Дерево жизни буравит, сосёт* [248 (1)]; (3) *Жизни дерево надколото, / Не плоды на нём, а головы* [248 (1)]. Автор описывает образ дерева жизни несколько иначе, чем в фольклорной традиции. Так, в примере (1) *Стоголовые Дары, Демьяны / Узрят Жизни алое дерево: / На листьях роса – океаны, / И дупло – преисподнее чрево* [248 (1)] лексема *листья*, имея значение «тонкая зелёная пластинка различной формы на черенке (орган воздушного питания и газообмена у растения)» [229 (2), с. 187] и актуализируя представления о верхней части дерева (его кроне), объективирует культурный смысл 'вверх'. Словоформа *океан*

³⁹ Подробнее о семантической конденсации в аффиксах см. [Петров 2003].

кодифицируется в словарях как «водное пространство между материками» [229 (2), с. 606]. Эта семема реализует представление о культурном смысле 'середина'. Однако в языковом опыте Н. Клюева данное слово объективирует представление о верхнем, небесном мире. Представление о нижнем мире вербализовано с помощью словосочетания *преисподнее чрево* и лексической единицей *дупло*. Ср.: «Чрево – живот, брюхо, утроба» [229 (4), с. 684]; «Дупло – пустота в стволе дерева, образовавшаяся на месте выгнившей древесины» [229 (2), с. 452]. Кроме того, лексема *алый* в сочетании *жизни алое древо* тоже участвует в актуализации образа дерева жизни, передавая один из оттенков красного цвета («имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым; цвет крови» [229 (2), с. 122]). Рассмотренные языковые единицы свидетельствуют, что в образе дерева жизни Н. Клюев объединяет нижний мир и мир человека.

Традиционно дерево жизни представляется как вечная и неизменная сущность. Однако в языке поэзии Н. Клюева оно утрачивает это качество и может подвергаться разрушительным воздействиям: (2) *Время, как шашель, в углу и за печкой / Дерево жизни буравит, сосёт* [248 (1)]; (3) *Жизни дерево надколото, / Не плоды на нём, а головы* [248 (1)]. Лексема *буравит* кодифицирована как «сверлить сверлом отверстия» [229 (1), с. 125], нарушая целостность объекта. Слово *сосёт* передаёт значение «втягивать, всасывать в себя какую-либо жидкость (воду, кровь, сок и т.п.)» [229 (4), с. 204]. В свою очередь вербальный знак *надколоть* имеет значение «расщепить слегка, не раскалывая до конца» [229 (2), с. 344], где сема «расщепить» указывает на воздействие на объект человека, а также реализует смысл 'повреждение ствола, выделение в нём щеп'. Наличие данных лексических единиц в поэтических текстах Н. Клюева указывает на то, что образ дерева жизни автор отождествляет с жизнью человека и народа.

В языковом опыте С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина образ мирового дерева отображает представления об основных троичных единствах:

«прошлое – настоящее – будущее, предки – современники – потомки, голова – туловище – ноги и т.п.» [242, с. 160]. Эти представления о троичных единствах реализуются с помощью сочетания *три [огненных] дуба*: (1) *Три огненных дуба на пупе земном / От них мы три желудка-солнца возьмем: / Лазоревым – облачный хворост спалим, / Павлиным – грядущего даль озарим, / А красное солнце миллионами рук / Подыдем над Миром печали и мук* [248 (1)]; (2) *Из пупа вселенной три дуба растут: / Премудрость, Любовь и волхвующий Труд...* [248 (1)]. Данные примеры указывают на то, что «восприятие человеком действительности («внешнего мира») не сводится к простому, зеркальному отражению» [116, с. 68], а преломляется сквозь призму образов и представлений. В частности, лексема *огненный* со значением «относящийся к огню; цвета огня, пламени, ярко-красный, оранжево-красный» [229 (2), с. 585], объективируя визуальные признаки образа дерева, также указывает на апокрифы о мировом железном дубе, представляющем собой основу всего мироздания.

Особое представление о мировом дереве отображено в языке поэзии Н. Клюева. Используя лексические средства *древо жизни, Дуб Покоя, Ель Покоя, Древо Зла* и т.п., автор к денотатам мирового дерева причисляет баобаб. Ср.: (1) *Из магнитных ложесн огневой баобаб / Ловит звёздных сорок краснолесьями лап* [248 (2)]; (2) *Я под огненным баобабом / Мозг ковриги и звёзд постиг* [248 (2)]; (3) *Засвирелит блянием козьим / Китоврас у райской реки. / И под огненным баобабом / Закудахчет павлин – изба...* [248 (2)]. В приведённых примерах образ мирового дерева объективирован сочетанием *огненный (огневой) баобаб*, которое вербализует бинарный признак анализируемого образа «свой – чужой», относя мировое дерево к зоне «чужого» небесного мира. Культурный смысл 'верх' выражен с

помощью лексических единиц *звёздный*, *звезда*, *китоврас*⁴⁰, *райский*, *изба*, которые содержат в своей семантической структуре указание на верхний, небесный мир. Ср.: «Звёздный – усеянный звёздами, со множеством звёзд» [204, с. 359]; «Звезда – самосветящееся небесное тело, сходное по своей природе с Солнцем и видимое на ночном небе как яркая точка» [204, с. 359]; «Райский – к рай» [204, с. 1084]. В семантике лексемы *рай* содержится указание на небесный мир: «рай – по религиозным представлениям: место вечного блаженства, куда попадают души праведников в будущей, после смерти тела, жизни. Рай представлен в христианской иконографии и фольклоре тремя образами: садом, городом, небесами» [204, с. 1084]. В свою очередь лексема *изба* («деревянный крестьянский дом» [229 (1), с. 634]) объективирует представление о расположении под мировым деревом *терема*⁴¹.

Н. И. Толстой при рассмотрении дерева жизни ссылается на апокриф, в котором сказано, что пророк Моисей посадил чудесное дерево, которое сплёл из ели, кедра и кипариса. Считается, что это символ Троицы. Однако в текстах Н. Клюева троичным представлен дуб – инвариант мирового дерева. В строках (1) *Три огненных дуба на пупе земном / От них мы три желудка-солнца возьмем: / Лазоревым – облачный хворост спалим, / Павлиным – грядущего даль озарим, / А красное солнце мильонами рук / Подыдем над Миром печали и мук* [248 (1)]; (2) *Из пупа вселенной три дуба растут: / Премудрость, Любовь и волхвующий Труд...* [248 (1)] сочетания *из пупа вселенной* и *на пупе земном* объективируют когнитивную метафору, областью источника которой является тело человека с его анатомическим центром, а областью цели – мировая ось. Исследователи подчёркивают, что

⁴⁰ Данная лексема называет мифическое существо с телом коня, головой человека и крыльями орла. В русской мифологии считается богом мудрости. Существует ряд мифов и сказаний о Китоврасе, одним из цитируемых является апокриф о Соломоне и Китоврасе (см. [Адамчик 2008; Быков 2000] и др.).

⁴¹ Хотя такое представление актуально только для свадебного фольклора, в котором зафиксирован образ мирового дерева. Однако авторская интерпретация анализируемого образа позволяет использование различных элементов и бинарных признаков модели мирового дерева для его экспликации.

мировое дерево, как правило, располагалось в центре земли, преимущественно на острове. Эти представления частично реализованы в поэтических текстах авторов начала XX в. – С. Есенина и Н. Клюева. Ср.: (1) *Есть остров – Великий Четверг / С изюмною, лакомою елью, / Где Ангел в кутейном дупле / Поёт золотые амины* [248 (1)]; (2) *Пир мужицкий свят и мирен / В хлебном Спасовом раю, / Запоёт на ели Сирин...* [248 (1)]; (3) *О поспешите, братья, к нам / В нетленный сад, под кипарисы!* [248 (1)]; (4) *Все мы – яблони и вишни / Голубого сада* [247 (2), с. 31].

В примере (1) *Есть остров – Великий Четверг / С изюмною, лакомою елью, / Где Ангел в кутейном дупле / Поёт золотые амины* [248 (1)] образ мирового дерева содержит мифопоэтические и духовные (христианские) представления. Мифопоэтический аспект объективирован словами *остров, ель, дупло, петь, духовный (христианский) – Ангел, аминь, четверг*. Указанные лексемы эксплицируют представления о местоположении мирового дерева, его денотате, элементах морфологии, а также содержат указание на райских птиц – Сирина и Гамаюна, живущих в ветвях мирового дерева (см. [«Словарь славянской мифологии» 2008; Бычков 2000] и др.). На мифопоэтическое видение образа мирового дерева накладываются христианские представления о рае, выраженные словами *ангел* со значением «сверхъестественное существо, посланец бога (изображается обычно в виде крылатого юноши⁴²)» [229 (1), с. 37]; *аминь* как «заключительное слово молитв, проповедей» [229 (1), с. 35]; *четверг* с особым значением в символике Воскресной недели, чтимой всеми христианами и воссоздающей события воскресения Христова.

В примере (2) *Пир мужицкий свят и мирен / В хлебном Спасовом раю, / Запоёт на ели Сирин...* [248 (1)] образ мирового дерева актуализирован лексическими единицами *пир, Спасовый рай, запеть, ель, Сирин*. Эти

⁴² Это описание тождественно представлениям о внешности райских птиц с лицами людей и телом птиц. Отличие в том, что в христианстве ангелы представлялись по облику и подобию человека, но с крыльями в качестве символа принадлежности к небесному миру.

вербальные знаки вербализуют традиционное представление о мировом дереве, расположенном в «чужом» мире, где душа может пировать под песни птицедевы Сирина, живущей на ветвях мирового дерева-ели. Кроме того, анализируемые лексические единицы объективируют связь образа мирового дерева с христианскими представлениями (в частности, на это указывает словоформа *Спасовый*⁴³).

В тексте (3) *О поспешите, братья, к нам / В нетленный сад, под кипарисы!* [248 (1)] образ мирового дерева эксплицируется вербальными знаками *нетленный сад* и *кипарисы*. Семантика сочетания *нетленный сад* выводится из его компонентов. Словоформа *нетленный* имеет значение «не подверженный тлению, разложению» [229 (2), с. 486], а лексема *сад* эксплицирует «участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами, обычно с проложенными дорожками» [229 (4), с. 12]. Соответственно, сочетание *нетленный сад* передаёт семантику «участок с деревьями кустами, цветами не подверженный разложению» и указывает на образ мирового дерева, которое в традиционных представлениях произрастало в таком саду. В свою очередь вербальный знак *кипарис* имеет значение «южное вечнозелёное хвойное дерево, обычно с пирамидальной кроной» [229 (2), с. 49] и по данным этнолингвистического словаря «Славянские древности» объективирует один из инвариантов мирового дерева славян: «Кипарис — крёстное дерево в русском фольклоре, “всем деревьям отец”, растущее на святых Сионских горах; к этому дереву, согласно русским духовным стихам, выпадает Голубиная книга, повествующая об основах мироздания» [226 (4), с. 254].

⁴³ Данный адъектив образован от слова *Спас*, являющегося названием «каждого из трёх церковно-бытовых праздников в конце лета (первый или медовый спас, второй или яблочный спас, третий спас)» [229 (4), с. 218].

Следовательно, в языковой картине мира⁴⁴ Н. Клюева образ мирового дерева интерпретируется не только сквозь призму традиционных народных представлений, зафиксированных в текстах устного народного творчества, но и в рамках системы христианских (православных) ценностей и установлений.

В тексте (4) *Все мы – яблони и вишни / Голубого сада* [247 (2), с. 31] С. Есенина образ мирового дерева актуализируется с помощью сочетания *голубой сад*, а также фитонимов *яблони* и *вишни*, денотаты которых, согласно «Словарю славянской мифологии» [230], произрастали в райском саду и выполняли ряд функций, приписываемых мировому дереву.

В разных культурах образ мирового дерева представлен различными инвариантами, в их числе берёза, вишнёвое дерево, вяз, дуб, кипарис, яблоня, ясень и др. Так, по замечанию А. Н. Афанасьева, для ариев мировым деревом является фиговое дерево. «Ветви его идут вниз, а корни вверх; на нем покоятся все миры, из него построили боги и небо, и землю; с листьев дерева капает амрита, а под ним растут целебные травы» [10, с. 626]. В зендской мифологии мировым деревом служит «орлиное дерево», которое считается первоисточником всех целебных трав и растений на земле. В скандинавской мифологии мировым деревом выступает «ясень (*askr*); ветви его тянутся через всю вселенную, распростираясь и на небо, и на землю; три корня его идут: один в небесное царство асов, другой в преисподнюю ада, а третий в страну великанов туч и туманов» [10, с. 627]. По древнегреческой мифологии от ясеня – инварианта мирового дерева – произошли люди. Как пишет А. Н. Афанасьев, в «Георгиках» Вергилия упоминается о ясене, «который достигает корнями Тартара, и настолько глубоко идут его корни в землю, настолько же в высоту простираются ветви среди простанного неба» [10,

⁴⁴ Хотя по отношению к художественному пространству произведений писателя принято говорить о художественной картине мира, однако мы, вслед за Н. Ф. Алефиренко и Ю. В. Кравцовой, считаем картину мира целостным нечленимым конструктом, выделение её разновидностей допускается лишь в научно-исследовательских целях. Соответственно, художественная картина мира в нашем понимании является лишь указанием на аспект рассмотрения картины мира этноса, членом которого выступает определённый автор.

с. 629]. В славянской мифологии мировым деревом является дуб. Так, В. А. Маслова указывает, что «предание о мировом дереве, которое корнями обнимает землю, а ветвями держит небо, славяне относят к дубу» [119, с. 146]. В «Словаре славянской мифологии» находим: «На Латынь-горе Сварог разбил Ирийский сад, в котором посадил росток, выросший в священный вяз, связующий своими корнями весь мир и поднявший ветви к самому небу. На восточных ветках вяза свила гнездо птица Алконост, на западных – птица Сирин. На горе Хванруге вырос кипарис – дерево смерти, на горе Березани – берёза, дерево поэзии. В Ирийском саду Сварог посадил вишнёвое дерево, посвященное Вышеню (богу неба в русской мифологии – Ю. Д.). Рядом с вишнёвым деревом вырос «солнечный дуб», который рос корнями вверх и ветвями вниз. В Ирии выросла яблоня с золотыми яблочками...» [230, с. 266].

В языке русской поэзии образ мирового дерева имеет следующие языковые экспликации: (1) *Золотые деревья / Свесят гроздьями созвучья, / Алконостами слова / Порассядутся на сучья* [248 (1)]; (2) *Осняет Словесное дерево / Избяную, дремучую Русь!* [248 (1)]; (3) *Древо песни бурею разбито, / Не Триодь, а Каутский в углу* [248 (1)]. В тексте (1) лексемы *дерево, гроздь, сук, Алконост* объективируют основные когнитивные признаки образа дерева: во-первых, его морфологию (*дерево, гроздь*⁴⁵, *сук*), во-вторых, – его расположение (см. слово *Алконост*, которое, согласно славянской мифологии, номинирует мифическое существо, обитающее лишь в райском саду на ветвях мирового дерева). Вербальные знаки *созвучье* и *слово* указывают на денотат образа мирового дерева – берёзу, поскольку именно с этим деревом связаны представления о художественном слове в мифологии славян. Кроме того, именно лексема *берёза* фиксируется исследователями (см. [Белякова 1995; Толстой 1995; «Славянская

⁴⁵ Данная лексема эксплицирует морфологию дерева, т.к. содержит сему «на одной ветке» как элемент значения «скопление плодов или цветов на одной ветке; кисть» [231 (3), с. 410].

мифология» 1995] и др.) в языке фольклора как объективатор образа мирового дерева.

Указание на берёзу как инвариант мирового дерева поэзии (см. [«Словарь славянской мифологии» 2008: 266]) содержит сочетание *словесное дерево* в строках (2) *Осняет Словесное дерево / Избяную, дремучую Русь!* [248 (1)]. Более того, окказиональная словоформа *избяную* передаёт признак мирового дерева, зафиксированный в свадебных обрядах и текстах, их сопровождающих: расположение под мировым деревом терема, или избы. За анализируемой словоформой закреплено значение «прилагательное к изба (в значении «деревянный крестьянский дом» [229 (1), с. 634] – Ю. Д.)» [229 (1), с. 637].

В примере (3) *Древо песни бурю разбито, / Не Триодь, а Каутский в углу* [248 (1)] образ мирового дерева объективирован словосочетанием *древо песни*. При этом, как уже говорилось, в традиционных народных представлениях с мировым деревом отождествляются птицедевы, которые поют душам умерших. Данный факт указывает на то, что сочетание *древо песни* эксплицирует инвариант образа мирового дерева.

Следовательно, в русском лингвокультурном пространстве, представленном произведениями С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина, описания мирового дерева как модели мироустройства и образа мира основываются на «смысловой сетке координат» – на вербализации инвариантов мирового дерева, его морфологии и основных когнитивных признаков. Последние позволяют смоделировать визуальный образ мирового дерева:

- а) оно довольно высокое;
- б) всегда произрастает рядом с водным источником;
- в) имеет обширную разветвленную крону и крепкую корневую систему;

г) относится к зоне «чужого» мира, т.к. расположено в центре мира либо на острове, либо в райском саду;

д) в его ветвях живут мифические птицедевы – Сирин и Алконост, радующие пением души умерших;

е) под его сенью расположены пиршественные столы или терем.

В поэзии С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина данный образ конкретизируется признаками конкретной разновидности дерева. Например, лексемы *дуб, берёза, яблоня* и т.п. объективируют когнитивные признаки, являющиеся дополнительными свидетельствами о среде и условиях проживания людей. Более того, в языковом опыте носителей русской лингвокультуры – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина – образ мирового дерева эксплицируется лексемами со значением принадлежности к христианству (точнее, к православию). Это:

а) образ рождественского дерева, объективированный лексическими единицами *ель, ангел, белокрылый голубок*, и образ дерева жизни, воплощённый словами *дубочек, Адам, дама* в языковой картине мира М. Кузмина;

б) образ мирового дерева, вербализованный знаками *древо жизни, древо зла, золотые деревья, дуб покоя, ель покоя, ангел, Спасовый рай, амины*, зафиксированными в языковом опыте Н. Клюева;

в) образ мирового дерева, эксплицированный сочетаниями *небесный кедр, небесный тополь, облачное древо, голубой сад* в языке поэзии С. Есенина.

Образ мирового дерева, вербализованный в русской лингвокультуре сочетаниями *древо жизни, древо плодородия, древо центра, древо восхождения, небесное дерево, шаманское дерево, мистическое дерево, древо познания*, включает метафорические и зрительные когнитивные признаки формы и расположения в пространстве. Данные характеристики позволяют интерпретировать мировое дерево в текстах С. Есенина,

Н. Клюева и М. Кузмина как образ мира, как конструкт, разделённый на зоны. При этом актуальным остаётся детальное описание лексических средств актуализации образа мирового дерева на материале текстов русской поэзии.

Выводы к Главе II

Исследование образа мирового дерева в языковой картине мира С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина предполагает определение содержания понятий «картина мира» и «языковая картина мира», а также рассмотрения образа мирового дерева сквозь призму данных понятий, его воплощения в языковом опыте носителей русской лингвокультуры – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина.

1. Картину мира мы определяем как ментальный конструкт, аккумулирующий результаты взаимодействия человека с миром, и внешним, и внутренним. Рассматриваемый феномен является своеобразным «компасом» для ориентации индивидуума в мире, поскольку отображает и научные, и наивные знания о среде и этносе, накапливает и транслирует культурные установки, ценности, представления. Термин *картина мира* часто синонимизируется с *образом мира* и *моделью мира*, однако для нас эти единицы метаязыка различаются объёмом содержания, выполняемыми функциями и традициями употребления в разных гуманитарных науках. Образ мирового дерева целесообразно рассмотреть (не отождествляя) сквозь призму указанных терминов.

Образ мирового дерева рассматриваем как неотъемлемый компонент картины мира, который воплощает первичную категоризацию и концептуализацию онтологического мира человеком. Он содержит те

наивные (донаучные) знания индивидуума о мире, а также позволяет свести воедино разнообразные аспекты познания мира и представления, формируемые человеком в процессе жизнедеятельности.

Образ мирового дерева не отвечает объёму содержания понятия «картина мира», представляя, скорее, концептуализацию донаучных сведений о мире и его строении, зафиксированную единицами лингвокультуры и языка. Целесообразно квалифицировать образ мирового дерева как образ мира, репрезентируемый языковыми средствами, эксплицирующими доминантные бинарные культурные признаки. Причём при таком описании образ мирового дерева представляется как модель мира, а эксплицированные в языке основные бинарные противопоставления (признаки) рассматриваются как параметры описания. В их число относим: 1) характеристики пространства, воплощённые лексическими средствами *загробный мир, земля, небо, взметнуться, устремиться, верх и низ*; 2) временные координаты и цветовые схемы, реализующиеся вербальными знаками *сторона света, цвет, цветное дерево, из пупа вселенной, на пупе земном*; 3) признаки культурно-социального начала, которые представлены дифференциацией мужских и женских деревьев (*бадняк, граница*); 4) признаки отношения к «своему» и «чужому» миру, эксплицированные лексическими средствами *ясень, вяз, дуб, ель, ствол, крона, ветвь, корень и по ту сторону облаков, далеко на востоке, солнцева сторона* и т.д.

В основу образа мира ложатся уже приведённые параметры и сумма рефлексивных знаний. Вместе они рассматриваются нами как целостное представление о мире, реализованное в конкретном чувственно постигаемом образе.

2. Полученные данные дают возможность интерпретировать образ мирового дерева как единицу лингвокультуры, сочетающую универсальные и этноспецифические признаки.

В языковом опыте носителей русской лингвокультуры – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина – образ мирового дерева представлен следующими признаками: 1) расположение на острове (*Есть остров – Великий Четверг*), в центре мира (*на пупе земном*), в раю или саду (*в хлебном раю, голубой сад*); 2) связь с Сирином и Алконостом (*запоёт на ели Сирин, Алконостами слова, сиринный пух*); 3) связь с христианством (*Ангел, аминь, Спасовый, белокрылый голубок*); 4) хорошо знакомый объект реальности (*дерево, яблоня, вишня, кипарис, ель, дуб*) и т.д.

В языковом опыте С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина образ мирового дерева имеет индивидуально-авторские интерпретации. Мировое дерево в языке поэзии Н. Клюева представлено лексическими единицами *Древо Жизни, древо зла, огненный дуб, огненный баобаб, кипарис, древо песни, Ель Покоя, Дуб Покоя, словесное древо, золотое дерево, туча-ель*. В текстах С. Есенина анализируемый образ актуализирован вербальными знаками *облачное древо, небесный кедр, небесный тополь, яблоня, вишня*. Автор использует образ мирового дерева, связывая его не с народными представлениями, а с библейским видением дерева жизни. В языковом опыте М. Кузмина образ мирового дерева представлен образом рождественского дерева и образом древа жизни (к лексическим средствам, реализующим данные представления, принадлежат *рождественская ель, разукрашенная ель, дубочек*).

Неоспоримым для нас является тот факт, что в поэзии С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина образ мирового дерева конкретизируется и получает отображение, соответствующее определённым культурным представлениям. Кроме того, в анализируемых текстах рассматриваемых авторов образ мирового дерева преломляется сквозь их индивидуальное видение мира.

Глава III. Образ дерева как одна из базовых единиц лингвокультуры (на материале поэзии С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина)

III.1. Образ дерева в парадигме кодов культуры

Аксиоматичен тезис Ю. С. Степанова о том, что культура входит в сознание человека в виде неких «сгустков», называемых концептами. Последние часто трактуются как элементы картины мира этноса, однако их описание не даёт ответа на вопрос о том, как фиксируются и хранятся в языке элементы лингвальной культурной среды, или лингвокультуры. Не подлежит сомнению положение о том, что многие фрагменты лингвокультуры не осознаются представителями этноса, хотя входят в языковое сознание и языковой опыт представителей определённого народа. В. В. Красных отмечает, что такие фрагменты относятся к «глубинному слою культурного пространства» этноса [101, с. 297] и определяет их как коды культуры.

Под термином *код культуры* принято понимать систему представлений об окружающем мире, преломлённую сквозь призму культуры этноса. В. В. Красных определяет *код культуры* как своеобразную «сетку координат», которая является продуктом культуры и лежит в основе её категоризации. Исследователь соотносит коды культуры с древнейшими представлениями о мире, которые мы рассматриваем как базовые бинарные параметры создания модели мира (см. II.1). Коды культуры позволяют описать представления индивидуума и этноса о мире. Кроме того, они являются основой формирования картины мира, поскольку эксплицируют и соотносят объекты природы и артефакты, реалии внешнего и внутреннего мира.

В языковом опыте этноса за словоформой *код* закреплено значение «система условных знаков для передачи (по каналу связи), обработки и хранения (запоминания) различной информации» [229 (2), с. 67]. Данная система знаков должна иметь ключ расшифровки либо быть понятна всем членам этноса. Таким ключом понимания кода культуры выступает язык, фиксирующий таксономию элементов картины мира, сформированную в рамках соответствующего кода. «Язык – пишет Ю. М. Лотман, – это код плюс его история» [112, с. 15].

Отметим, что в метаязыке современной лингвистики функционирует термин *лингвокультурный код*, под которым понимают «систему культурно-языковых соответствий, обслуживающих коммуникативные нужды членов лингвокультурного сообщества» [130, с. 387]. Однако анализ такого кода подразумевает выявление культурно-языковых соответствий культурно-ценностной информации этноса и индивидуально-авторской картины мира конкретной языковой личности. Изучение кодов культуры предполагает выявление их значимости в рамках конкретной культуры, а также описание метафор, посредством которых они реализуются. М. В. Пименова предлагает следующие метафорические модели, или (в терминах исследователя) классификационные и квантификаторные цепи: «птица → растение (*кукушка* → *кукушкины сапожки / слёзки*), растение → строение (*луковка собора*), растение → человек (*дуб* «здоровый, сильный, но неумный человек»), природное явление → растение (*дождь лепестков*), социальное явление → растение (*растительное царство*) и т.д.»⁴⁶ [132, с. 83].

Аналогичные метафорические модели реализованы и в текстах носителей русской лингвокультуры – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина. Например, в поэтических текстах модель «вещество → дерево»

⁴⁶ Нами приведены лишь те цепи, семантическое движение в которых включает компонент «растение», относимый к области источника (модель «растение → строение») и к области цели (модель «социальное явление → растение»).

объективирована лексическими единицами *пурпур, золото, позолота, смарагды, медь*. Ср.: (1) *Облетает под ржанье бурь / Черенов златохвойный сад* [247 (2), с. 77]; (2) *Осыпается роц позолота, / В бледном воздухе ладана гарь* [248 (1)]; (3) *Уже в дубраве листопад / Намёл смарагдов, меди груду...* [248 (1)]; (4) *Мальчик, выбрав хворостину, / Пурпур ягод наземь бросит...* [249 (3)].

Композит *златохвойный* в тексте (1) *Облетает под ржанье бурь / Черенов златохвойный сад* [247 (2), с. 77] воплощает семантику, закреплённую в аффиксоиде *злат-*, т.е. «золотой⁴⁷» [229 (1), с. 611], и корне -*хвой-*, т.е. «иглообразная листва многих хвойных деревьев» [229 (4), с. 597]. Поэтому в рамках слова *златохвойный* реализована метафорическая модель «вещество → дерево», область источника которой эксплицирована аффиксоидом *злат-*, а область цели, соответственно, морфемой -*хвой-*.

Рассматриваемую метафорическую модель реализует сочетание *роц позолота* в примере (2) *Осыпается роц позолота, / В бледном воздухе ладана гарь* [248 (1)], где лексема *позолота* объективирует область источника – вещество. «Позолота – тонкий слой золота, наложенного на поверхность предмета» [229 (3), с. 240]. Последний в рассматриваемом примере воплощён вербальным знаком *роци* – небольшие, чаще лиственные леса [229 (3), с. 734].

В тексте (3) *Уже в дубраве листопад / Намёл смарагдов, меди груду...* [248 (1)] область источника эксплицирована словоформами *смарагд* («то же, что изумруд» [229 (4), с. 149]) и *медь* («металл красноватого цвета, вязкий и ковкий» [229 (2), с. 244]). Интегральной для них является сема «вещество». В данном примере лексема *дубрава* объективирует область цели: в её значении «лиственный лес, обычно с преобладанием дуба» [229, (1), с. 451] реализована сема «дерево».

⁴⁷ За данной словоформой закреплено значение «содержащий золото, сделанный из него или покрытый золотом» [229 (1), с. 620].

В примере (4) *Мальчик, выбрав хворостину, / Пурпур ягод наземь бросит...* [249 (3)] метафорическая модель «вещество → дерево» объективирована сочетанием *пурпур ягод*. Область источника данной модели эксплицирована значением существительного *пурпур* «ценная краска (выделено нами – Ю. Д.) тёмно-багрового цвета, употреблявшаяся в древности для окрашивания тканей» [229 (3), с. 559], в котором объективирована сема «вещество⁴⁸». Областью цели рассматриваемой модели выступает описание визуального когнитивного признака: «цвет ягод растения».

Итак, в приведённых текстах репрезентирован образ дерева как фрагмент кода культуры. С помощью лексических единиц *златохвойный сад; роц позолота; в дубраве... смарагдов, меди; пурпур ягод*, объективирующих описание окраски кроны дерева и цвет его ягод в соответствии со временем года, формируется образный ландшафт «Осеннее время года». Следовательно, в текстах (1) *Облетает под ржанье бурь / Черенов златохвойный сад* [247 (2), с. 77]; (2) *Осыпается роц позолота, / В бледном воздухе ладана гарь* [248 (1)]; (3) *Уже в дубраве листопад / Намёл смарагдов, меди груды...* [248 (1)]; (4) *Мальчик, выбрав хворостину, / Пурпур ягод наземь бросит...* [249 (3)] эксплицирован когнитивный признак образа дерева «маркер движения по временной оси».

В текстах С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина воплощена метафорическая модель «явление природы → дерево». Например: (1) *Листьями звёзды льются / В реки на наших полях* [247 (2), с. 69]; (2) *Минет пора обмолота, / Пуца развихрит листы* [248 (1)]; (3) *И луч бежит в переполохе, / Нырлет в хвои, в зыбь ветвей...* [248 (1)]; (4) *Солнце, месяц тут померкнут вдруг, / Звезды с неба спадут, как листвие* [249 (2)]. Вербальные знаки *звёзды, пуца, луч* объективируют область источника – явление природы (живой и неживой): «Звезда – небесное тело, состоящее из

⁴⁸ Т.е. «то, из чего состоит физическое тело» [229 (1), с. 160].

раскалённых газов (плазмы), по своей природе сходное с Солнцем и представляющееся взору человека на ночном небе светящейся точкой» [229 (1), с. 600]; «Пуща – густой, труднопроходимый лес, чаща» [229 (3), с. 567]; «Луч – узкая полоса света, исходящая от какого-либо источника света, светящегося предмета» [229 (2), с. 205]. Словоформы *лист* (*листвие*), *хвоя*, *ветвь* эксплицируют указание на область цели – дерево, поскольку в их значении воплощена сема «часть дерева». Глаголы *литься*, *развихрить*, *нырять*, *спадать* выражают в языковом опыте этноса представления о направлении движения. Ср.: «Литься – течь непрерывной струёй (струями)» [229 (2), с. 189]; «Развихрить – размотать, пустить на ветер» [208]; «Нырять – погружаться в воду с головой; исчезать из виду, быстро войдя, въехав куда-либо, скрывшись среди кого-либо, чего-либо» [229 (2), с. 516]; «Спадать – несом. к спасть⁴⁹» [229 (4), с. 217]. Данные лексемы служат основанием метафорического отождествления. Итак, в примерах (1) *Листьями звёзды льются / В реки на наших полях* [247 (2), с. 69]; (2) *Минет пора обмолота, / Пуща развихрит листы* [248 (1)]; (3) *И луч бежит в переполохе, / Нырять в хвои, в зыбь ветвей...* [248 (1)]; (4) *Солнце, месяц тут померкнут вдруг, / Звёзды с неба спадут, как листвие* [249 (2)] объективирован когнитивный признак образа дерева «сопоставление дерева с явлением природы (живой и неживой)».

Близкой к проанализированной является эксплицированная в произведениях С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина метафорическая модель «стихия → дерево». Например: (1) *Только знаю – багряной метелью / Нам листвы на крыльцо намело* [247 (1), с. 242]; (2) *Берёза, как метель с зелёным рукавом, / Хотя печалится, но не по мне живом* [247 (4), с. 278]; (3) *Заметает яблоновым цветом / Душегрейку* [248 (2)]; (4) *Вот потому*

⁴⁹ Основным значением данной словоформы является «упасть вниз, отделившись от чего-либо, не удержавшись на чем-либо» [229 (4), с. 219].

всегда, когда мой глаз остёр, / Мне душу греет так рябиновый костёр [247 (4), с. 279].

Область источника рассматриваемой модели в тексте (1) *Только знаю – багряной метелью / Нам листвы на крыльцо намело* [247 (1), с. 242] воплощена однокоренными словоформами *метель* и *намести*, которые входят в состав словообразовательного гнезда с вершиной *мести* [234, с. 291]. Соответственно, лексемы *метель* и *намести* выражают представление о перемещении объектов с места на место при помощи силы одной из природных стихий – ветра. Ср.: «Мести – сильным дуновением нести, гнать, переносить с места на место; с силой нести, вздымать, кружить снег (о метели, вьюге)» [229 (2), с. 256]; «Намести – увлекая своим движением, нанести, образовать что-либо (о ветре, вьюге и т.п.)» [229 (2), с. 371]; «Метель – сильный ветер со снегом; вьюга» [229 (2), с. 260].

Область цели метафорической модели «стихия → дерево» в примере (1) *Только знаю – багряной метелью / Нам листвы на крыльцо намело* [247 (1), с. 242] объективирована лексемой *листва*, которая номинирует один из основных визуально наблюдаемых элементов морфологии дерева. Область цели рассматриваемой метафорической модели также эксплицирована адъективом *багряный*. В языковом опыте этноса анализируемый колоратив функционирует для обозначения багрового, или «густо-красного, пурпурного» [229 (1), с. 55], цвета, который свойственен кроне деревьев осенью. Следовательно, в рассматриваемом тексте воплощён когнитивный признак образа дерева «маркер движения по временной оси».

В примере (2) *Берёза, как метель с зелёным рукавом, / Хотя печалится, но не по мне живом* [247 (4), с. 278] область источника метафорической модели «стихия → дерево» выражена лексемой *метель*, а область цели – фитонимом *берёза*. В данном тексте объективирована также метафорическая модель «человек → дерево», область источника которой воплощена предложно-падежной конструкцией *с рукавом* и предикатом

печалиться. Лексема *рукав* эксплицирует указание на «часть одежды, покрывающая руку или часть руки» [229 (3), с. 738], а предлог *с* употребляется при «обозначении предмета, явления и т. п., которое имеется у кого-либо при совершении действия, которым располагает, обладает кто-либо» [229 (4), с. 10]. Глагол *печалиться* употребляется в языковом опыте носителей русской лингвокультуры для выражения психического визуально наблюдаемого состояния человека: «Печалиться – испытывать печаль, огорчаться из-за чего-либо, по поводу чего-либо; грустить» [229 (3), с. 117]. Область цели метафорической модели «человек → дерево» эксплицирована лексемой *берёза*. Отметим, что адъектив *зелёный*⁵⁰, указывающий на цвет кроны дерева, объективирует представления о весне или лете, т.е. вербализует когнитивный признак образа дерева «маркер движения по временной оси».

Глагол *заметать* («несовершенный вид к замести⁵¹» [229 (1), с. 543]) эксплицирует область источника метафорической модели «стихия → дерево» в примере (3) *Заметает яблонным цветом / Душегрейку* [248 (2)]. Область цели рассматриваемой модели воплощена словосочетанием *яблонным цветом*, главное слово которого номинирует один из визуально наблюдаемых элементов морфологии дерева: «Цвет – то же, что цветок» [229 (4), с. 634]. Адъектив *яблонный* выражает представления о принадлежности названного элемента морфологии к конкретной разновидности деревьев – яблоням⁵². Кроме того, синтаксическая конструкция *яблонный цвет* объективирует когнитивный признак образа дерева «маркер движения по

⁵⁰ Зелёный – «один из цветов солнечного спектра, находящийся между жёлтым и голубым; цвет травы, зелени» [204, с. 362].

⁵¹ За словом *заметсти* закреплено значение «занести, засыпать (снегом, песком и т.д.)» [229 (1), с. 543].

⁵² Словоформа *яблонный* не зафиксирована в лексикографических источниках, поэтому её значение выводим из корневой морфемы *яблон-* («плодовое дерево семейства розоцветных» [229 (4), с. 777]) и словообразовательного аффикса *-ов(ый)*, «выделяющийся в именах прилагательных, выражающих конкретные отношения и связи между предметами, которые названы мотивирующими словами» [209].

временной оси», поскольку указывает на время цветения дерева – весну («пору расцвета» [229 (1), с. 156]).

Область источника метафорической модели «стихия → дерево» в тексте (4) *Вот потому всегда, когда мой глаз остёр, / Мне душу греет так рябиновый костёр* [247 (4), с. 279] вербализована предикативной основой *греет костёр*. Глагол *греть* выражает представления о «передаче тепла» [229 (1), с. 346] при использовании стихии огня в хозяйственной деятельности человека. Лексема *костёр* воплощает саму стихию: «Костёр – горящая⁵³ куча дров, хвороста, сучьев и т.п.» [229 (2), с. 113]. Область цели анализируемой модели воплощена адъективом *рябиновый*, т.е. тот, что принадлежит, относится «к рябине» [229 (3), с. 748]. Следовательно, метафорическая модель «стихия → дерево», объективированная в примерах (1) *Только знаю – багряной метелью / Нам листвы на крыльцо намело* [247 (1), с. 242]; (2) *Берёза, как метель с зелёным рукавом, / Хотя печалится, но не по мне живом* [247 (4), с. 278]; (3) *Замечает яблоновым цветом / Душегрейку* [248 (2)]; (4) *Вот потому всегда, когда мой глаз остёр, / Мне душу греет так рябиновый костёр* [247 (4), с. 279], воплощает когнитивный признак образа дерева «сопоставление дерева со стихией».

Таким образом, код культуры определяется через описание когнитивных признаков образов познаваемых объектов (в частности, образа дерева), языковые средства экспликации данных признаков объективируют базовые представления этноса об окружающем мире. Коды культуры, согласно концепции В. В. Красных, связаны с системой стереотипов и эталонов, присущей лингвокультуре народа. Это обуславливает, с одной стороны, универсальность культурных кодов, а с другой – их этноспецифичность. Кроме того, к числу базовых характеристик кодов культуры относят их самодостаточность для продуцирования, передачи и хранения культуры этноса, а также открытость к изменениям [74, с. 202].

⁵³ Т.е. поддающаяся «действию огня, уничтожаемая огнём» [229 (1), с. 333].

При рассмотрении видов кодов культуры уместно опираться на классификацию В. В. Красных. Поэтому, вслед за автором, мы выделяем антропоморфный, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный коды⁵⁴. Нужно отметить, что такое деление условно, поскольку чёткой границы между перечисленными кодами культуры нет. Как пишет В. В. Красных, «с точки зрения филогенеза и процесса окультурации человеком окружающего мира соматический код во многом предопределил пространственный; пространственный «наложился» на временной, в значительной степени его обусловив» [101, с. 299]. Такое взаимодействие кодов культуры зафиксировано и в текстах С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина, в которых соматический код «наложился», используя терминологию В. В. Красных, на биоморфный и временной. Ср.: (1) *Отговорила роща золотая / Берёзовым, весёлым языком* [247 (1), с. 209]; (2) *По-осеннему клычет сова, / Над раздольем дорожной рани. / Облетает моя голова* [247 (1), с. 150]; (3) *Словно яблонный цвет, седина / У отца пролилась в бороде* [247 (1), с. 143]; (4) *Яблонным цветом брызжет душа моя белая* [247 (3), с. 42]; (5) *Метлою в прозябшем углу / На пальцы ветловые дует* [248 (1)]; (6) *О, русская доля – кувшинковый волос, / И вербная кожа девичьих локтей* [248 (1)]; (7) *От того я (изба – прим. Ю. Д.), свет, шатуном гляжу, / Не смыкаю рта деревянного* [248 (1)]; (8) *О воздь, мы слабы, как листья* [249 (2)]; (9) *А летом заалют щёки / Нежных плодов райских* [249 (3)]. Указанное наложение объективируется рядом лексических и синтаксических средств.

⁵⁴ Это далеко не полное перечисление кодов культуры. Например, М. В. Пименова описывает вегетативный, зооморфный, соматический, антропоморфный, предметный, пищевой, химический, колоративный, дименсиональный, пространственный, темпоральный, ценностный и теоморфный коды. Г. А. Багаутдинова выделяет антропоморфный, биоморфный, объектный, анимический, мифологический, темпоральный, пространственный (географический), колоративный, квантитативный, терминологический культурные коды. Мы пользуемся классификацией В. В. Красных, отражающей наиболее значимые для предмета нашего исследования коды культуры.

Предикативная основа *отговорила роща* примера (1) ***Отговорила роща золотая / Берёзовым, весёлым языком*** [247 (1), с. 209] эксплицирует взаимодействие соматического и биоморфного кодов, которые воплощены, соответственно, лексемами *отговорить* и *роща*. Предикат *отговорить* выражает способность к говорению, свойственную человеку: «Отговорить – кончить говорить⁵⁵» [229 (2), с. 671]. Лексема *роща* объективирует представления о совокупности деревьев – элементов биоморфного кода: «Роща – небольшой, чаще лиственный лес» [229 (3), с. 734]. В свою очередь, адъектив *золотой* выражает предметный код культуры: «Золотой – блестяще-жёлтый, цвета золота» [229 (1), с. 620]. Словосочетание *роща золотая* объективирует временной код, поскольку воплощает представления о цвете кроны деревьев осенью: «Золотая осень — сухая и солнечная осень, когда особенно ярки и разнообразны оттенки желтеющей листвы» [229 (1), с. 620].

Взаимодействие биоморфного и соматического кода вербализовано в анализируемом примере (1) ***Отговорила роща золотая / Берёзовым, весёлым языком*** [247 (1), с. 209] также при помощи словосочетания *берёзовый язык*. Соматический код объективирован лексемой *язык* – «орган человека, участвующий в образовании звуков речи и тем самым в словесном воспроизведении мыслей, орган речи; разновидность речи, обладающая теми или иными характерными признаками, стиль, слог» [229 (4), с. 780]. Соответственно, адъектив *берёзовый* в предложении является описанием разновидности речи субъекта действия, а также эксплицирует принадлежность, отношение к берёзе – фрагменту биоморфного кода культуры.

В тексте (2) ***По-осеннему клычет сова, / Над раздольем дорожной рани. / Облетает моя голова*** [247 (1), с. 150] слоформами *голова, куст, золотистый, по-осеннему* эксплицированы соматический, биоморфный,

⁵⁵ Т.е. «пользоваться, владеть устной речью или выражать при её помощи мысли, мнения, чувства» [229 (1), с. 322].

предметный и временной коды. Лексема *голова* входит в тематическую группу «Часть тела человека» («Голова – верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животного, содержащая мозг» [229 (1), с. 325]). Воплощая соматический код культуры, в предикативной части *Облетает моя голова* [247 (1), с. 150] субъектом действия выступает существительное *голова*, глагол *облететь* номинирует несвойственное для выполнения субъектом действие. В языковом опыте этноса за словоформой *облететь* закреплено значение «опасть, осыпаться (о листве, лепестках цветов и т.п.)» [229 (2), с. 540]. Эксплицируемое предикатом *облететь* явление происходит чаще всего осенью. Это подтверждается наличием использованного в примере наречия *по-осеннему*, в семантике которого зафиксировано представление о «времени года между летом и зимой; поре увядания, старости, приближения конца чего-либо» [229 (2), с. 645]. Таким образом, в тексте (2) *По-осеннему клычет сова, / Над раздольем дорожной рани. / Облетает моя голова* [247 (1), с. 150] отображено «наложение» трёх кодов культуры: биоморфного, соматического и временного.

В примере (3) *Словно яблонный цвет, седина / У отца пролилась в бороде* [247 (1), с. 143] соматический код воплощают вербальные знаки *седина* (т.е. «седые волосы; седой цвет волос» [229 (4), с. 68]) и *борода* (т.е. «волосной покров на нижней части лица» [229 (1), с. 108]), а также лексема *отец*, в значении которой воплощена сема «человек⁵⁶»: «Отец – мужчина по отношению к своим детям» [229 (2), с. 677]. Пространственный код объективирован предложно-падежной конструкцией *в бороде*, выражающей обстоятельственное грамматическое значение предложного падежа. Временной код эксплицирован словоформой *седина*, которая в тексте выражает возраст отца. Это значение зафиксировано во фразеологическом

⁵⁶ Отметим, что лексическая единица *человек* интерпретируется как «живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда» [229 (4), с. 659].

сочетании словарной статьи лексемы *седина*: «Дожить до седин – дожить до старости» [229 (4), с. 68].

В анализируемом примере (3) *Словно яблонный цвет, седина / У отца пролилась в бороде* [247 (1), с. 143] сравнительный оборот *словно яблонный цвет* эксплицирует биоморфный код культуры. Словоформа *цвет* употребляется в значении «то же, что цветок» [229 (4), с. 634], т.е. визуально наблюдаемый элемент морфологии дерева. Адъектив *яблонный* – окказиональная форма, значение которой выводимо из корневой морфемы *яблон-*, т.е. «плодовое дерево семейства розоцветных» [229 (4), с. 777], и аффикса *-ов(ый)*, квалифицируемого как «словообразовательная единица, производящая относительные имена прилагательные с общим значением свойственности кому-либо, отношения к кому-либо, чему-либо, выделанности из чего-либо, названного мотивирующим словом» [209]. Соответственно, лексема *яблонный* определяется нами как «присущий яблоне». Кроме того, анализируемый сравнительный оборот выполняет в тексте (3) *Словно яблонный цвет, седина / У отца пролилась в бороде* [247 (1), с. 143] функцию эталона: сочетание *яблонный цвет* указывает на цвет, воплощённый лексемой *седина*. Отметим, что в предложении нивелируется временной код, выражаемый сочетанием *яблонный цвет* (см. выше).

При помощи синтаксической конструкции *яблонный цвет* объективировано «наложение» биоморфного и соматического кодов и в примере (4) *Яблонным цветом брызжет душа моя белая* [247 (3), с. 42]. Биоморфный код воплощён вербальными знаками *яблонным цветом*, реализующими когнитивные признаки образа дерева «маркер движения по временной оси» и «визуально наблюдаемый элемент морфологии дерева». Соматический код объективирован в тексте при помощи лексемы *душа*, которая эксплицирует представление о неотъемлемой части человека. «Душа – внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т.п.» [229 (1), с. 456].

В примере (5) *Метлою в прозябшем углу / На пальцы ветловые дует* [248 (1)] лексема *пальцы* воплощает соматический код. Она входит в тематическую группу «Часть тела человека»: «Палец – одна из пяти подвижных конечных частей кисти руки или ступни ноги у человека» [229 (3), с. 13]. Биоморфный код эксплицирует адъектив *ветловый*, в семантике корневой морфемы которого зафиксировано представление о «дереве семейства ивовых» [229 (1), с. 158]. Словообразовательный аффикс *-ов(ый)* содержит сему «свойственность предмету» [209]. Следовательно, словосочетание *пальцы ветловые* объективирует «наложение» соматического и биоморфного кодов.

Аналогичное явление представлено в тексте (6) *О, русская доля – кувшинковый волос, / И вербная кожа девичьих локтей* [248 (1)], где соматический код воплощён словоформами *кожа, девичий, локоть*. План содержания анализируемых вербальных знаков содержит интегральную сему «человек». Ср.: «Кожа – наружный покров тела человека» [229 (2), с. 67]; «Девичий – принадлежащий, свойственный девице, девушке» [229 (1), с. 375]; «Локоть – место сгиба руки⁵⁷, где соединяется плечевая кость с костями предплечья» [229 (2), с. 198]. Адъектив *вербный* («прилагательное к верба» [229 (1), с. 150]) объективирует в рассматриваемом тексте биоморфный код. Кроме того, он эксплицирует когнитивный признак «тактильное и визуальное качество кожи», т.е. выражает представление об основных модальностях восприятия окружающей действительности.

Когнитивная характеристика образа дерева «выполнение утилитарной функции» реализована словоформой *деревянный* в примере (7) *От того я (изба – прим. Ю. Д.), свет, шатуном гляжу, / Не смыкаю рта деревянного* [248 (1)]. Рассматриваемый вербальный знак выражает представления о возможности практического применения дерева в хозяйственной

⁵⁷ Словоформа *рука* в приведённом определении эксплицирует сему «человек»: «Рука – каждая из двух верхних конечностей человека от плечевого сустава до кончиков пальцев» [229 (3), с. 737].

деятельности человека: «Деревянный – сделанный из дерева» [229 (1), с. 389]. Кроме того, слово *деревянный* объективирует биоморфный код, поскольку содержит сему «дерево», т.е. указание на объект живой природы. Соматический код репрезентирован в тексте лексемой *рот*, входящей в тематическую группу «Части тела человека»: «Рот – отверстие между губами, ведущее в полость между верхней и нижней челюстями и щеками до глотки, а также сама эта полость» [229 (3), с. 733]. Описание в анализируемом тексте избы как одушевлённой сущности объективируется «наложением» биоморфного и соматического кодов, которые объединяет представление о живых существах⁵⁸.

При взаимодействии биоморфного и соматического кодов образ дерева может выполнять функцию эталона. Это иллюстрирует пример (8) *О вождь, мы слабы, как листья* [249 (2)]. Личное местоимение *мы* указывает на «группу лиц, включая говорящего» [229 (2), с. 316] и, соответственно, объективирует соматический код. Физическое состояние группы лиц, обозначенных вербальным знаком *мы*, охарактеризовано при помощи краткой формы адъектива *слабый* («не обладающий достаточной физической силой» [229 (4), с. 128]). Эталонное сравнение слабости в примере объективировано сравнением *как листья*. С денотатом рассматриваемой лексической единицы связан целый ряд народных представлений, содержащих положительные и отрицательные культурные коннотации (см. [Славянские древности 1999: 308 – 312]). Кроме того, слово *лист* объективирует биоморфный код, т.к. называет визуально воспринимаемый элемент морфологии дерева, шире – растения.

В примере (9) *А летом заалют щёки / Нежных плодов райских* [249 (3)] лексема *щека*, объективирующая соматический код, используется для описания визуально наблюдаемого элемента морфологии дерева,

⁵⁸ Отметим, что в языковом опыте носителей русской лингвокультуры в значении лексемы *человек* содержится сема «живое существо» [229 (4), с. 659].

воплощённого словоформой *плод* («орган растения, развивающийся из завязи цветка и содержащий семена» [229 (3), с. 142]). Основание для соотнесения номинируемых объектов⁵⁹ онтологического мира является когнитивный признак «визуально наблюдаемая форма предмета», который эксплицирован в дефиниции вербального знака *щека* («Щека – часть лица от скулы до нижней челюсти» [204, с. 1509]). Словоформа *заалеют* воплощает представление о цвете описываемого объекта: «Заалеть – начать алеть; стать алым» [204, с. 309], а также эксплицирует временной код. Флексия *-ют* выражает грамматическое значение простого будущего времени, передающего постоянно повторяющееся действие [153, с. 632], а лексема *лето* номинирует время повторения действия: в «самое тёплое время года, наступающее вслед за весной и сменяющееся осенью» [204, с. 494]. Следовательно, в примере (9) *А летом заалеют щёки / Нежных плодов райских* [249 (3)] объективирован когнитивный признак образа дерева «маркер движения по временной оси».

Адъектив *райский*, выполняющий функцию постпозиционного согласованного определения в синтаксической конструкции (9) *А летом заалеют щёки / Нежных плодов райских* [249 (3)], может трактоваться как указание на конкретную разновидность дерева, т.к. в его значении воплощена сема «рай» [204, с. 1084]. Согласно данным «Словаря славянской мифологии», в райском саду Ирии произрастало плодовое дерево яблоня [230, с. 266]. Следовательно, словоформа *райский* объективирует разновидность плодового дерева и, соответственно, воплощает биоморфный код культуры. Кроме того, сема «рай» в значении словоформы *райский* позволяет нам квалифицировать рассматриваемый языковой знак как воплощение пространственного и духовного кодов культуры (указание на «чужой» мир, в котором, согласно представлениям славян, обитали Бог,

⁵⁹ В рассматриваемом примере образ дерева, эксплицированный лексической единицей *плод*, может квалифицироваться как фигура по отношению к фону, воплощённому вербальными знаками *щёки*, *заалеют*, *летом*.

Ангелы, души умерших. «В древнейших верованиях славян деление на рай и ад не прослеживается; слово рай, как и вырей (ирей), часто обозначает вообще потусторонний мир, мир мёртвых» [226 (2), с. 397]).

В русском лингвокультурном пространстве, отражённом в произведениях С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина, имеет место «наложение» предметного и биоморфного кодов культуры. Ср.: (1) *На бугре берёза-свечка / В лунных перьях серебра* [247 (1), с. 20]; (2) *Троицыно утро, утренний канон, / В роще по берёзкам белый перезвон* [247 (1), с. 31]; (3) *Между сосен, между ёлок, / Меж берёз кудрявых бус / Под венцом, в кольце иголок, / Мне мерещится Исус* [247 (1), с. 56]; (4) *В злую заморозь в сумерки мгlistые / На берёзах висят галуны* [247 (2), с. 17]; (5) *Какой он клён? / Он просто столб позорный* [247 (4), с. 148 – 149]; (6) *В тёмной роще заряница / Чешет елью прядь волос* [247 (4), с. 110]; (7) *И вотще брат-железо берёзку корит, / Что как песня она с топором не дружна* [248 (2)]; (8) *За прощальной стою обедней / Кадящих листвой берёз* [247 (1), с. 136].

В примере (1) *На бугре берёза-свечка / В лунных перьях серебра* [247 (1), с. 20] совмещение биоморфного и предметного кодов культуры объективировано приложением *берёза-свечка*, где фитоним *берёза* воплощает биоморфный код, а элемент *свечка* – предметный. Основанием для сравнения берёзы и свечи (как предметов онтологического мира) служит визуально воспринимаемый признак этих объектов – тон и цвет, отображённый в их семе «свет». Лексема *берёза* номинирует «лиственное дерево с белой⁶⁰ корой» [229 (2), с. 80], а словоформа *свечка* употребляется для экспликации «палочки из жирового вещества с фитилём внутри, служащей для освещения» [229 (4), с. 48]. Кроме того, сопоставление берёзы со свечой имеет культурные основания. Свеча считается источником

⁶⁰ Сема «свет» в семеме «лиственное дерево с белой корой» [229 (1), с. 80] воплощена в компоненте «белый», эксплицирующем представления не только об эталонном цвете молока, мела или снега, но и о чём-либо светлом: «Белый – 2) лишённый интенсивности, дополнительной окраски или необычайно яркий, слепящий (о свете, освещении или источнике такого света); ясный, светлый» [204, с. 70].

«вдохновения учёного, писателя и поэта, склонившегося над фолиантом или чистым листом бумаги» [206, с. 490], который, как мы указывали в Главе I, заменяла славянам кора берёзы. Следовательно, в примере (1) *На бугре берёза-свечка / В лунных перьях серебра* [247 (1), с. 20] эксплицирован когнитивный признак образа дерева «сопоставление дерева с артефактом».

Биоморфный и предметный коды объективируются при помощи предложно-падежной формы *по берёзкам* и лексемы *перезвон*, выражающей представления о действии, направленном на создание звука конкретной частоты и «звуке этого действия» [229 (3), с. 64]. Ср.: (2) *Троицыно утро, утренний канон, / В роще по берёзкам белый перезвон* [247 (1), с. 31]. «Наложение» анализируемых кодов культуры воплощено посредством синкретичного члена предложения *по берёзкам*. Предлог *по* употребляется при «обозначении предмета, пространства и т.п., поверхность которого является местом, где происходит действие» [229 (3), с. 148], а также используется «при обозначении предмета или лица, на которые направляется действие» [229 (3), с. 149]. Словоформа *берёзка* номинирует предмет воздействия, выражая представления об артефактах материальной культуры, приспособленных для воспроизведения звуков (звона). Итак, в примере (2) *Троицыно утро, утренний канон, / В роще по берёзкам белый перезвон* [247 (1), с. 31] также воплощён когнитивный признак образа дерева «сопоставление дерева с артефактом». Отметим, что в данном примере эксплицируются временной и духовный коды (сочетания *Троицыно утро, утренний канон*). Это тесно связано с функциями образа дерева⁶¹ в календарном цикле обрядов славян.

У восточных славян берёза является неотъемлемой частью троицкого комплекса церемоний. Она считалась покровительницей девушек и женщин, которые просили у неё счастливой судьбы, умывались соком дерева для красоты и здоровья. Обряд на троицины дни можно поделить на три этапа.

⁶¹ Рассматриваемый образ в анализируемом тексте объективирован вербальным знаком *берёза*.

Сначала выбирали обрядовое деревце, собирались под ним, приносили жертвы (пироги, кашу, яйца), пели песни и водили хороводы. Затем берёзу «завивали», т.е. украшали лентами, и рубили, чтобы обойти с ней все дворы деревни, а также поля. Её устанавливали в пределах поселения (на главной площади, у корчмы или храма) или в поле. В конце обрядовое дерево уничтожали (сжигали, бросали в воду или жито, разрывали на части)⁶².

Взаимодействие предметного и биоморфного кодов культуры в примере (3) *Между сосен, между ёлок, / Меж берёз кудрявых бус / Под венцом, в кольце иголок, / Мне мерещится Исус* [247 (1), с. 56] эксплицировано сочетанием *меж берёз кудрявых бус*. Фитонимы *сосны, ёлки, берёзы* воплощают биоморфный код и квалифицируются нами как элементы образного ландшафта «Описание природы». Словоформа *бусы* объективирует предметный код культуры, называя артефакт, созданный человеком в процессе жизнедеятельности: «Бусы – украшение в виде нанизанных на нитку шарообразных, округлых или иной формы зёрен из стекла, камня и других материалов» [229 (1), с. 127]. Сема «зерно» является основанием для «наложения» анализируемых кодов, поскольку указывает на тождественность формы элемента украшения и листа дерева⁶³. Итак, в рассматриваемом примере объективирован когнитивный признак образа дерева «сопоставление дерева с артефактом». Кроме того, в тексте (3) *Между сосен, между ёлок, / Меж берёз кудрявых бус / Под венцом, в кольце иголок, / Мне мерещится Исус* [247 (1), с. 56] предложно-падежная конструкция *между сосен, между ёлок, меж берёз*⁶⁴ эксплицирует пространственный код культуры.

⁶² Материал изложен по данным этнолингвистического словаря «Славянские древности» [226 (2), с. 156 – 160].

⁶³ Отметим, что в языковом опыте этноса за лексемой *берёза* закреплено значение «лиственное дерево с белой (реже тёмной) корой и пахучими сердцевидными листьями» [204, с. 72].

⁶⁴ Предлог *между* (*меж*) употребляется «при указании на положение предмета среди других предметов» [229 (2), с. 245].

В примере (4) *В злую заморозь в сумерки мгlistые / На берёзах висят галуны* [247 (2), с. 17] предметный код выражен словоформой *галуны*, а биоморфный – предложно-падежной конструкцией *на берёзах*, которая также воплощает пространственный код. Предлог *на* употребляется при «обозначении предмета, на поверхности (или на верхней, внешней стороне) которого протекает действие или находится, располагается кто-, что-либо» [229 (2), с. 323]. Фитоним *берёза* называет пространство протекания действия и расположения субъекта действия, объективированного лексемой тематической группы «Одежда» *галун*. Она функционирует для обозначения «золотой или серебряной мишурной тесьмы или плотной ленты (различных цветов), нашиваемой на форменную одежду, платье и т. п., а также нашивки из этой тесьмы» [229 (1), с. 299]. Следовательно, в тексте (4) *В злую заморозь в сумерки мгlistые / На берёзах висят галуны* [247 (2), с. 17] лексема *берёза* эксплицирует представления об одежде, на которую нашиваются галуны, а в рассматриваемом примере объективируется когнитивный признак образа дерева «соотнесение дерева с артефактом».

Этот же признак воплощён «наложением» предметного и биоморфного кода в примере (5) *Какой он клён? / Он просто столб позорный* [247 (4), с. 148 – 149]. Вербальный знак *клён* объективирует биоморфный код. В представлениях славян это растение с положительными культурными коннотациями. Клён (или явор) – дерево, в которое превращается человек. С этим связан ряд запретов по отношению к рассматриваемому представителю флоры: ему нельзя наносить вред, использовать его древесину в качестве топлива для печи или материала для изготовления гроба. В восточнославянских балладах, легендах, поверьях в клён обращается мужчина (как правило, сын), отравленный своей матерью. Её преступление раскрывается, когда из древесины этого дерева делают музыкальный инструмент, рассказывающий голосом усопшего о произошедшем. Считалось, что клён сажают на могиле умершего сына.

В южнославянской традиции клён также играет важную роль в судьбе человека: если сухое дерево обнимет несправедливо обвинённый человек, то растение зазеленеет; если же к расцветшему весной дереву прикоснётся обиженный человек, то оно засохнет⁶⁵.

Словосочетание *столб позорный* в языковом опыте русского этноса функционирует в составе фразеологизма *пригвоздить к позорному столбу*, т.е. «предать позору, заклеить позором (первоначально: наказать преступника, привязав его на площади к столбу для всеобщего обозрения)» [229 (3), с. 240]. Соответственно, соотнесение клёна с позорным столбом в тексте (5) *Какой он клён? / Он просто столб позорный* [247 (4), с. 148 – 149] нивелирует его положительные культурные коннотации и эксплицирует когнитивный признак «сопоставление дерева с артефактом»⁶⁶.

Словоформа *ель*, объективирующая биоморфный код, выражает предметный код и в примере (6) *В тёмной роще заряница / Чешет елью прядь волос* [247 (4), с. 110]. Предикат *чесать* функционирует в значении «расправляя и приглаживая гребнем, приводить в порядок» [229 (4), с. 671] и управляет дополнением в творительном падеже со значением орудия действия. Данную синтаксическую позицию занимает в анализируемом тексте существительное *ель*, выражающее представления об артефакте материальной культуры, предназначенном для создания причёсок. Следовательно, в примере (6) *В тёмной роще заряница / Чешет елью прядь волос* [247 (4), с. 110] эксплицирован когнитивный признак образа дерева «сопоставление дерева с артефактом».

Взаимодействие предметного и биоморфного кода выражено сравнением *как песня она* в примере (7) *И вотще брат-железо берёзку корит, / Что как песня она с топором не дружна* [248 (2)]. Местоимение

⁶⁵ Материалы изложены по данным энциклопедического словаря «Славянская мифология» [227, с. 225].

⁶⁶ Один из исследователей образа клёна в творчестве С. Есенина, И. И. Дяговец, указывает, что «Есенин почти нигде не наделял клён стилистически сниженными эпитетами. Лишь в стихотворении «Метель» он позволил себе «недостойный выпад» против клёна» [76, с. 72].

она является указанием на словоформу *берёзка*, употреблённую в первой части сложного предложения и, следовательно, эксплицирует биоморфный код. Лексема *песня* воплощает значение «словесно-музыкальное произведение для пения» [229 (3), с. 114] и квалифицируется как вербализатор предметного кода, к которому относятся артефакты материальной и духовной культуры. Союз *как* выражает значение сравнения одного объекта с другим и может быть заменён синонимом *в качестве*. Следовательно, в тексте (7) *И вотще брат-железо берёзку корит, / Что как песня она с топором не дружна* [248 (2)] берёза выступает песней, актуализируя мировое дерево поэзии (см. П.2).

В примере (8) *За прощальной стою обедней / Кадящих листвой берёз* [247 (1), с. 136] предметный код выражен причастием *кадящий*, а биоморфный – словосочетанием *листва берёз*. Словоформа *кадящий* образована от глагола II спряжения *кадить*, за которым закреплено значение «раскачивая в руке кадило, курить ладаном, ароматическими веществами (при исполнении религиозного обряда)» [229 (2), с. 13]. Вербальный знак *берёза*, который является субъектом добавочного действия, выраженного причастием *кадящий*, сопоставляется с кадилом, т.е. артефактом для проведения религиозного обряда. Основанием соотнесения является синтаксическая позиция фитонима в примере (8): он является главным словом по отношению к причастию.

Итак, совмещение биоморфного и предметного кодов объективировано как лексемами тематической группы «Артефакты (материальной и духовной культуры)» *свечка, перезвон, бусы, галуны, столб позорный, песня*, так и синтаксическими конструкциями: приложением *берёза-свечка*; предложно-падежными конструкциями *по берёзам, между сосен, между ёлок, меж берёз бус, на берёзках*; словосочетаниями *чешет елью, кадящих берёз*; сравнением *как песня*. Однако предметный код может быть также объективирован лексемами, номинирующими элементы морфологии дерева. Данные слова

эксплицируют, по утверждению М. В. Пименовой, группу природных предметов: «К ним относятся такие явления мира, как ветка, камень, дупло, ствол (дерева) и пр.» [132, с. 90]. Это позволяет сделать вывод, что существительное *листва* в примере (8) *За прощальной стою обедней / Кадящих листвой берёз* [247 (1), с. 136] объективирует и биоморфный, и предметный коды культуры.

«Наложение» биоморфного и предметного кодов имеет место в поэтических текстах М. Кузмина. Ср.: (1) *Пролился дождь; воздушны мысли. / Из окон рокот ровных гамм. / Душа стремится (вдаль ли? ввысь ли?), / А капли на листьях повисли...* [249 (8)]; (2) *Что сначала мне воспеть? / Царскосельскую аллею, / Где на западе, аляя, / Тёмных веток встала сеть?* [249 (4)]; (3) *Ни с места конь, копытом бьёт о пень...* [249 (2)]; (4) *Лишь птиц лесных протяжный крик и тонкий / Да белки бег на ствол, покрытый мхом* [249 (2)]. В семантике вербальных знаков *лист*, *ветка*, *аллея*, *пень*, *ствол* есть указание на дерево. Так, лексема *лист* содержит сему «один из основных органов растения» [220, с. 279], которая конкретизируется примером «Зелёные листья деревьев»⁶⁷ [220, с. 279], объективирующим традиционные представления, закреплённые в языковом опыте этноса за анализируемым словом. Значение словоформы *веток* включает сему «небольшой боковой отросток дерева» [220, с. 67]. Аналогичная интегральная сема включена в план содержания вербальных знаков *ствол* («основная часть дерева» [220, с. 664]) и *пень* («остаток дерева» [220, с. 428]). В слове *аллея* – «дорога с рядами деревьев, посаженных по обеим её сторонам» [220, с. 22] – указанием на дерево выступает сема «ряды деревьев». Таким образом, проанализированные лексические единицы эксплицируют предметный код через выражение представлений о природных

⁶⁷ Метод анализа словарной дефиниции, применяемый нами, позволяет эксплицировать не только выраженные языковыми знаками когнитивные признаки образа, но и представления, закреплённые в языковом опыте этноса. Последние объективированы примерами, сопровождающими определения лексем, а также устойчивыми сочетаниями слов (подробнее см. [Стернин 1979; Розенфельд 2008]).

предметах и биоморфный код посредством воплощения элементов морфологии дерева.

Рассмотренные примеры подтверждают тезис о том, что коды культуры не существуют изолированно друг от друга. Это взаимопроникающие феномены, которые участвуют в процессах категоризации фрагментов онтологического мира и представляют её результаты как единое целое. Соответственно, образ дерева сквозь призму кодов культуры выступает и как фигура, и как фон, поскольку является частью биоморфного, предметного, пространственного, временного и соматического кодов культуры.

III.2. Образ дерева как фрагмент биоморфного кода культуры в произведениях русских поэтов начала XX в. – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина

III.2.1. Метафорические модели экспликации образа дерева как фрагмента биоморфного кода культуры

Образ дерева квалифицируется нами как фрагмент биоморфного кода культуры, включающем представления этноса о животном и растительном мире, а также «о мире бестиариев, который находится в пограничной зоне» [101, с. 307], т.е. на пересечении «своего» и «чужого» миров. Этот код, по данным В. В. Красных, является источником функционирующих в лингвокультуре стереотипов, эталонов и символов. Например, дерево считается символом динамического роста, жизненной силы. С каждой его разновидностью связана определённая система представлений. Так, дуб

рассматривается как дерево с положительными культурными коннотациями. В мифологии разных народов он выступает священным деревом. У греков и римлян дуб считался деревом Зевса и Юпитера. В Древней Греции рос дуб Додоны, в шелесте листьев которого передавалась воля Громовержца Зевса. В роще на озере Неми произрастал дуб, посвящённый Юпитеру. Дубовый венок был символом власти у итальянских правителей. Дубу поклонялись кельты. «К числу наиболее важных и таинственных, – отмечает О. В. Вовк, – относился обряд срезания с дуба ветви омелы, считавшейся панацеей от всех болезней и несчастий. Этот обряд связан с богом мудрости Белом» [206, с. 123]. Ветви дуба осеняли площадь для суда и веча у древних германцев. Дубобог, или Каши-ма-но-ками, был известен в Древней Японии. Считалось, что ствол дуба служит жилищем для дриад, покровительниц деревьев⁶⁸.

В Древней Руси дуб выступал священным деревом Перуна, бога грома и молнии, и выполнял ряд культовых функций. Как мы указывали в Главе II, дуб – один из инвариантов мирового дерева. Славяне верили, что в его кроне обитал царь птиц орёл или птица Кук. В приметах славян дуб соотносится с хозяином дома, а в одном из главных обрядов календарного цикла у южных славян он использовался в качестве бадняка (см. II.2.). В ряде легенд и апокрифов рассказывалось о причинах почитания дуба и отнесения его к священным деревьям. Например, в болгарской легенде говорится о том, что дубовая роща укрыла Бога, спасавшегося от Чумы. В благодарность Бог сделал так, чтобы листья дуба опадали лишь поздней осенью. В русской легенде рассказывалось о том, что Иуда хотел повеситься на ветвях дуба, однако дерево преклонилось по повелению Бога и было спасено от позора. В Средневековой Польше существовал обычай сажать дубы в память о важных для народа событиях. Кроме того, рассматриваемое дерево считалось местом обитания мифологических персонажей, т.е. находилось между «своим» и «чужим» мирами. Существовало предание о парне, которого ведьма забрала

⁶⁸ Данные приведены по материалам «Энциклопедии символов» [202, с. 78].

на шабаш. Утром он очнулся на вершине дуба. В другом сказании говорилось об оброчном дубе, росшем в окрестностях Кратова. Под его сенью людям являлась нечистая сила в облике животных (как правило, волка или быка)⁶⁹.

В русской лингвокультуре, как и во многих других, дуб является символом мощи, крепкости, мудрости и долголетия [206, с. 122]. Эти представления частично отображены в значении словоформы дуб: «крупное лиственное дерево с *крепкой древесиной* (выделено нами – Ю. Д.) и плодами-желудями» [220, с. 156]. Представления о крепкости, мощи и долголетию дуба эксплицированы в языке поэзии С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина. Ср.: (1) *Но ведь дуб молодой, не разжёлудясь, / Так же гнётся, как в поле трава...* [247 (1), с. 216]; (2) *Видят немцы – задрожали дубы столетние* [247 (4), с. 73]; (3) *Да осилит дуб душегуб-топор* [248 (1)]; (4) *Али дубы, матёрые, вечные, / Буреломом как зверем обглоданы?* [248 (1)]; (5) *Ах ты, дитяtko, свет Микулошко, / Как дубравный дуб – ты матёр стоишь* [248 (1)]; (6) *Под толстым дубом мы вдвоём стояли, / Широким рукавом твоей руки / Я чуть касался* [249 (12)].

В примере (1) *Но ведь дуб молодой, не разжёлудясь, / Так же гнётся, как в поле трава...* [247 (1), с. 216] представления о крепкости и мощи дерева, объективированные словоформой дуб, противопоставляются его возрасту при помощи союзов *но* и *как*. Основным значением союза *но*, согласно В. В. Виноградову, является «резкое, энергичное, логически взвешенное противопоставление или возражение» [32, с. 584]. В данном предложении оно усиливается употреблением частицы *ведь*. Сочетание усилительной и союзной функций позволяет анализируемой частице выражать значение с «ярким экспрессивным колоритом: Но ведь это всем давно известно!» [32, с. 547]. Союз *как* имеет несколько значений:

⁶⁹ Материал приведён по данным этнолингвистического словаря «Славянские древности» [226 (2), с. 141 – 146].

временное, условное и сравнительное. В рассматриваемом примере актуализировано сравнительное значение: дуб сопоставляется с травой, что усиливается местоименным наречием *так* в значении «именно таким образом, не как-нибудь иначе» [204, с. 1303] в сочетании с частицей *же*, которая употребляется «для подчёркивания полного совпадения с тем, о чём ведётся повествование» [204, с. 301]. Итак, используя формулировку расшифровки сравнения А. Вежбицкой [27, с. 145], анализируемый текст мы интерпретируем следующим образом: «Можем сказать, что в противовес давно известному всем факту молодой дуб до первого урожая плодов-желудей по гибкости тождественен траве».

Возраст дерева в тексте (1) *Но ведь дуб молодой, не разжёлудясь, / Так же гнётся, как в поле трава...* [247 (1), с. 216] эксплицирован лексемами *молодой* и *разжёлудясь*. Адъектив *молодой* в языковом опыте этноса имеет несколько значений. Во-первых, он трактуется как «юный, небольшой по возрасту; не достигший зрелого возраста» [220, с. 308]. Во-вторых, функционирует в значении «недавно начавший расти, существовать» [220, с. 308]. В-третьих, является «свойственным, присущим молодости» [220, с. 308]. Следовательно, в значениях анализируемой словоформы отображено «членение временной оси» [101, с. 303], ведь молодость определяется носителями русской лингвокультуры как «возраст от отрочества до зрелых лет» [220, с. 308]. Также сочетание *молодой дуб* вербализует метафорическую модель «человек → дерево», областью источника которой является представление о возрасте человека, эксплицированное лексемой *молодой*, а областью цели – дерево, номинируемое в анализируемом сочетании лексемой *дуб*. Чтобы сделать структуру метафоры явной, А. Вежбицкая предлагает следующий алгоритм рассуждений: «*Спит земля.* = “(Думаю о земле) – можно сказать, что это не земля, а живое существо, которое спит”» [27, с. 145]. Соответственно, сочетание *молодой дуб* вербализует не дуб, а человека, не достигшего зрелого возраста.

Окказиональное деепричастие *разжёлудясь* называет на временной оси дерева период «до первого урожая плодов». Это отображено в семантике данной лексемы: корень *жёлуд'* – имеет значение «плод дуба» [220, с. 165]. Префикс *раз-* употребляется для обозначения «явления в ряду однородных действий, проявлений чего-либо» [209], постфикс *-ся (-сь)* – «слово- и формообразовательная единица, образующая непереходные глаголы как несовершенного, так и совершенного вида» [209] со значением возвратности. Итак, слово *разжёлудясь* передаёт ‘неоднократно повторяющееся действие по образованию плодов дуба’. Отрицательная частица *не* выражает значение отсутствия данного действия в момент речи и, соответственно, объективирует указание на возраст дерева. Показательно, что эти представления закреплены не только в русской лингвокультуре, но и в геральдике, где дуб без плодов является символом юной доблести [206, с. 124].

Итак, в примере (1) *Но ведь дуб молодой, не разжёлудясь, / Так же гнётся, как в поле трава...* [247 (1), с. 216] взаимодействуют антропоморфный, временной и биоморфный коды. Данный процесс объективирован и в тексте (2) *Видят немцы – задрожали дубы столетние* [247 (4), с. 73]. Композит *столетние* определяется как «просуществовавший сто лет» [220, с. 668]. В его значении отображено как указание на истекший период временной оси дуба, так и представление о долголетию этого дерева. Предикативная основа *задрожали дубы* воплощает метафорическую модель «человек → растение», где область источника эксплицирована лексемой *задрожать*, передающим свойственное человеку физическое состояние, а область цели – фитонимом *дуб*.

В примере (3) *Да осилит дуб душегуб-топор* [248 (1)] представления о крепкости и мощи дерева объективируют существительное *дуб* и глагол *осилить*. В значении глагола воплощена сема «одолеть»: «Осилить – одержать верх в борьбе, схватке, битве; побороть, одолеть» [204, с. 729].

Следовательно, в рассматриваемом тексте крепкость древесины дуба противопоставляется крепкости материала, из которого произведён топор. Отметим, что данным предложением выражена побудительность и волеизлияние говорящего. Эта семантика достигается благодаря препозитивной частице *да*, которая употребляется с глаголами настоящего и будущего времени 3-го лица в значении «приказания или желательности чего-нибудь» [32, с. 552]. С помощью данных лексем выражается положительное отношение адресанта к дубу, а также эксплицируется закреплённое в русской лингвокультуре отрицательное отношение к уничтожению дуба. Считалось, что это дерево нельзя рубить, т.к. это принесёт несчастье. Согласно легенде, давным-давно на заветной поляне рос стародавний дуб больших размеров. Если его кто-нибудь решался рубить, то с ним случалось несчастье. Однако, несмотря на это, владелец тех земель приказал уничтожить дерево. Его распоряжение было исполнено, но, падая, дуб раздавил всех, кто его валил. Целую неделю после этого в округе длилась страшная буря, принёсшая немало бед⁷⁰. В Македонии верили, что если унести ветку от старого дуба домой, то дом сгорит или умрёт кто-нибудь из семьи. Поляки и белорусы считали, что если срубить старый дуб, то он будет плакать кровавыми слезами и это может повлечь эпидемию. Аналогичные поверья были распространены и в Болгарии⁷¹. Соответственно, побудительная частица *да* в примере (3) *Да осилит дуб душегуб-топор* [248 (1)] используется для семантизации стремления избежать несчастья.

Представления о долголетию дуба объективированы лексемами *матёрый* и *вечный* в тексте (4) *Али дубы, матёрые, вечные, / Буреломом как зверем обглоданы?* [248 (1)]. Словоформа *вечный* как «бесконечный, сохраняющийся на многие века, не перестающий существовать» [220, с. 67] эксплицирует временной код. В её значении воплощены представления о

⁷⁰ Данные изложены по материалам книги «Мифы русского народа» [250, с. 69].

⁷¹ Данные приведены по материалам этнолингвистического словаря «Славянские древности» [226 (2), с. 142].

бесконечном развёртывании временной оси. Дуб может рассматриваться как вечное дерево, поскольку он расположен в плоскости пересечения «своего» и «чужого» миров, принадлежа равно обоим, а также являясь инвариантом мирового дерева славян. Адъектив *матёрый* обозначает «достигший полной зрелости (о животных)» [204, с. 525], т.е. эксплицирует представления о наступающем после юности периоде временной оси дерева. Сочетание *матёрые дубы* объективирует метафорическую модель «животное → растение», область источника которой выражена словоформой *матёрые*, а область цели – фитонимом *дубы*.

Аналогично вербализованы представления о долголетию дерева в примере (5) *Ах ты, дитяtko, свет Микулошко, / Как дубравный дуб – ты матёр стоишь* [248 (1)]. Лексемы *дитяtko* и *матёрый* объективируют временной код. Словоформа *дитяtko* квалифицируется как употребляющаяся обычно в обращении к маленькому ребёнку, а также в ироническом обращении ко взрослому [220, с. 143]. В её значении реализовано представление о юном периоде временной оси человека, в то время как в значении лексемы *матёрый* воплощена сема «достигший зрелости» [220, с. 294], т.е. следующий этап взросления и движения по временной оси. Биоморфный код в рассматриваемом тексте объективирован адъективом *дубравный*, в значении которого зафиксирована отнесенность к дубраве, т.е. дубовому лесу [231 (3), стлб. 1149], а также фитонимом *дуб*. Отметим, что в примере при помощи обращения и конструкции с союзом *как* реализована метафорическая модель «дерево → человек». Область источника модели объективирована конструкцией *как дубравный дуб*, а область цели выражена обращениями *дитяtko, свет Микулошко*. Скрытая структура метафорического сравнения эксплицирует когнитивный признак «сопоставление дерева с человеком».

Соотнесение дубом с человеком в примере (5) *Ах ты, дитяtko, свет Микулошко, / Как дубравный дуб – ты матёр стоишь* [248 (1)]

объективирует представления о дубе как о мужском дереве, а также возможность его соотнесения с мужчиной. «В верованиях, практической магии и фольклоре, – пишет Н. И. Толстой, – дуб последовательно выступает как мужской символ» [226 (2), с. 144]. Он моделирует рождение, развитие, рост ребёнка. Следовательно, дуб тесно связан с жизнью человека. В анализируемом примере эта связь реализована временным, антропоморфным и биоморфным кодами, объективированными при помощи лексических и синтаксических средств выразительности.

В тексте (6) *Под толстым дубом мы вдвоём стояли, / Широким рукавом твоей руки / Я чуть касался* [249 (12)] представления о крепкости дуба выражены при помощи словоформы *толстый*, т.е. «большой, значительный в объёме, охвате, поперечнике» [204, с. 1329]. Такое описание дерева является одним из свидетельств крепкости его древесины, поскольку большой охват указывает на возраст растения, а также его способность оказывать противодействие природным стихийным явлениям (например, сильному ветру или буре). Соответственно, адъектив *толстый* можно рассматривать как экспликацию временного кода и объективацию когнитивного признака «возраст дерева». Также этот вербальный знак эксплицирует символическое значение мощи дуба. На это указывает семема «большой в поперечнике» [220, с. 695] и наличия синонима *мощный* [200, с. 214].

Кроме того, в тексте (6) *Под толстым дубом мы вдвоём стояли, / Широким рукавом твоей руки / Я чуть касался* [249 (12)] актуализирован когнитивный признак «место встречи»: предложно-падежная конструкция *под дубом* выражает определительное значение творительного падежа. Оно «предстает в самых разнообразных, иногда очень далёких друг от друга частных значениях; это может быть определение [...] по разнообразным обстоятельствам: по отнесенности к месту или времени» [153, с. 476]. Соответственно, дуб является ориентиром для встречи и

временипровождения, на что указывает лексема *стоять* («находиться в вертикальном положении, не передвигаясь» [220, с. 670]). У славян существовал обычай венчания у дуба как одного из священных деревьев⁷². «Если родители не давали согласия на брак, – пишет Е. Е. Левкиевская, – парень с девушкой садились на лошадь, отправлялись к заветному дубу, объезжали его кругом три раза, и брак считался заключённым» [250, с. 71]. Эти представления актуализированы в анализируемом тексте, однако в нём нет указания на цель встречи лирических героев у дуба.

Добавим, что предложно-падежная конструкция *под дубом* объективирует не только когнитивный признак «место встречи», но и признак «место произрастания». Это воплощено, например, в тексте М. Кузмина *И сели под дубом мы в тень у дома* [249 (12)], где когнитивный признак «место произрастания» объективирован предложно-падежной конструкцией *у дома*. Предлог *у*, употребляясь с родительным падежом имени существительного, выражает значение «в непосредственной близости от кого-, чего-либо; возле, около» [204, с. 1361]. Лексема *дом* определяется как «здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий» [204, с. 272]. Когнитивный признак «место произрастания» в текстах С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина эксплицирован вербальными знаками *Маврикийский, ледовитый, холм*. Ср.: (1) *Под Маврикийским дубом / Сидит мой рыжий дед* [247 (2), с. 44]; (2) *Стремится к полюсу, где льдов седая лень, / Где ледовитый дуб возносит сполох-сень, / И эскимоска-ночь укачивает день* [248 (2)]; (3) *Виднелся холм, венцом дубов венчан* [249 (2)].

В примере (1) *Под Маврикийским дубом / Сидит мой рыжий дед* [247 (2), с. 44] анализируемый признак эксплицирован адъективом *Маврикийский* в значении «свойственный или произрастающий в Маврикии».

⁷² Позже он практиковался старообрядцами.

В примере (2) *Стремится к полюсу, где льдов седая лень, / Где ледовитый дуб возносит сполох-сень, / И эскимоска-ночь укачивает день* [248 (2)] когнитивный признак «место произрастания» объективирован адъективом *ледовитый* как «обильный льдом, покрытый льдом» [231 (6), стлб. 123]. Также словоформа *ледовитый* входит в устойчивое словосочетание *ледовитый ветер* со значением «северный, холодный» [231 (6), стлб. 123]. Следовательно, словосочетание *ледовитый дуб* семантизируется как ‘северное дерево’. В рассматриваемом сочетании реализована метафорическая модель «свойство стихии → дерево», область источника которой выражена именем прилагательным *ледовитый*, а область цели объективирована именем существительным *дуб*. Кроме того, образ дуба входит в образный ландшафт Арктики, описываемый однородными предикативными частями сложноподчинённого предложения *где льдов седая лень, где ледовитый дуб возносит сполох-сень, и эскимоска-ночь укачивает день*. Указывают на Арктику значения слов *полюс* и *эскимоска*. Ср.: «Полюс – точка пересечения воображаемой оси вращения Земли с земной поверхностью» [204, с. 912]; «Эскимосы – народ, живущий на побережье Чукотского полуострова в России, на арктическом побережье Северной Америки и в Гренландии; представители этого народа. <Эскимос, -а; Эскимоска, -и>» [204, с. 1525].

В тексте (3) *Виднелся холм, венцом дубов венчан* [249 (2)] когнитивный признак «место произрастания» объективирован лексемой *холм*, которая имеет значение «небольшая отлогая горка, возвышенность округлой или овальной формы с пологими склонами» [204, с. 1450].

Таким образом, в проанализированных примерах эксплицирован когнитивный признак «место произрастания (произрастание в дикой или ассимилированной человеком природе)», который, в свою очередь, реализует связанный «с членением пространства» [101, с. 299] пространственный код культуры. Данный признак дополняет объективированные в языковом опыте

носителей русской лингвокультуры С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина такие когнитивные признаки образа дуба, как «крепкость его древесины», «запрет на вырубку этого дерева», «долголетие и мощь растения».

Итак, образ дуба в русской лингвокультуре наделён положительными коннотациями. В поэзии С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина отображена система представлений о символических функциях дуба, его эталонных качествах. К их числу относятся 1) возможность произрастания как в дикой, так и в ассимилированной человеком природе; 2) система запретов на нанесение вреда дереву; 3) принадлежность к пограничному локусу; 4) выполнение ключевой роли в календарно-обрядовом цикле.

Однако образ дерева как фрагмент биоморфного кода культуры характеризуется разнополярными культурными коннотациями. Так, осина считается в русской лингвокультуре проклятым деревом, «поскольку её листья шелестят и без ветра» [250, с. 148]. Когнитивный признак «дрожание листьев дерева без ветра» эксплицирован и в значении вербального знака *осина*: «лиственное дерево семейства ивовых, со светло-серой корой, почти округлыми листьями на тонких, длинных, сплюснутых в верхней половине черенках, отчего листья приходят в движение даже при самом слабом ветре» [240, с. 607]. Н. И. Толстой выделяет четыре группы легенд, интерпретируемых рассматриваемый релевантный когнитивный признак образа осины. Они связаны с христианскими сюжетами о распятии Иисуса и предательстве Иуды, а также фольклорными текстами, в которых отображены представления о превращении человека в дерево.

Согласно одному из распространённых сюжетов устного народно-поэтического творчества, Змей женился на девушке. У них родилась дочь, которую называли Треперушка. Она выдала тайну отца родственникам матери и те убили Змея. Умирая, он «обращает дочь в дерево, трясущееся день и ночь, и прокликает её» [226 (3), с. 570]. Представление о сопоставлении осины и человека реализовано и в языке поэзии С. Есенина, Н. Клюева и

М. Кузмина при помощи метафорической модели «человек → дерево». Например: (1) *Здравствуй, **мать** голубая **осина!** / Скоро месяц, купаясь в снегу, / Сядет в редкие кудри сына* [247 (1), с. 150]; (2) *Хлесткий ветер в равнинную синь / Катит яблоки с **тощих осин*** [247 (1), с. 76]; (3) *В багряных шугаях **осины** / Умильней причастниц-старух* [248 (1)]; (4) *Утомилась **осина вязать** бахрому* [248 (1)]; (5) *Не чета ты **кликуше осинушке**, / Что от хвойного звона да ладана / Бьёт в ладошки и хнычет по-заячьи* [248 (1)]; (6) *Как кручинная кручинушка, / Та **пугливая осинушка**, / Что шумит-поёт по осени / Песню жалкую свирельную, / Ронит листья-слёзы жёлтые / На могилу безымянную* [248 (1)]. В приведённых примерах область источника эксплицируется как словоформой, так и синтаксической конструкцией, а область цели воплощена лексемой *осина (осинушка)*.

Несвойственное славянской культуре осмысление образа осины воплощено С. Есениным в тексте (1) *Здравствуй, **мать** голубая **осина!** / Скоро месяц, купаясь в снегу, / Сядет в редкие кудри сына* [247 (1), с. 150]. Приложение *мать* несёт положительные культурные коннотации. Для славян мать – «один из столпов семьи, средоточие её эмоциональных связей. Именно через мать актуализируются отношения между разными членами семьи. Роль матери в духовном мире человека оценивается даже выше роли отца» [226 (3), с. 203]. В языковом опыте этноса за этой словоформой закреплено значение «женщина по отношению к рождённым её детям, а также женщина, имеющая или имевшая детей» [204, с. 525]. Кроме того, в словаре зафиксировано традиционно-народное представление о матери как «о том, что является родным, близким, дорогим, представляя собой какую-либо духовную ценность» [204, с. 525]. Соответственно, в метафорической модели «человек → дерево», реализованной в примере (1) *Здравствуй, **мать** голубая **осина!** / Скоро месяц, купаясь в снегу, / Сядет в редкие кудри сына* [247 (1), с. 150], сопоставление осины с матерью нивелирует отрицательные культурные коннотации, присущие образу осины в русской лингвокультуре.

Осина в осмыслении С. Есенина представляет собой духовную ценность, равную материнству. Это позволяет сделать вывод о том, что в данном примере взаимодействуют несколько кодов культуры: биоморфный, антропоморфный и духовный.

Окказионально восприятие поэтом цвета осины, выраженное адъективом *голубой*. В языковом опыте этноса данная словоформа употребляется для обозначения «цвета ясного неба; светло-синего» [204, с. 216] в таких сочетаниях, как «голубые глаза, голубые незабудки, голубое платье, голубой конверт, что-либо голубого цвета» [204, с. 216]. За анализируемой словоформой закреплено ещё одно значение: «ничем не ограниченный, лишённый всего неприятного, тягостного» [204, с. 216]. Голубой цвет является символом лучезарного неба и выступает синонимом всего божественного, чистого и возвышенного. В Европейской традиции с ним сопоставлялось знатное происхождение человека, что отобразилось в устойчивом сочетании *голубая кровь* («устаревшее, о дворянском, аристократическом происхождении кого-либо» [204, с. 216]). А для масонов этот цвет являлся олицетворением духовного совершенствования и возвышенных идеалов⁷³. Отсюда, по утверждению О. В. Вовка, образное выражение *голубая мечта*, т.е. «самая заветная, сокровенная, но обычно несбыточная» мечта [204, с. 216]. Следовательно, сочетание *голубая осина* может интерпретироваться и как объективация когнитивного признака «цвет коры дерева», и как выражение чего-то несбыточного, недостижимого, связанного в представлении поэта с осиной.

В примере (2) *Хлёсткий ветер в равнинную синь / Катит яблоки с тощих осин* [247 (1), с. 76] модель «человек → дерево» выражена словосочетанием *с тощих осин*. Адъектив *тощий* употребляется в значении «исхудалый, худощавый» [220, с. 699] и объективирует когнитивный признак «охват ствола дерева». Также в анализируемом тексте нивелируется

⁷³ Материал приведён по данным «Энциклопедии знаков и символов» [206, с. 36 – 37].

представление об осине как о проклятом дереве, не способном плодоносить. Это достигается с помощью словоформы *яблоки* как «плоды яблони» [220, с. 793]. «Яблоко, – пишет О. В. Вовк, – поистине следует признать чудеснейшим из фруктов, ибо в нём удивительным образом сконцентрировались самые удивительные символические значения» [206, с. 134]. Оно является символом весны, расцвета, плодородия, вечной молодости и бессмертия. За ним закреплены положительные и отрицательные культурные смыслы. С одной стороны, яблоко дарует вечную молодость. Этот мотив описан в русских народных сказках, а также в кельтской и скандинавской мифологии. У кельтов на волшебном острове Авалон проживали прекрасные девы, угощавшие случайно заплывавших к ним мореходов яблоками, дарующими вечную жизнь. В скандинавском пантеоне молодильными яблоками заведовала богиня юности Идунн. С другой стороны, яблоко приносит несчастья и символизирует первородный грех. Отрицательные культурные смыслы этого плода воплощены в греческих мифах о Троянской войне, а также библейском мифе о грехопадении первых людей – Адама и Евы⁷⁴. Следовательно, сочетание *яблоки с тощих осин* можно интерпретировать и как нивелирование одного из когнитивных признаков образа осины и культурных представлений о дереве, и как объективацию закреплённых в русской лингвокультуре представлений об отнесенности осины к проклятым деревьям.

Метафорическая модель «человек → дерево» реализуется и в примере (3) *В багряных шугаях осины / Умильной причастниц-старух* [248 (1)]. В выделенном словосочетании *осины в шугаях* область источника выражена предложно-падежной конструкцией с определительным значением *в шугаях*. Лексема *шугай* обозначает «род суконной или ситцевой, шёлковой, даже парчевой короткополой кофты с рукавами, с отложным круглым воротником и с застёжками, с перехватом и с ленточной оторочкой кругом» [208].

⁷⁴ Данные приведены по материалам «Энциклопедии знаков и символов» [206, с. 134 – 136].

Предлог *в* употребляется «при указании на внешний вид кого-, чего-нибудь, на оболочку, на одежду» [220, с. 58]. Область цели в рассматриваемом словосочетании объективирована вербальным знаком *осина*. Когнитивная метафора, актуализированная в примере (3) *В багряных шугаях осины / Умильной причастниц-старух* [248 (1)], эксплицирует когнитивный признак «сопоставление дерева с человеком».

Итак, в анализируемом тексте взаимодействуют биоморфный и антропоморфный коды культуры, при помощи которых средствами языка объективируются традиционные для русской лингвокультуры представления о соотношении осины с человеком. Однако в примере реализуется и духовный код, объективированный приложением *старухи-причастницы*. Слово *старуха* как «женщина, достигшая старости» [220, с. 663] эксплицирует сразу несколько кодов культуры: и антропоморфный, воплощённый семой «женщина», и временной, объективированный семой «достигшая старости». Лексема *причастница* употребляется для обозначения тех, «кто готовится к обряду причастия или подвергается этому обряду» [204, с. 995]. Соответственно, соотношение осины со старухой-причастницей нивелирует представление о проклятости дерева.

Однако в тексте (4) *Утомилась осина вязать бахрому* [248 (1)] такая интерпретация анализируемого образа невозможна, хотя метафорическая модель «человек → дерево» и воплощена предикативной основой *утомилась осина*. Область источника объективирована глаголом *утомиться*, т.е. «почувствовать утомление, усталость; устать» [204, с. 1406], который выражает свойственное человеку чувство. Область цели эксплицирована лексемой *осина*. Антропоморфный код в анализируемом примере эксплицирован вербальным знаком *вязать*, за которым в языковом опыте этноса закреплено значение «завязывая, связывая, скрепляя, стягивая, соединять, обычно изготовляя что-либо» [204, с. 189]. Итак, лексема *вязать* называет действие, направленное на производство какого-либо артефакта.

Созидание предметов материальной и духовной культуры является одним из свойств, присущих человеку: «Человек – живое существо, обладающее мышлением, речью, *способностью создавать* (выделено нами – Ю. Д.) орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда» [204, с. 1470]. Следовательно, в примере (4) *Утомилась осина вязать бахрому* [248 (1)] взаимодействие биоморфного и антропоморфного кодов, реализованное метафорической моделью «человек → дерево», эксплицирует когнитивный признак, присущий не только образу осины, но и образу дерева в целом.

Когнитивные признаки «дрожание листьев дерева без ветра» и «создание звуков неясной тональности» объективированы приложением *кликлуша осинушка* в примере (5) *Не чета ты кликлуше осинушке, / Что от хвойного звона да ладана / Бьёт в ладошки и хнычет по-заячьи* [248 (1)]. Лексема *кликлуша* употребляется для обозначения «женщины, больной кликлушеством⁷⁵» [204, с. 432]. Выступая определением словоформы *осинушка*, она выражает представления об осине как о женском дереве⁷⁶, а также эксплицирует анализируемые когнитивные признаки. Сопоставление осины с человеком, реализуемое метафорической моделью «человек → дерево», также объективировано сочетаниями *бьёт в ладошки* и *хнычет по-заячьи*. Область источника воплощена в глаголах *бить* («ударять, колотить по чему-либо» [204, с. 80]) и *хныкать* («плакать, издавая негромкие монотонные звуки, расстроившись или добиваясь своего (обычно о ребёнке)» [204, с. 1447]), номинирующих действия, свойственные человеку. Этот смысл дополняет лексема *ладошки*, за которой в языковом опыте этноса закреплено значение «ладонь» [204, с. 485] как «внутренняя сторона кисти руки человека» [204, с. 485]. Напротив, словоформа *по-заячьи*, хотя и конкретизирует тональность монотонного звука, воплощённого глаголом *хныкать*, объективирует фрагмент биоморфного кода культуры. «По-заячьи

⁷⁵ За словоформой *кликлушество* закреплено значение «нервное истерическое заболевание, выражающееся в судорожных припадках, сопровождаемых резкими криками и взвизгиваниями» [204, с. 433].

⁷⁶ На это также указывает, согласно концепции Н. И. Толстого, грамматический род словоформы *осина*.

– как свойственно зайцу, как характерно для него» [209]. В народном представлении заяц выступает эталоном трусости: «Это небольшой зверёк отряда грызунов с длинными задними ногами, длинными ушами и коротким хвостом. Традиционный персонаж русского фольклора – слабый, незащитный, трусливый зверь» [204, с. 359].

Соответственно, в осмыслении Н. Клюева образу осины как инварианту образа дерева присущ когнитивный признак «трусость», который реализован и в примере (6) *Как кручинная кручинушка, / Та пугливая осинушка, / Что шумит-поёт по осени / Песню жалкую свирельную, / Ронит листья-слёзы жёлтые / На могилу безымянную* [248 (1)]. В значении адъектива *пугливый* воплощена сема «боязнь»: «Пугливый – склонный к испугу, всего боящийся» [204, с. 1044]. Когнитивный признак «трусость» также актуализируется и при помощи конструкции с союзом *как*. Словоформа *кручина* употребляется в значении «грусть, тоска, печаль» [204, с. 475], воплощающем представление о свойственных человеку чувствах и, соответственно, эксплицирующем антропоморфный код культуры. Адъектив *кручинный*, т.е. «грустный, печальный» [204, с. 475], усиливает значение словоформы *кручина*. Глубинная структура метафорического сравнения эксплицирует представления об осине как о воплощении глубокой грусти, печали.

Следовательно, в русской лингвокультуре образ осины выступает эталоном грусти, а сама осина «характеризуется как “горькая”, “бесщастная”, “шатучая” и метафорически сопоставляется с “человеком страдающим”» [226 (3), с. 573]. В примере (6) *Как кручинная кручинушка, / Та пугливая осинушка, / Что шумит-поёт по осени / Песню жалкую свирельную, / Ронит листья-слёзы жёлтые / На могилу безымянную* [248 (1)] это представление эксплицируется с помощью вербальных знаков *шумит-поёт песню жалкую, ронит листья-слёзы*, которые одновременно объективируют биоморфный и антропоморфный коды культуры. Так,

приложение *шумит-поёт* воплощает модель «человек → дерево», область источника которой выражена глаголом *шумит*, т.е. «издаёт, производит шум. *Шумело море. Деревья шумят на ветру*» [204, с. 1508], а область цели – глаголом *поёт*. За ним закреплено значение «издавать голосом музыкальные звуки, исполнять голосом музыкальное произведение» [204, с. 828], которое в анализируемом примере объективировано лексемой *песня*. «Песня – словесно-музыкальное произведение для пения разным числом лиц; жанр вокальной музыки» [204, с. 827]. Итак, образ осины сопоставляется с образом человека, который поёт песню. Характеристика последней эксплицирована адъективом *жалкий*, за которым в языковом опыте этноса закреплено значение «вызывающий жалость, достойный сострадания» [204, с. 299]. Кроме того, приложение *листья-слёзы* также объективирует реализованный в языковом опыте носителей русской лингвокультуры С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина когнитивный признак образа осины как эталона грусти.

Однако анализируемый образ является и элементом духовного кода культуры. «Этот код изначально аксиологичен. Он пронизывает всё наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру» [101, с. 308]. Согласно одной из версий осмысления евангельских рассказов о жизни Иисуса Христа, листья осины всегда дрожат от ужаса из-за намерения из её древесины сделать крест для распятия. В другой интерпретации этой легенды говорится о том, что, «когда все деревья склонили верхушки во время распятия, только осина осталась прямой» [237, с. 383]. Это послужило причиной трепетания её кроны. В культуре русского народа осина осмысливается как дерево, которое проклято за то, что продолжало шелестеть, когда Богородица с младенцем спрятались под его сенью от воинов царя Ирода [250, с. 148]. Более того, осина в момент рождения и смерти Христа не затихала и не склонилась, поэтому она дрожит без причины и не плодоносит. Ещё одним следствием проклятия осины

считается её невозможность укрыть человека тенью, а также запрет на высадку осины около жилья.

Представление об осине как о дикорастущем дереве воплощено, например, в поэзии С. Есенина: (1) *Мир осинам, что, раскинув ветви, / Загляделись в розовую водь!* [247 (1), с. 201]; (2) *И на кону под осиной / Шкуру трепал ветерок* [247 (1), с. 87]; (3) *Бьёт копытом конь под осиной* [247 (2), с. 22]. В тексте (1) *Мир осинам, что, раскинув ветви, / Загляделись в розовую водь!* [247 (1), с. 201] рассматриваемое представление об осине выражено словосочетанием *загляделись в розовую водь*, предложно-падежная конструкция *в водь* употреблена в определительном падежном значении места, т.е. объективирует когнитивный признак «произрастание у водоёмов». Отметим, что «водная» семантика слова *водь* окказиональна, основное значение данного вербального знака – «прибалтийско-финское племя, жившее в Водской пятине Невской земли (между р. Волховом и Лугой) и слившееся к XIX в. с русским населением» [204, с. 141]. Кроме того, в анализируемом примере объективирована метафорическая модель «человек → дерево», область источника которой воплощена глаголом *заглядеться*, употребляемом в значении «увлечься пристальным рассматриванием кого-, чего-либо; засмотреться» [204, с. 316]. Область цели эксплицирована фитонимом *осина*. Следовательно, в данном примере реализованы представления об осине как о дикорастущем дереве, а также о её соотнесённости с человеком.

В примерах (2) *И на кону под осиной / Шкуру трепал ветерок* [247 (1), с. 87]; (3) *Бьёт копытом конь под осиной* [247 (2), с. 22] предложно-падежная конструкция *под осиной* объективирует когнитивный признак «место произрастания». Словоформа *осиной* выражает определительное падежное значение места, а предлог *под* «указывает на предмет, место, лицо и т.п., ниже которого и ниже поверхности которого направлено действие, движение» [204, с. 857]. При указании на предмет данный вербальный знак

обозначает его нижнюю часть, или основание, т.е. то, что находится под кроной осины. В тексте (2) *И на кону под осиной / Шкуру трепал ветерок* [247 (1), с. 87] данная область конкретизируется предположно-падежной формой *на кону*, указывая «на место, где что-либо находится, располагается, происходит» [204, с. 568] и называя «начало, предел, межа» [208]. Следовательно, в представлении русских под осиной расположено и начало, и предел «своего» и «чужого» миров. Осина – это дерево, «растущее в пространстве “небытия”, куда обычно ссылают болезни» [226 (3), с. 571], а также место обитания нечистой силы, поэтому рядом с ней не селятся. Однако осину сажают по периметру жилых угодий как своеобразный оберег от нечистой силы⁷⁷. Данные осмысления позволяют отнести осину к пограничному локусу.

В примере (3) *Бьёт копытом конь под осиной* [247 (2), с. 22] предположно-падежная конструкция *под осиной* выступает обстоятельством места расположения субъекта действия, который выражен лексемой *конь*. Употребление существительного *конь* можно квалифицировать как объективацию когнитивного признака «расположение дерева (осины) в пограничном локусе», т.к. в представлениях славян денотат рассматриваемой лексической единицы «воплощал связи с миром сверхъестественного, “тем светом”, был атрибутом мифологических (эпических) персонажей, связан одновременно с культом плодородия, смертью и погребальным культом» [226 (2), с. 590]. Будучи исходно диким животным, коня связывали с царством умерших и приносили в жертву. Также считалось, что конь выступал проводником в «чужой» мир. Однако в текстах фольклора кони предстают и в положительном аспекте: они предсказывают будущее, разбираются в магии и помогают советом доверившимся им людям⁷⁸. У древних славян конь считался символом добра и счастья, а в белой магии

⁷⁷ Материал изложен по данным этнолингвистического словаря «Славянские древности» [226 (3), с. 570 – 574].

⁷⁸ Материал изложен по данным «Энциклопедии символов» [202, с. 153].

выступал сильным природным оберегом, способным отгонять злых духов [206, с. 213]. Таким образом, в примере (3) *Бьёт копытом конь под осиной* [247 (2), с. 22] когнитивный признак «принадлежность к пограничному локусу» объективирована предложно-падежной конструкцией *под осиной* и лексемой *конь*.

Итак, в проанализированных текстах С. Есенина объективированы представления об осине как о расположенном на границе «своего» и «чужого» миров дикорастущем дереве. Это является одним из следствий квалификации её в русской лингвокультуре как проклятого дерева.

Образу осины как элементу духовного кода культуры присущи негативные культурные коннотации, которые переосмысливаются в текстах поэтов начала XX ст. – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина. Например: (1) *Вчера иконы выбросили с полки, / На церкви комиссар снял крест. / Теперь и Богу негде помолиться. / Уж я хожу украдкой нынче в лес, / Молюсь осинам...* [247 (2), с. 91]; (2) *От оклеветанных Голгоф / Тропа к Иудиным осинам* [248 (2)]; (3) *Осина смотрит староверкой, / Как чётки, листья обронив* [248 (1)].

В тексте (1) *Вчера иконы выбросили с полки, / На церкви комиссар снял крест. / Теперь и Богу негде помолиться. / Уж я хожу украдкой нынче в лес, / Молюсь осинам...* [247 (2), с. 91] лексемы *икона*, *церковь*, *крест*, *Бог*, *молиться (помолиться)* объективируют духовный код культуры. Ср.: «Икона – живописное изображение Бога или святого (святых), являющееся предметом *религиозного* (здесь и далее выделено нами – Ю. Д.) поклонения» [204, с. 387]; «Церковь – *религиозная* организация духовенства и верующих, объединённая общностью верований и обрядности; *религия*, проповедуемая такой организацией» [204, с. 1462]; «Крест – предмет в виде вертикального стержня, пересечённого у верхнего конца перекладиной под прямым углом (или с двумя перекладинами – верхней, прямой, и нижней, скошенной), как символ принадлежности к христианскому *вероисповеданию* (по

евангельскому преданию, на таком кресте был распят Христос)» [204, с. 469]; «Бог – по *религиозным* представлениям: творец неба и земли, всего сущего; вездесущий высший разум, управляющий миром; всеобщее мировое начало (имеет множество имён: Творец, Создатель, Всевышний, Вседержитель, Всемогущий и др.; в христианстве един в трёх лицах: Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой)» [204, с. 86]; «Молиться – обращаться с молитвой к *Богу*, святым; произносить слова молитвы (обычно крестясь и обратившись лицом к *иконе, церкви*)» [204, с. 552]. В значении данных словоформ актуализирована сема «относящийся к религии», поэтому проанализированные лексические единицы объективируют духовный код культуры и выражают, в отличие от вербального знака *осина*, положительную культурную оценку.

В предикативной части *Молюсь осинам* сложного предложения (1) *Уж я хожу украдкой нынче в лес, / Молюсь осинам...* [247 (2), с. 91] эксплицирована переоценка значимости образа осины, поскольку под проклятым деревом не совершали обряды поклонения Богу или святым. Однако тесная связь этого образа с евангельскими рассказами о жизни Иисуса Христа и Богоматери, как было показано выше, даёт возможность отнести осину к деревьям, под которыми возможно совершение религиозных обрядов.

Связь осины с библейскими образами вербализована в тексте (2) *От оклеветанных Голгоф / Тропа к Иудиным осинам* [248 (2)]. Это достигается лексемам *Голгофа* и *Иудин*, за которыми в языковом опыте этноса закреплены значения «о месте тяжких мучений, испытаний; о тяжких мучениях, испытаниях, претерпеваемых кем-либо. От названия холма в окрестностях Иерусалима, где, согласно Евангелию, был распят Иисус Христос» [204, с. 214] и «свойственный Иуде, принадлежащий ему. *Иудин грех. Иудино дерево* (обычно об осине, на которой, по народным представлениям, повесился Иуда Искариот)» [204, с. 406]. Итак, в

анализируемом примере актуализированы представления о связи образа осины с образом Иуды Искарюта. «Сначала он хотел повеситься на берёзе, – пишет Е. Е. Левкиевская, – но та так испугалась, что у неё кора побелела. Затем он пытался приладить верёвку к груше, но она оцетинилась колючками и не подпустила его к себе. Тогда Иуда повесился на осине» [250, с. 148], поэтому она считается проклятой и одновременно квалифицируется как элемент духовного кода культуры.

В примере (3) *Осина смотрит староверкой, / Как чётки, листья обронив* [248 (1)] лексемы *староверка* и *чётки* объективируют духовный код культуры. За вербальным знаком *староверка* закреплено значение «последователь и сторонник старообрядничества; старообрядец» [204, с. 1261]. Отметим, что глагол *смотреть* в данном контексте квалифицируется как «иметь какой-либо вид, выглядит каким-либо образом» [204, с. 1219]. Соответственно, осина визуально соотносится с человеком-сторонником старообрядничества. Это представление дополняет сравнительный оборот *как чётки*, субстантив которого употребляется в значении «в обиходе некоторых религий: шнурок с нанизанными на нём шариками, бусинами или с узелками для отсчитывания прочитанных молитв или отданных молящимся поклонов» [204, с. 1478]. Данная синтаксическая конструкция выражает область источника метафорической модели «артефакт → дерево». В свою очередь, лексема *листья* как элемент морфологии дерева эксплицирует область источника анализируемой метафорической модели. Это позволяет нам сделать вывод о том, что в рассматриваемом примере (3) *Осина смотрит староверкой, / Как чётки, листья обронив* [248 (1)] актуализирован когнитивный признак «сопоставление с артефактом», а образ осины выступает как элемент духовного кода культуры. Кроме того, в данном тексте эксплицирована метафорическая модель «человек → дерево», область источника которой объективирует композит *староверка*, а область цели – фитоним *осина*.

Итак, образ осины как фрагмент биоморфного кода имеет отрицательные культурные коннотации: это проклятое дикорастущее дерево, с которым связаны представления о грусти, вине и трусости. Анализируемому образу присущи следующие когнитивные признаки: 1) возможность произрастания в дикой природе; 2) система запретов на высадку дерева около жилья; 3) принадлежность к пограничному локусу; 4) выполнение функции оберега в календарно-обрядовом цикле.

Однако образы дуба и осины являются одновременно элементами и биоморфного, и антропоморфного, и духовного кодов культуры. При вербализации рассматриваемых образов реализуется метафорическая модель «человек → дерево». Такое сопоставление закреплено как в народных представлениях, так и в языке носителей русской лингвокультуры – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина.

III.2.2. Базовые признаки образа дерева как фрагмента биоморфного кода культуры

Образ дерева как фрагмент биоморфного кода культуры может быть описан и при помощи группы базовых признаков, выделенных М. В. Пименовой. К их числу учёный относит морфологию деревьев (а), виды деревьев (б) и деревья как компонент растительного массива (в) [132, с. 92 – 93].

В число признаков морфологии деревьев (а) входят элементы строения денотата образа дерева. Данные признаки отражаются в произведениях поэтов начала XX в. – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина. Ср: (1) *Коль гореть, так уж гореть сгорая, / И недаром в липовую цветъ / Вынул я кольцо у попугая* [247 (1), с. 233]; (2) *Серый камень, сук опалый /*

Залазурились как день [248 (1)]; (3) *Об остовы корней подземных вековые / Усталая нога лениво задевает* [249 (2)]; (4) *Чтоб предо мной мелькнула беглой тенью, / Как на воде, меж веток бледный свет...* [249 (7)]; (5) *О, первых почек клейкий дух!* [249 (11)]. В приведённых текстах анализируемые признаки эксплицируются лексическими средствами *сук, ветка, почка, корни, цветок (цветь)*. Существительное *сук* указывает на «крупный боковой отросток, идущий от ствола дерева» [204, с. 1288]. Слово *ветка* объективирует «боковой отросток, побег, идущий от ствола дерева» [204, с. 122]. Лексема *почек* зафиксирована языковым опытом носителей русского языка в значении «зачаток, побег листка или соцветия» [204, с. 949]. Вербальный знак *цветок (цветь)* употребляется в значении «часть растения: орган размножения, обычно имеющий вид венчика из лепестков, окружающих пестик с тычинками» [204, с. 1458]. Лексическая единица *корень* эксплицирует значение «подземная часть растения, посредством которой оно укрепляется в почве и получает из земли воду с растворёнными в ней минеральными веществами» [204, с. 457]. Все рассматриваемые единицы объединены интегральной семой «часть растения / дерева», которая позволяет им объективировать морфологию деревьев (а).

Вторая группа признаков биоморфоного кода реализована языковыми знаками, называющими виды деревьев (б). К числу таких лексических единиц относятся фитонимы *берёза, верба, вишня, вяз, дуб, ель (ёлка), ива, калина, кедр, клён, липа, ольха, осина, ракета, рябина, сосна, тополь, черёмуха, яблоня*, зафиксированные в языке поэзии С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина. Лексемы, объективирующие названия разновидностей деревьев, мы квалифицируем как один из важнейших признаков образа дерева. Данные частотного анализа позволили выявить в произведениях С. Есенина,

Н. Клюева и М. Кузмина ключевые⁷⁹ фитонимы, значимые для носителей русской лингвокультуры.

В языке поэзии С. Есенина частотными являются слова *берёза* и *клён*. Менее употребительными выступают вербальные знаки *осина* и *ель*.

Таблица 1. Частотность употребления лексем, вербализующих фрагменты биоморфного кода в языке поэзии С. Есенина

Лексема, вербализующая фрагмент биоморфного кода	Количество употреблений словоформы
берёза	31
клён	15
черёмуха	13
ива	12
липа	11
осина	10
ель	10

В языке произведений Н. Клюева по количеству словоупотреблений первое место занимает существительное *ель*, второе – *берёза*. Менее употребительными являются лексические единицы *ракита* и *осина*.

Таблица 2. Частотность употребления лексем, вербализующих фрагменты биоморфного кода в языке поэзии Н. Клюева

Лексема, вербализующая фрагмент биоморфного кода	Количество употреблений словоформы
ель	62
берёза	27
сосна	24
ива	18
верба	16

⁷⁹ Термин *ключевые слова* используем вслед за А. Вежицкой для обозначения слов, «особенно важных и показательных для отдельно взятой культуры» [26, с. 35].

ракита	15
осина	14

В произведениях М. Кузмина частотны слова *ель* и *берёза*, менее употребительны вербальные знаки *яблоня* и *сосна*.

Таблица 3. Частотность употребления лексем, вербализующих фрагменты биоморфного кода в языке поэзии М. Кузмина

Лексема, вербализующая фрагмент биоморфного кода	Количество употреблений словоформы
ель	12
берёза	10
липа	10
ива	9
яблоня	8
сосна	7

Приведённые в таблицах данные свидетельствуют о том, что лексем, номинирующие разновидности деревьев, используются чаще в языке поэзии Н. Клюева, реже – М. Кузмина. В число наиболее употребительных слов входят *берёза*, *ива* и *ель*, представленные в текстах рассматриваемых авторов.

Виды деревьев, составляющие группу признаков (б) биоморфного культурного кода, можно классифицировать по двум признакам: по форме листа и по утилитарным признакам.

Когнитивный признак «форма листа» лежит в основе выделения хвойных и лиственных разновидностей деревьев. Хвойные деревья воплощены в языке поэзии С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина вербальными знаками *ель*, *сосна*, *пихта*, *кедр*. Например: *Запах ладана от рощи ели льют, / Звонки ветры панихидную поют* [247 (1), с. 30]; *Загорались ярким пламенем / Сосны старые, могучие* [247 (4), с. 54]; *Как о судьбе того, кто мил, / Над палой пихтою вздыхая* [248 (1)]; *И благостен круглый закат за верушкою кедра* [249 (9)]. В значении выделенных словоформ

зафиксирована сема «хвойное дерево». Ср.: «Ель – *хвойное* вечнозелёное *дерево* (здесь и далее выделено нами – Ю. Д.) с кроной конусообразной формы» [220, с. 161]; «Сосна – *хвойное дерево* с длинными иглами и округлыми шишками» [220, с. 652]; «Пихта – *хвойное дерево* с мягкой плоской хвоей и с прямо стоящими шишками» [220, с. 447]; «Кедр – *хвойное вечнозелёное дерево*» [220, с. 235].

Лиственные деревья объективируют такие номинации, как *липа*, *осина*, *тополь*, *вяз*, *ива*. В значении выделенных лексем актуализирована интегральная сема «лиственное дерево». Ср.: «Липа – *лиственное дерево* (здесь и далее выделено нами – Ю. Д.) с сердцевидными зубчатыми листьями и душистыми медоносными цветками» [220, с. 279]; «Осина – *лиственное дерево* из семейства ивовых» [220, с. 395]; «Тополь – *дерево* из семейства ивовых с высоким и прямым стволом» [220, с. 697]; «Вяз – большое *лиственное дерево* с прочной древесиной» [220, с. 107]; «Ива – *дерево* с гибкими ветвями и узкими *листьями*» [220, с. 204].

Когнитивный признак «дерево с лиственной кроной» зафиксирован в языковом опыте С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина. Например: (1) *Сегодня цветущая липа / Напомнила чувствам опять* [247 (4), с. 222]; (2) *Осыпают церковные липы / Листопадную ржавую медь* [248 (2)]; (3) *Мокрый лист осины / И дорожных ивоч* [247 (2), с. 169]; (4) *Горькая осинушка / Ронит лист-руду* [248 (1)]; (5) *И перед крашеным окном / В шёлковых листьях тополя* [247 (4), с. 62]; (6) *Весною листья меняет тополь* [249 (1)]; (7) «Святой Боже, Святой крепкий» – / **Вяз** над омутом вздыхает [248 (1)]; (8) *И раньше, чем кудрявый вяз, / Подёрнут златом, покраснеет* [249 (3)]. Рассматриваемый признак «дерево с лиственной кроной» в примерах (1, 2) актуализирован лексическими единицами *цветущая липа*, *осыпают листопадную медь*. В значении причастия *цветущая* объективирована сема «быть в цвету»: «от глаг. цвести» [229 (4), с. 635], т.е. «иметь на себе распутившиеся цветки, быть в цвету (о кустах, деревьях или о саде)» [229

(4), с. 634]. Соответственно, сочетание *цветущая липа* имеет значение «лиственное дерево в цвету». Отметим, что рассматриваемые вербальные знаки содержат следующие когнитивные признаки образа дерева: во-первых, «разновидность дерева», во-вторых, «основные визуально наблюдаемые элементы морфологии дерева».

В тексте (2) *Осыпают церковные липы / Листопадную ржавую медь* [248 (2)] адъектив *листопадный* объективирует сему «дерево с лиственной кроной», которая отображена в его значении «такой, у которого опадают листья осенью или перед сухим временем года» [229 (2), с. 188]. В анализируемом примере эксплицирована модель «вещество → растение», областью источника которой является словоформа *медь*, т.е. «металл красноватого цвета, вязкий и ковкий» [229 (2), с. 244], а также имя прилагательное *ржавый* («являющийся ржавчиной, состоящий из ржавчины; покрытый ржавчиной» [229 (3), с. 716]). Область цели выражена лексемами *липы* и *листопадная*.

В примерах (3) *Мокрый лист с осины / И дорожных ивков* [247 (2), с. 169]; (4) *Горькая осинушка / Ронит лист-руду* [248 (1)]; (5) *И перед крашеным окном / В шёлковых листьях тополя* [247 (4), с. 62]; (6) *Весною листья меняет тополь* [249 (1)] когнитивный признак «лиственные деревья» передан с помощью лексем *осина*, *осинушка*, *ивки*, *тополь* и *лист*, *листья* («один из основных органов растения, обычно в виде тонкой зелёной пластинки, служащий для воздушного питания и газообмена» [231 (6), стлб. 252]). В текстах (4, 5) реализована метафорическая модель «вещество → растение», область источника которой эксплицирована словоформами *руда* («природное минеральное сырьё, содержащее металлы или их соединения» [229 (3), с. 736]) и *шёлковый* («сделанный из шёлка» [229 (4), с. 708]). Область цели выражена вербальными знаками *лист* и *листья*.

Лексема *вяз* эксплицирует признак «дерево с лиственной кроной» в примере (7) «*Святой Боже, Святой крепкий*» – / **Вяз** над омутом вздыхает

[248 (1)]. В тексте (8) *И раньше, чем кудрявый вяз, / Подёрнут златом, покраснеет* [249 (3)] анализируемый признак вербализуют лексические единицы *кудрявый, подёрнут златом*. Адъектив *кудрявый* – «пышно растущий, с богатой листвой» [229 (2), с. 146] – содержит в своём значении сему «с листвой». Сочетание *подёрнут златом* объективирует модель «вещество → растение», областью источника которой является словоформа *злато* в значении «золото» [229 (1), с. 611], т.е. «благородный металл жёлтого цвета, обладающий большой ковкостью и тягучестью» [229 (1), с. 620]. Область цели номинирована сочетанием *кудрявый вяз*.

Классификация видов деревьев по утилитарным признакам, входящая в группу признаков (б) биоморфного кода культуры, включает характеристику образа дерева по ареалу произрастания (а), возможности иметь плоды (б) и по степени ценности древесины (в).

По ареалу произрастания (а) деревья делятся на растущие у дорог, в садах, около домов, а также в растительных массивах. Данный признак зафиксирован языковым опытом носителей русской лингвокультуры С. Есениным, Н. Клюевым и М. Кузминым. Так, существительные *ель* и *сосна* последовательно употребляются со словами, актуализирующими сему «лес⁸⁰». Ср.: (1) *У лесной поляны – в свяслах копны хлеба, / Ели, словно копья, уперлися в небо* [247 (1), с. 38]; (2) *Кружевами лес украшен, / Ели словно купина* [247 (2), с. 16]; (3) *Осинник гулче, ельник глуше, / Снега туманней и скудней* [248 (1)]; (4) *Лес застыл без печали и шума, / Виснет темь, как платок, за сосной* [247 (1), с. 32]; (5) *В тихой дрёме под навесом / Слышу шёпот сосняка* [247 (1), с. 52]; (6) *Зимы предчувствием объаты / Рыдают сосны на бору* [249 (1)]. Адъектив *лесной* как компонент сочетания *у лесной поляны* функционирует в языковом опыте носителей языка в значении «находящийся, расположенный в лесу» [229 (2), с. 176]. Лексема

⁸⁰ Сема «лес» включена в план содержания лексем, объективирующих группу признаков (в) биоморфного кода.

поляна передаёт значение «ровное пространство, небольшой луг, обычно на опушке или посреди леса» [229 (3), с. 278]. Соответственно, сочетание у *лесной поляны* объективирует когнитивный признак произрастания денотата вербального знака *ель* в лесу. В текстах (2) *Кружевами лес украшен, / Ели словно купина* [247 (2), с. 16] и (4) *Лес застыл без печали и шума, / Виснет темь, как платок, за сосной* [247 (1), с. 32] лексема *лес* эксплицирует когнитивный признак ареала произрастания денотатов фитонимов *ель* и *сосна*. Рассматриваемый признак зафиксирован в семантике слов *ельник* (пример (3) и *сосняк* (пример (5). Ср.: «Ельник – еловый *лес* (здесь и далее выделено нами – Ю. Д.)» [229 (1), с. 462]; «Сосняк – сосновый *лес*» [229 (4), с. 207]. В примере (6) *Зимы предчувствием объята / Рыдают сосны на бору* [249 (1)] словоформа *бор* («сосновый лес, растущий на сухом возвышенном месте» [229 (1), с. 107]) содержит сему «лес».

Вербальный знак *ель* может актуализировать не только описанный выше когнитивный признак «произрастание в дикой природе (дерево, растущее в лесных массивах)», но и признак «произрастание в ассимилированной человеком природе (произрастание около здания)». Ср.: (1) *Под окном от скользких елей / Тень протягивает руки* [247 (1), с. 95]; (2) *Тепла лежанка, за стеной / Старухи-ели задремали* [248 (1)]; (3) *Сын под елью в тёмной келье / Поселился навсегда* [248 (1)]. Выделенные языковые единицы *под окном, за стеной, в тёмной келье* эксплицируют в своём значении интегральную сему «здание». Она отображена в значении слова *окно* – «отверстие в стене здания для света и воздуха, а также застеклённая рама, закрывающая это отверстие» [229 (2), с. 607]. Словоформа *стена* объективирует «вертикальную часть здания, служащую для поддержания перекрытий и для разделения помещения на части» [229 (4), с. 260]. Лексема *келья* имеет значение «жилище монаха, монахини в монастыре (отдельная комната или отдельное жилище)» [229 (2), с. 46]. Адъектив *тёмный* передаёт значение «лишённый света, освещения, со слабым, скудным светом» [229 (4),

с. 351]. Сочетание *в тёмной келье* эксплицирует значение «находиться в помещении, лишённом освещения».

Фитонимы *тополь, липа, клён, ива, ветла, ракита* и др. в произведениях С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина также объективируют когнитивный признак «произрастание в ассимилированной человеком природе (ареал произрастания деревьев у дорог, водоёмов, жилищ)». Например: (1) *И по всему угодию / Рассажены тополя* [247 (3), с. 158]; (2) *Клён и липы, в окна комнат / Ветки лапами забросив / Ищут тех, которых помнят* [247 (1), с. 193]; (3) *Царкосельские помнят липы / Окаянный хохот пурги...* [248 (1)]; (4) *В окне под потолком желтеет липа / И виден золотой отрезок неба* [249 (11)]; (5) *Каждый пришёл в свой / Дом / С ивами над прудом* [247 (3), с. 155]; (6) *Под окном от скользких вётел / Перепелы звоны ветра* [247 (4), с. 136]; (7) *Кто-то стучится в окно: / Бура ли, сучья ль раки?* [248 (1)]. В приведённых текстах анализируемый когнитивный признак эксплицирован лексемой *окно*, благодаря которой, как было показано выше, вербализован признак «произрастание у зданий». Этот же признак выражен при помощи словоформы *дом* («здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий» [229 (1), с. 425]) в примере (5) *Каждый пришёл в свой / Дом / С ивами над прудом* [247 (3), с. 155]. В этом тексте рассматриваемый признак актуализирован предложно-падежной конструкцией *над прудом*. В значении лексемы *пруд* зафиксирована сема «водоём»: «небольшой искусственный водоём, а также место разлива реки, ручья перед запрудой» [229 (1), с. 549]. В тексте (1) *И по всему угодию / Рассажены тополя* [247 (3), с. 158] словоформа *угодия* эксплицирует признак «произрастание дерева ассимилированной человеком природе», отображённый в значении «участок земли, который является объектом хозяйственного использования или пригодный для этой цели» [229 (4), с. 458]. Причастие *рассажены* указывает на целенаправленное культивирование разновидности дерева и определённое

его размещение, что закреплено в его лексическом значении: «сажая (растения), разместить каким-либо образом» [229 (3), с. 661].

Признак «возможность иметь плоды» (б) эксплицирован в произведениях С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина лексемами *рябина*, *калина*, *вишня*, *яблоня*, *черёмуха* и т.д. Ср.: (1) *Облилась кровью ягод **рябина*** [247 (2), с. 83 – 84]; (2) *И на **рябине** есть цветы, / Цветы – предшественники ягод* [247 (4), с. 205]; (3) *Недозрелую **калинушку** / Не ломают и не рвут* [248 (1)]; (4) *Ну как теперь ухаживает дед / За **вишнями** у нас, в Рязани?* [247 (2), с. 156]; (5) *Я вижу всё: и садик с **вишнями**, / И скатертью накрытый стол* [249 (4)]; (6) *Дымком отдаёт росяница / На **яблонях** белых в саду* [247 (3), с. 164]; (7) *Ведь в белых **яблонях** без попов / Свершается обряд Господний* [248 (1)]; (8) *Но ах! / хороводом ходят юноши, / вкушая плодов с той **яблони*** [249 (1)]; (9) *Цвела **черёмуха**, / Цвела сирень* [Есенин 1997: 157]; (10) *В цвет **черёмухи** лицом...* [248 (1)]; (11) *Ах, пробежаться бы за квасом в ледник, / **Черёмуху** у кухни оборвать!* [249 (4)]. В значении выделенных слов *рябина*, *калина*, *вишня*, *яблоня*, *черёмуха* зафиксированы семы «ягода⁸¹» или «плод». Словоформа *рябина* определяется как «дерево с плодами в виде пучка горьковатых оранжево-красных ягод, а также самые ягоды» [220, с. 600]. Лексема *калина* интерпретируется как растение «с белыми цветками и красными горькими ягодами» [220, с. 226]. В значении слова *вишня* объективировано представление о «плодовом дереве с сочными съедобными тёмно-красными ягодами, а также ягода этого дерева» [220, с. 73]. За словоформой *черёмуха* закреплено значение «дерево с белыми душистыми цветками, собранными в кисти, а также чёрные, терпкого вкуса ягоды этого дерева» [220, с. 764]. Лексема *яблоня* определяется как «фруктовое дерево из семейства розовых с шаровидными съедобными плодами» [220, с.793].

⁸¹ Данная сема объективирует представление об элементе морфологии дерева, являясь «небольшим сочным плодом кустарниковых или травянистых растений» [229 (4), с. 778].

Когнитивный признак «ценность древесины» (в) в языковом опыте С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина не актуализирован. Однако в ряде текстов реализована метафорическая модель кода культуры «дерево → предмет и/или артефакт». Например: (1) *И страна берёзового ситца / Не заманит шляться босиком* [247 (1), с. 163]; (2) *На Таити брякнет подойник, / Ольховый, с олонецкой резьбой* [248 (1)]; (3) *Веси красные, избы новые, / Кипарисовым тёсом крытые...* [248 (1)]; (4) *Не призрачный – дубовый крепкий руль* [249 (10)]. Область источника в примерах актуализирована адъективами *берёзовый, ольховый, кипарисовый, дубовый*, в значении которых зафиксирована сема «материал производства предмета и/или артефакта». Ср.: «Берёзовый – сделанный из берёзы» [229 (1), с. 80]; «Ольховый – сделанный из ольхи» [229 (2), с. 616]; «Кипарисовый – сделанный из кипариса» [229 (2), с. 49]; «Дубовый – сделанный из дуба» [229 (1), с. 451]. Область цели объективирована словоформами *ситец, подойник, тёс, руль*, в значении которых содержится сема «предмет и/или артефакт». Лексема *ситец* интерпретируется как «лёгкая хлопчатобумажная гладкокрашенная или набивная ткань» [229 (4), с. 99]. Словоформа *подойник* обозначает «специальный сосуд, в который доят молоко» [229 (3), с. 206]. Слово *тёс* эксплицирует семантику «тонкие доски (тёсанные или пиленые)» [229 (4), с. 360]. Под лексической единицей *руль* понимают «устройство для управления движением судна, самолёта, автомобиля и т.п. в заданном направлении» [229 (3), с. 740].

Следовательно, вторая группа признаков биоморфоного кода – виды растений (б) – реализована языковыми знаками *берёза, верба, вишня, вяз, дуб, ель (ёлка), ива, калина, кедр, клён, липа, ольха, осина, ракета, рябина, сосна, тополь, черёмуха, яблоня* и т.д. Их можно охарактеризовать по частотности употребления в языке поэзии С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина (см. таблицы 1 – 3), а также эксплицируемым когнитивным признакам «произрастание в ассимилированной человеком или дикой природе (ареал /

место произрастания)», «возможности иметь плоды» и «ценность древесины».

Деревья как компонент растительного массива (в) биоморфоного кода культуры представлены в произведениях С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина лексемами *лес, сад, дубрава, чаща, роща* и т.п. В значении словоформы *лес* содержится сема «пространство, заросшее деревьями»: «деревья, стоящие во множестве на корню, а также пространство, обильно заросшее деревьями» [229 (2), с. 176]. Существительное *лес* эксплицировано в следующих фрагментах текстов рассматриваемых носителей русской лингвокультуры. Ср.: (1) *Хвойной позолотой / Взвенивает лес* [247 (1), с. 65]; (2) *Убегают дороги извивы, / Перелесков, лесов пояса* [248 (1)]; (3) *Дремучий лес вздыбил по горным кручам / Зубцы дубов* [249 (2)]. В приведённых примерах не только актуализировано представление о деревьях как компоненте растительного массива, но и даны характеристики совокупности растений, зафиксированные в языковом опыте поэтов. В значении словоформы *хвойный* объективирован когнитивный признак «доминирующий вид деревьев»: «название класса голосемянных деревьев и кустарников, преимущественно вечнозелёных, с игловидными листьями или чешуйками» [229 (4), с. 596]. Кроме того, в словосочетании *хвойная позолота* реализована модель «вещество → дерево». Словоформа *позолота* в своём значении содержит сему «вещество» (как было показано выше), а адъектив *хвойный* – сему «деревья и кустарники». Слово *дремучий* в примере (3) *Дремучий лес вздыбил по горным кручам / Зубцы дубов* [249 (2)] называет такие признаки леса, как «густой, труднопроходимый, старый» [229 (1), с. 446]. Кроме того, в анализируемом тексте лексема *дуб* объективирует когнитивный признак «доминирующий вид деревьев». В примере (2) *Убегают дороги извивы, / Перелесков, лесов пояса* [248 (1)] значение словоформы *перелесок* содержит сему «лес»: «небольшой лес, отделённый полянами от других лесных участков, а также редкий или молодой лес,

соединяющий лесные массивы» [229 (3), с. 73]. Слово *пояс* семантизирует восприятие леса в горизонтальной плоскости: «то, что расположено полосой вокруг чего-либо, окружает собой что-либо» [229 (3), с. 350]. Также словосочетание *лесов пояса* объективирует модель «предмет → дерево». Областью источника является семема «полоса ткани, пришиваемая в верхней части юбки, штанов и служащая для стягивания их по талии» [229 (3), с. 350] словоформы *пояс*. Область цели репрезентирована лексической единицей *лес*.

Существительное *сад* объективирует представление об «участке земли засаженном деревьями, кустами, цветами, обычно с проложенными дорожками» [229 (4), с. 12], которое зафиксировано в языке поэзии С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина. Например: (1) *Я вернусь, когда раскинет ветви / По-весеннему наш белый сад* [247 (1), с. 179]; (2) *А где-то росно дышит / Черёмуховый сад* [248 (1)]; (3) *Ах, наш сад, наш виноградник / надо чаще поливать / и сухие ветки яблонь / надо чаще подрезать* [249 (1)]. В тексте (1) адъектив *белый* эксплицирует представление о цветущих деревьях, что подтверждается наличием лексемы *по-весеннему* как «связанный с весной, происходящий весной» [229 (1), с. 155] во время цветения растений. В примере (2) словоформа *черёмуховый* выражает когнитивный признак «доминирующий вид деревьев», отображённый в лексическом значении данного адъектива: «прилагательное к черёмуха; сделанный из черёмухи» [229 (4), с. 663]. В тексте (3) *Ах, наш сад, наш виноградник / надо чаще поливать / и сухие ветки яблонь / надо чаще подрезать* [249 (1)] этот же признак объективирован словоформой *яблоня*.

Слово *дубрава* используется в поэзии С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина как «лиственный лес, обычно с преобладанием дуба» [229 (1), с. 451]. Ср.: (1) *Духотливые дубравы / Кличут ветками к реке* [247 (1), с. 52]; (2) *Я затишья возделю / Кипарисовых дубрав* [248 (1)]; (3) *Дремотный дух навей, дубравы кров дубовый* [249 (3)]. В приведённых текстах адъективы

кипарисовый и *дубовый* объективируют когнитивный признак «доминирующий вид деревьев», воплощённый в значении рассматриваемых словоформ. Ср.: «Кипарисовый – прилагательное к кипарис; название семейства растений, к которому относятся кипарис, можжевельник и др.» [229 (2), с. 49]; «Дубовый – прилагательное к дуб; сделанный из дуба» [229 (1), с. 451]. Словоформа *духотливый* является окказиональной, её значение выводимо из корневой морфемы и суффикса. «Духота – спёртый, несвежий воздух, затрудняющий дыхание» [229 (1), с. 456]. Аффикс *-лив-* выражает словообразовательное значение склонности к тому, что названо корневой морфемой. Следовательно, слово *духотливый* может быть определено как ‘склонность к спёртому, несвежему воздуху, затрудняющему дыхание’. В примере (1) *Духотливые дубравы / Кличут ветками к реке* [247 (1), с. 52] рассматриваемый вербальный знак объективирует когнитивный признак «качество воздуха, присущее растительному массиву».

Лексема *чаща* эксплицирует представление о «густом, труднопроходимом лесе» [229 (4), с. 657], которое конкретизируется в языке поэзии С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина. Например: (1) *Милые берёзовые чащи!* [247 (1), с. 201]; (2) *Распахни узорочье сосны, / Промелькни за берёзовой чащей* [248 (1)]; (3) *Сколько звёзд на небе, сосчитай-ка, – / Столько струй родник стремится из чащ* [249 (3)]. В текстах (1, 2) адъектив *берёзовый* объективирует когнитивный признак «доминирующий вид деревьев», который воплощён в его значении «прилагательное к берёзе; сделанный из берёзы» [229 (1), с. 80]. Предикативная основа *родник стремится* из примера (3) *Сколько звёзд на небе, сосчитай-ка, – / Столько струй родник стремится из чащ* [249 (3)] участвует в описании одного из когнитивных признаков денотата лексемы *чаща*. Словоформа *стремит* имеет значение «направлять, устремлять куда-либо (движение, бег, шаг и т.п.)» [229 (4), с. 287], а лексема *родник* интерпретируется как «водный источник, бьющий, текущий из глубины земли, ключ» [229 (3), с. 724]. Соответственно,

анализируемая предикативная основа обозначает ‘водный источник, который направляет своё движение куда-либо’ и эксплицирует когнитивный признак «наличие водного источника вблизи растительного массива».

Представление о «небольшом, чаще лиственном лесе» [229 (3), с. 734] закреплено за словом *роща*. В тексте С. Есенина *Кому-то пятками уже не мять по рощам / Щербатый лист и золота травы* [247 (1), с. 75] сема «лиственный лес» актуализирована словоформой *лист*, которая указывает на «один из основных органов растения» [231 (6), стлб. 252]. Н. Клюев лексемы *роща* и *ручей* объединяет в один однородный ряд: *Я люблю остожья, грай сорочий, / Близь и дали, рощу и ручей* [248 (1)]. Такая конструкция объективирует представление о конкретной роще, в которой есть ручей – «небольшой естественный водный поток» [229 (3), с. 743]. Кроме того, основанием для объединения лексем *роща* и *ручей* в однородный ряд является сема «небольшой», воплощённая в их значениях. М. Кузмин описывает рощу при помощи словоформ *тенистый* и *священный*: *Как таинственный шум / Тенистых роцъ священных* [249 (1)]. Лексема *тенистый* интерпретируется как «дающий густую тень, с густой тенью» [229 (4), с. 353]. Она объективирует когнитивный признак «дающий тень». За словоформой *священный* закреплено значение «глубоко чтимый, такой, в котором заключено самое дорогое и заветное, святой» [229 (4), с. 60]. Следовательно, анализируемая словоформа эксплицирует когнитивный признак «почитаемый, неприкосновенный».

Кроме того, словосочетание *священные рощи* объективирует связь с духовным кодом культуры. В значении лексемы *священный* содержится оценка совокупности деревьев, указание на их важность. «О существовании в Древней Руси священных роцъ, – пишет Е. Е. Левкиевская, – сохранились только косвенные сведения. В XIX – начале XX века такие рощи ещё можно было увидеть в Белоруссии и в северорусских землях» [250, с. 69]. В священных рощах запрещалась вырубка деревьев. Их ветви принято было

украшать лентами, платками, кусками холста или полотенцами, на которых содержались просьбы о выздоровлении или благодарности за исцеление⁸².

Таким образом, третья группа признаков биоморфного кода культуры (в) объективирована лексемами *лес, сад, дубрава, чаща, роща*, в значении которых содержится сема «пространство, заросшее или засаженное деревьями».

Итак, образ дерева является частью биоморфоного кода русской лингвокультуры. Базовые смыслы, заложенные в средствах его экспликации, обуславливают основные модели метафорического движения. В текстах носителей лингвокультуры XX ст. – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина – эти смыслы закреплены и интерпретированы сквозь призму индивидуально-авторского восприятия мира. Анализ образа дерева как фрагмента биоморфоного кода культуры позволяет выявить его когнитивные признаки, зафиксированные в языковом опыте этноса и преломлённые через поэтическое творчество С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина, а также описать взаимосвязь рассматриваемого образа с системой культурных ценностей и эталонов.

III.3. Языковое воплощение образа дерева в русском лингвокультурном пространстве, представленном текстами С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина

В произведениях С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина образ дерева объективирован полисемантом *дерево*⁸³, за которым в языковом опыте этноса

⁸² Изложено по результатам обработки данных «Мифов русского народа» [250, с. 68 – 70].

⁸³ Частотность использования анализируемого вербального знака в художественных текстах, по данным «Нового частотного словаря русской лексики (на материалах Национального корпуса русского языка)» [216], составляет 20277 словоупотреблений, что позволяет квалифицировать данную языковую единицу как одно из ключевых слов русской лингвокультуры (см. [Вежбицкая 1996; 2001] и др.).

закреплены следующие значения: «1) многолетнее, крупное или мелкое растение с твёрдым стволом и ветвями, образующими игловидную или листоносную крону; 2) древесный материал, идущий на изделия и постройки» [231 (3), стлб. 712]. В приведённых семемах эксплицированы базовые когнитивные признаки образа. К ним относятся:

- «указание на длительность жизненного цикла растения» (лексема *многолетнее* как «живущее несколько (более двух) или много лет (о растениях)» [229 (2), с. 282]);
- «представления о размерах дерева» (адъективы *крупное* и *мелкое*, за которыми закреплены значения «большой, больших размеров, большой величины» [229 (2), с. 139] и «небольшой по величине, объёму, размерам» [229 (2), с. 247]);
- «основные визуально наблюдаемые элементы морфологии дерева» (словоформы *ствол*, *ветви*, *крона*: «Ствол – надземная часть дерева или кустарника несущая на себе ветви» [229 (4), с. 257]; «Ветви – боковой отросток, побег, идущий от ствола дерева (кустарника) или стебля травянистого растения» [229 (1), с. 157]; «Крона – верхняя разветвлённая часть дерева (ствола) вместе с сучьями и ветвями» [229 (2), с. 134]);
- «утилитарный признак» (вербальный знак *материал*, т.е. «вещество, предмет, сырьё, применяемые для какой-либо цели» [229 (2), с. 235], а также обособленное определение *идущий на изделия и постройки*).

Указанные когнитивные признаки воплощены в русском лингвокультурном пространстве, представленном произведениями С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина. Например: (1) *Древодельные стружки / Точат ладанный сок* [248 (1)]; (2) *Вместо **дерева** нужен камень, / Черепица, бетон и жесть* [247 (3), с. 76]; (3) *Деревица вилавого / С маху не срубить, – / Парня разудалого / Силой не любить* [248 (1)]; (4) *Посмотри: **деревья** все не*

те ли? [249 (2)]; (4) *Лепесток летит миндальный, / Цепко крепнет **деревцо*** [249 (9)].

В тексте (1) *Древодельные стружки / Точат ладанный сок* [248 (1)] вербальные знаки *dreводельный* и *стружки* объективируют сферу практического применения дерева в процессе жизнедеятельности человека. В значении словоформы *стружки* содержится сема «обработка чего-либо»: «Стружка – тонкий узкий слой дерева, снятый каким-либо режущим инструментом при обработке поверхности чего-либо» [229 (4), с. 292]. Композит *dreводельный* окказионален, его значение выводим из корневых морфем: «Древо – то же, что дерево» [229 (1), с. 445], «Дельный – пригодный, способный в дело, годный к нему» [208]. Итак, лексема *dreводельный* может интерпретироваться как ‘годное к делу дерево’. Вербальные знаки *dreводельный* и *стружки* указывают на фиксацию в русской лингвокультуре представлений о практической значимости дерева для повседневной жизни человека, объективированных и в примере (2) *Вместо **дерева** нужен камень, / Черепица, бетон и жесть* [247 (3), с. 76]. В этом контексте лексема *дерево* употребляется в значении «древесный материал, идущий на изделия, постройки; древесина» [229 (1), с. 388]. Анализируемый вербальный знак является компонентом тематической группы «Строительные материалы», воплощённой в примере. Ср.: «Камень – всякая твёрдая, нековкая горная порода в виде сплошной массы или отдельных кусков» [229 (2), с. 23]; «Черепица – кровельный материал в виде обожжённых глиняных или цементных желобчатых пластинок или плиток» [229 (4), с. 664]; «Бетон – строительный материал, представляющий собой затвердевшую смесь цемента (или другого вяжущего вещества), воды, песка и щебня (или гравия и т. п.)» [229 (1), с. 88]; «Жесть – тонкое листовое железо, обычно покрытое оловом» [229 (1), с. 480].

Следовательно, в проанализированных примерах когнитивный утилитарный признак образа дерева эксплицирован при помощи семемы

«2) древесный материал, идущий на изделия и постройки» [231 (3), стлб. 712] многозначного слова *дерева*, композита *древодельный*, а также вербальных знаков тематической группы «Строительный материал».

Отметим, что в лексических единицах *древодельный* и *дерево* воплощена метафорическая модель «артефакт → дерево», областью источника которой является сема «годный к обработке», объективированная в значениях обеих словоформ. Область цели рассматриваемой модели выражена лексемой *дерево* (семема «1) многолетнее, крупное или мелкое растение с твёрдым стволом и ветвями, образующими игловидную или листоносную крону» [231 (3), стлб. 712]) и аффиксоидом *древо-*, которые также воплощают образ дерева в языке носителей русской лингвокультуры – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина. Таким образом, в текстах (1) *Древодельные стружки / Точат ладанный сок* [248 (1)] и (2) *Вместо дерева нужен камень, / Черепица, бетон и жесть* [247 (3), с. 76] эксплицирован ещё один когнитивный признак образа дерева – «сопоставление дерева с артефактом».

В примере (3) *Деревца вилавого / С маху не срубить, – / Парня разудалого / Силой не любить* [248 (1)] объективирован когнитивный признак «возраст или размер растения»: словоформа *деревца* не только эксплицирует анализируемый образ дерева, но и называет возраст или размеры растения: «Деревце (деревцо) – небольшое или молодое дерево» [229 (1), с. 389]. Следовательно, воплощает указание на этап прохождения временной оси или жизненного цикла дерева. Сказуемое *не срубить* эксплицирует представления о крепости древесины через отрицание. За словоформой *срубить* закреплено значение «уничтожить рубкой (деревья, лес); вырубить, свести» [229 (4), с. 241]. Характеристика действия, выраженного глаголом *срубить*, вербализована предложно-падежной формой *с маху*, т.е. «размахнувшись изо всей силы» [229 (2), с. 238]. Отрицательная частица *не* «служит для выражения полного отрицания того, что обозначает слово или

сочетание, перед которым она стоит» [229 (2), с. 419]. Соответственно, в первой предикативной части сложного бессоюзного предложения *Деревца вилавого / С маху не срубить...* [248 (1)] полностью отрицается возможность уничтожения даже молодого дерева одним сильным ударом. Это позволяет сделать вывод об объективации в анализируемом примере когнитивного признака «крепкость древесины растения».

В рассматриваемом примере (3) *Деревца вилавого / С маху не срубить, – / Парня разудалого / Силой не любить* [248 (1)] также воплощена метафорическая модель «человек → дерево», область источника которой репрезентирована словом *парень*, номинирующим «лицо мужского пола, достигшее зрелости, но не состоящее в браке, молодой человек, юноша» [229 (3), с. 23]. Область цели объективирована фитонимом *деревце*. Рассматриваемые вербальные знаки занимают тождественные позиции в предикативных частях сложного бессоюзного предложения: являются косвенным дополнением, вынесенным в препозицию по отношению к главному слову для актуализации передаваемой ими информации: *Деревца не срубить – Парня не любить*. Это позволяет соотнести человека с деревом. Итак, в примере (3) *Деревца вилавого / С маху не срубить, – / Парня разудалого / Силой не любить* [248 (1)] объективирован когнитивный признак образа дерева «сопоставление дерева с человеком».

В тексте (4) *Посмотри: деревья все не те ли?* [249 (2)] эксплицирован признак «указание на длительность жизненного цикла растения». Он актуализирован синтаксической конструкцией *деревья все не те ли?*⁸⁴. В анализируемой предикативной части сложного бессоюзного предложения инверсия используется для выделения коммуникативно значимой информации: привлечение внимания к деревьям как неизменным константам, что объективирует указательное местоимение *тот*. Оно выражает

⁸⁴ Отметим, что «в вопросительных предложениях сказуемое часто предшествует подлежащему, например: *Так отдам ли я тебе эту волюшку, дорогую, короткую?* (А. Н. Островский)» [149]. В данной синтаксической конструкции используется обратный порядок слов.

представления о неизменности объекта, с которым человек ранее взаимодействовал: «именно он, не другой, этот же самый (обычно в сочетаниях: *тот же, тот же самый*)» [229 (4), с. 390]. Его значение подчёркивается словоформой *все*⁸⁵, используемой «в сочетании с указательно-определятельными местоимениями и наречиями для усиления, подчёркивая их значения» [229 (1), с. 228]. Отметим, что частица *не* в анализируемой предикативной части сложного бессоюзного предложения употребляется для «усиления утвердительного значения. В вопросительных предложениях с частицей “ли” служит для выражения предположительности» [229 (2), с. 419]. Следовательно, синтаксическую конструкцию *деревья все не те ли?* можно интерпретировать как описание неизменности, статичности окружающего пейзажа.

Когнитивные признаки «возраст или размер дерева» и «указание на длительность жизненного цикла растения» реализованы в примере (5) *Лепесток летит миндальный, / Цепко крепнет деревцо* [249 (9)] при помощи предикативной основы *крепнет деревцо*. Словоформа *деревцо*⁸⁶ объективирует представления о молодом или небольшом растении и эксплицирует когнитивный признак «возраст или размер растения». За глаголом *крепнуть* в языковом опыте этноса закреплено значение «становиться более крепким» [229 (2), с. 126], т.е. постепенно приобретать определённые качества. Употребление анализируемого слова в форме настоящего времени выражает значение настоящего неактуального времени, основными типами которого являются настоящее постоянное и настоящее абстрактное. «Настоящее время постоянного действия (настоящее постоянное) констатирует наличие того или иного отношения, не связанного с временными ограничениями» [153, с. 628]. Оно выражается глаголами несовершенного вида, объективирующими ситуацию постоянного

⁸⁵ Основным значением полисеманта *весь* является «всегда, все время, постоянно» [229 (1), с. 228].

⁸⁶ «Деревце (деревцо) – небольшое или молодое дерево» [229 (1), с. 389].

отношения: «Сообщается о действии, имеющем неограниченную временную протяжённость. Это действие охватывает собою определённый период времени – настоящего, прошедшего или будущего, в рамках которого оно представлено как постоянное и непрерывное» [153, с. 608]. Таким образом, с помощью словоформы *крепнет*, эксплицирующей когнитивный признак «указание на длительность жизненного цикла растения», передаются представления об определённом этапе временной оси дерева.

Отметим, что в рассматриваемом примере также объективирован когнитивный признак «маркер движения по временной оси», выраженный предикативной частью сложного бессоюзного предложения *Лепесток летит миндальный* [249 (9)]. Адъектив *миндальный* указывает на принадлежность элемента морфологии растения, описанного при помощи вербального знака *лепесток*⁸⁷, к конкретной разновидности деревьев: «Миндальный – прилагательное к миндаль» [229 (2), с. 272]. Лексема *миндаль* объективирует представления о «южном дереве семейства розоцветных, с розовыми цветками и плодами в виде орехов овальной формы» [229 (2), с. 272]. Глагол *лететь* употребляется в значении «перемещаться, двигаться по воздуху силой ветра» [229 (2), с. 172], т.е. эксплицирует представление о периоде опадения лепестков в жизненном цикле дерева. Таким образом, в тексте описан конкретный период – поздняя весна, когда деревья отцветают и завязываются плоды.

В языке носителей русской лингвокультуры – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина – когнитивный признак образа дерева «маркер движения по временной оси» объективирован вербальными знаками *в зелень, огонь зелёный, листопад, осени, вянет, осенними, в августе*. Ср.: (1) *Она своим лимонным светом / Деревьям, в зелень разодетым, / Сиянье звучное / Польёт* [247 (2), с. 155]; (2) *Люблю, когда на деревьях / Огонь зелёный шевелится* [247 (1), с. 138]; (3) *Под луной как призраки – деревья, / И ночной*

⁸⁷ Лепесток – «листок из венчика цветка» [231 (6), стлб. 160].

железный листопад [248 (1)]; (4) *От судьбины-осени / Вянет деревцо* [248 (1)]; (5) *Где меж деревьями осенними / Златистый дым повис* [249 (4)]; (6) *Уж в августе темнее ночи, / А под деревьями ещё темнее* [249 (11)]. В семантике выделенных лексических единиц эксплицированы представления об определённой поре года. Так, в примере (1) *Она своим лимонным светом / Деревьям, в зелень разодетым, / Сиянье звучное / Польёт* [247 (2), с. 155] предложно-падежная конструкция *в зелень* актуализирует представление о цвете кроны дерева весной или летом и о самой кроне. За полисемантом *зелень* в языковом опыте носителей русской лингвокультуры закреплены значения «трава, листва, растения; растительность» и «зелёный цвет, зелёная окраска чего-либо» [229 (1), с. 606]. Предлог *в* с винительным падежом имени существительного употребляется «при обозначении предмета, в который кто-либо, что-либо облачается, заключается» [229 (1), с. 132]. Итак, в тексте описаны деревья, заключённые весной или летом в листву зелёного цвета. Конкретное указание на описываемый период временной оси автор текста даёт в его названии произведения «Весна», где весна – это «время года между зимой и летом; пора расцвета, молодости» [229 (1), с. 156].

В анализируемом примере (1) *Она своим лимонным светом / Деревьям, в зелень разодетым, / Сиянье звучное / Польёт* [247 (2), с. 155] также воплощён когнитивный признак образа дерева «сопоставление с человеком», объективируемый метафорической моделью «человек → дерево». Её областью источника является словоформа *разодетым*, которая употребляется в значении «очень нарядно одетый» [229 (3), с. 624], область цели эксплицирована фитонимом *дерево*. Основой соотношения дерева с человеком выступает представление о тождественности функций одежды⁸⁸ и листвы – покрыть или укрыть объект.

⁸⁸ В значении слова *одежда* содержится сема «покрыть»: «Одежда – совокупность предметов (из ткани, меха и т. п.), которыми покрывают, облачают тело» [229 (2), с. 590].

В другом тексте (2) *Люблю, когда на деревьях / Огонь зелёный шевелится* [247 (1), с. 138] когнитивный признак «маркер движения по временной оси» репрезентирован словосочетанием *на деревьях огонь зелёный*. С помощью колоратива *зелёный* актуализированы представления носителей русской лингвокультуры об «одном из основных цветов спектра – среднего между жёлтым и голубым; цвете травы, зелени» [229 (1), с. 606], а также об окраске кроны деревьев весной или летом. Слово *огонь* использовано в значении «раскалённые светящиеся газы вокруг горящего предмета; пламя» [229 (2), с. 587]. Оно объективирует область источника метафорической модели «стихия (явление природы) → дерево», область цели которой воплощена лексемой *дерево*. Основой отождествления служит внешнее сходство формы пламени и кроны растения.

В основе метафорической модели «артефакт внутреннего мира человека → дерево», представленной в примере (3) *Под луной как призраки – деревья, / И ночной железный листопад* [248 (1)], отождествление по визуальному восприятию. Область цели выражена фитонимом *деревья*, а область источника – лексемой *призрак*, которая употребляется в значении «неясное, смутное очертание, контур; привидение» [229 (3), с. 411]. Глубинная структура метафорического сравнения (формальным выразителем которого выступает союз *как*) эксплицирует соотнесение дерева с таким эфемерным феноменом как призрак. Такое сопоставление также объективировано предложно-падежной конструкцией *под луной*. В значении словоформы *луна* содержится сема «свет»: «Луна – небесное тело, естественный спутник Земли, светящийся отражённым солнечным светом» [229 (2), с. 204]. Предлог *под* употребляется при «указании лица, предмета, места, пространства, ниже которого что-либо находится или происходит» [229 (3), с. 171]. Соответственно, в тексте (3) *Под луной как призраки – деревья, / И ночной железный листопад* [248 (1)] реализовано представление о том, что деревья могут сопоставляться с призраками при лунном

освещении, вследствие чего их контуры размыты, что является основой отождествления. Ещё одним основанием соотнесения дерева с призраком является когнитивный признак образа дерева «нахождение (произрастание) в пограничном локусе».

В славянской культуре призрак часто выступает внешней формой мифологических существ, обитающих в «чужом» мире. Выделяют три основные черты данного персонифицированного мифологического явления. Во-первых, это галлюциногенная природа призрака, которая не даёт человеку понять реален он или является плодом зрительного, слухового обмана. Во-вторых, сочетание нескольких функций, негативно влияющих на человека: способность становиться визуально видимым и произвольно исчезать, воздействовать на волю человека, заставляя его блуждать, утрачивая связь с реальностью. В-третьих, призраки привязаны к одному месту, как правило, пограничному локусу – определённому участку дороги или леса, дереву, мосту, границе села и поля и т.п.⁸⁹

Когнитивный признак «маркер движения по временной оси» репрезентирован в примере (3) *Под луной как призраки – деревья, / И ночной железный листопад* [248 (1)]. В значении используемой в тексте словоформы *листопад* воплощена сема «осень»: «Листопад – опадание листьев осенью (в жарких странах – перед наступлением засушливого времени года), а также время этого опадания» [229 (2), с. 187]. Поэтому можно говорить о том, что в данном примере эксплицитировано представление о периоде жизненного цикла дерева, когда его биоритмы замирают. Рассматриваемый период также объективизируется лексемами *осень* и *вянуть*. Ср.: (4) *От судьбины-осени / Вянет деревцо* [248 (1)]. Словоформа *вянуть* обозначает процесс «лишения свежести (о растениях); увядать» [229 (1), с. 295]. В свою очередь, слово *осень* передаёт временной отрезок совершения данного действия: «время года между летом и зимой; пора

⁸⁹ Данные изложены по материалам этнолингвистического словаря «Славянские древности» [226 (4), с. 263].

увядания» [229 (2), с. 645]. Однако в анализируемом тексте осень рассматривается как причина процесса утраты свежести молодым деревом⁹⁰. На это указывает использование предлога *от*, который употребляется с именем существительным в родительном падеже для «указания повода, причины какого-либо действия, состояния» [229 (2), с. 661]. Приложение *судьбина* выражает значение повторяемости, неизбежности наступления поры увядания: «Судьбина – то же, что судьба⁹¹ (в 1 и 2 значениях)» [229 (4), с. 302]. Следовательно, в примере (4) *От судьбины-осени / Вянет дерево* [248 (1)] эксплицированы следующие когнитивные признаки образа дерева: «указание на длительность жизненного цикла растения» (лексема *дерево*) и «маркер движения по временной оси» (вербальные знаки *осень* и *вянет*).

В тексте (5) *Где меж деревьями осенними / Златистый дым повис* [249 (4)] когнитивный признак «маркер движения по временной оси» воплощается относительным прилагательным *осенний*. Рассматриваемый адъектив выражает представления о «связанности с осенью, происходящих осенью» реалиях онтологического мира [229 (2), с. 645]. В сочетании с лексемой *деревья* анализируемый вербальный знак указывает на визуальные когнитивные признаки образа дерева: «цвет кроны или лиственного покрова», «опадение листьев дерева», «способность давать тень». Последний из приведённых признаков объективирован в примере (6) *Уж в августе темнее ночи, / А под деревьями ещё темнее* [249 (11)]. Адъектив *тёмный* передаёт представления о «слабом, скудном освещении; лишении света» [229 (4), с. 351]. Предложено-падежная конструкция *под деревьями* объективирует место отсутствия освещения. Такое явление возможно при наличии у дерева густой кроны, не пропускающей свет и дающей тень. Отметим, что адъектив *тёмный* и предложно-падежная конструкция *в августе* также эксплицируют

⁹⁰ Возраст растения объективирован фитонимом *деревце* – «молодое дерево» [229 (1), с. 389].

⁹¹ Лексема *судьба* в языковом опыте этноса зафиксирована в нескольких значениях. Во-первых, это «складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств» [229 (4), с. 302]. Во-вторых, «участь, доля, жизненный путь» [229 (4), с. 302].

когнитивный признак «маркер движения по временной оси». Лексема *тёмный* указывает на визуальные признаки растения, которые характерны только для определённого периода времени. Предложно-падежная форма *в августе* называет пору года. Предлог *в* употребляется «при указании на момент или период, в который что-либо происходит» [229 (1), с. 133], а слово *август* называет «восьмой летний месяц календарного года» [229 (1), с. 21].

Итак, когнитивный признак образа дерева «маркер движения по временной оси» в русском лингвокультурном пространстве, представленном произведениями С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина, объективирован именами существительными *весна, листопад, осень*, адъективами *зелёный, осенний, тёмный*, предложно-падежными конструкциями *в зелень, в августе*, предикатом *вянуть* и предикативной частью сложного бессоюзного предложения *миндальный лепесток летит*.

Анализируемый признак тесно связан с визуально воспринимаемыми когнитивными признаками «возраст или размер дерева», «цвет кроны дерева», а также с признаком «произрастание в ассимилированной человеком или дикой природе (место произрастания)». Этот когнитивный признак объективирован в текстах, содержащих словесное изображение пейзажа (образный ландшафт «Описание местности»). Например: (1) *Меж двух **дерев** холм виднеется, / Красно солнце садится за море* [249 (2)]; (2) *Куда ни взглянь – одних **дерев** моря / Уходят вдаль кольцом необозримым* [249 (2)]; (3) *Да и природа странно изменилась: / Болотистые кочки всё, озёрца, / Тростник и низкорослые **деревья*** [249 (9)]; (4) *Ко **деревьям** ходят, / Вровень поливают* [249 (7)]; (5) *Деревья нежно разнимая, / Кто вышел к нам из темноты?* [249 (2)]; (6) *Наверно, подкатил он камень, / Или влез **на дерево**, / Или встал на скамью* [249 (1)]; (7) *Горели свечи, тёплый дождь, чуть слышен, / Стекал с **деревьев**, наводя дремоту, / Пезарский лебедь, сладостен и пышен, / Венчал малейшую весельем ноту* [249 (1)]; (8) *Что путь по широкой дороге / **между деревьев*** [249 (1)]; (9) *Деревья были подстрижены*

[249 (1)]; (10) *И деревья, как всадники, / Съехались в нашем саду* [247 (3), с. 191].

В примере (1) *Меж двух дерев холм виднеется, / Красно солнце садится за море* [249 (2)] образный ландшафт «Описание местности» объективирован с помощью вербальных знаков *дерево, холм, море*⁹², входящих в тематическую группу «Мир природы». Фитоним *дерево* эксплицирует анализируемый образ дерева, а также называет один из элементов местности. Числительное *два* указывает на точное количество объектов онтологического мира, вербализованных с помощью лексики *дерево*. Существительное *холм* употребляется для обозначения «небольшая возвышенности округлой или овальной формы с пологими склонами» [229 (4), с. 615]. Выражаемый анализируемым словом элемент местности выделяется на фоне горизонта, что объективирует глагол *виднеться*: «быть видным, быть доступным зрению» [229 (1), с. 174]. Предикативная часть *Красно солнце садится за море* [249 (2)] эксплицирует зафиксированные в наивной картине мира представления о движении солнца вокруг земли и о жилище, куда оно скрывается на ночь.

В славянской культуре солнце выступает божеством. Ему приписывают такие качества, как красота, милосердие, бессмертие, справедливость, счастье. Эти представления передаются благодаря сочетающемуся с существительным *солнце* адъективу *красный*: «Красный – 1) имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым; цвета крови; 2) красивый, прекрасный; 3) радостный, счастливый; 4) ясный, яркий, светлый⁹³» [229 (2), с. 122]. Отметим, что в русских поверьях солнце описывается и как женщина в нарядном сарафане, который она надевает перед встречей с супругом-Месяцем на Иванов день, и как мужчина, князь

⁹² Данные словоформы в современном языкознании (см. [Гайдамашко 2012; Неганова 2008; Черемисина 2017] и др.) относят к ландшафтной лексике, которая включает наименования «общего вида местности и её составных частей» [122, с.199]

⁹³ Семемы 2 – 4 имеют в словарной статье помету *устаревшее и традиционно-поэтическое*.

Дажьбог. Такие корреляции свойственны не только восточнославянским, но и южнославянским фольклорным текстам. Например, у сербов солнце описывается молодым красивым юношей, восседающем на златотканом престоле. Однако все славяне верили, что местом обитания солнца была восточная тёплая страна, которая находится за морем-океаном. Там высится его золотой чертог, из которого в назначенный срок выезжает оно на ладье для путешествия по небу⁹⁴.

Отметим, что существительное *солнце* не относится к ландшафтной лексике, поскольку оно объективирует представления о небесном теле, дающем свет⁹⁵, и, следовательно, входит в тематическую группу «Светила». Напротив, используемая в примере (1) *Меж двух **дерев** холм виднеется, / Красно солнце садится за море* [249 (2)] словоформа *море* эксплицирует элемент описываемого пейзажа: «Море – часть Мирового океана, более или менее обособленная сушей или возвышенностями подводного рельефа» [229 (2), с. 299].

Образный ландшафт «Описание местности» также вербализован с помощью глаголов (*виднеться, садиться*), выражающих настоящее неактуальное описательное время. «Изобразительное (описательное) настоящее характеризуется художественно-изобразительной функцией, которая определяет и сферу его употребления – литературно-художественное и прежде всего поэтическое описание» [153, с. 629]. Данное описание непосредственно не связано с моментом речи, оно выводится за пределы грамматической точки отсчёта и актуально для воспринимающего. Кроме того, лексемы, вербализующие анализируемый образный ландшафт, не содержат указания на ассимиляцию элементов местности человеком. Соответственно, в примере (1) *Меж двух **дерев** холм виднеется, / Красно солнце садится за море* [249 (2)] при помощи ландшафтной лексики

⁹⁴ Данные изложены по материалам книги «Русские легенды и предания» [244, с. 188 – 189].

⁹⁵ Выше нами приводилось лексическое значение слова *солнце* (см. III.1.).

актуализирован когнитивный признак образа дерева «произрастание в дикой природе».

Данный когнитивный признак эксплицирован и в тексте (2) *Куда ни взглянь – одних **дерев** моря / Уходят вдаль кольцом необозримым* [249 (2)]. Предикат *взглянь*⁹⁶ выражает присутствие человека, но не его хозяйственную деятельность, направленную на изменение местности в соответствие со своими нуждами. Первозданность природы объективирована синтаксической конструкцией *Одних **дерев** моря уходят вдаль кольцом необозримым*. Большое количество деревьев воплощено метафорой *дерев моря* (модель «стихия (явление природы) → дерево»). Область источника данной когнитивной метафоры выражена ландшафтной лексемой *море*, а область цели – фитонимом *дерево*. Основой отождествления выступает представление об «огромном количестве, чрезвычайном обилии чего-либо», вербализованное словом *море*. На трудность подсчёта точного количества рассматриваемых элементов описываемой местности указывает адъектив *необозримый*, за которым закреплено значение «недоступный обзору, осмотру; неоглядный» [229 (2), с. 457].

Существительное *кольцо* эксплицирует представление о том, «что образует замкнутый круг или расположено в виде замкнутого круга» [229 (3), с. 79], однако в сочетании *уходит вдаль кольцом* выражает визуальное восприятие горизонта. Лексема *уходить* используется в значении «простирается, тянуться» [229 (4), с. 540]. Наречие *вдаль* эксплицирует характеристику пространства, на которое распространяется действие, объективируемое глаголом *уходить*. «Вдаль – далеко, на далёкое расстояние» [229 (1), с. 142]. Кроме того, такое описание местности позволяет заключить, что автор текста описывает лирического героя, который находится на возвышенности, что позволяет ему видеть густо заросшее деревьями пространство до самого горизонта.

⁹⁶ За рассматриваемой лексемой закреплено значение «посмотреть» [229 (1), с. 165].

Итак, образный ландшафт «Описание местности» и когнитивный признак образа дерева «произрастание в дикой природе» в тексте (2) *Куда ни взглянь – одних **дерев** моря / Уходят вдаль кольцом необозримым* [249 (2)] объективированы синтаксической конструкцией *одних **дерев** моря / Уходят вдаль кольцом необозримым*.

В примере (3) *Да и природа странно изменилась: / Болотистые кочки всё, озёрца, / Тростник и низкорослые **деревья*** [249 (9)] реализованы несколько когнитивных признаков образа дерева. Так, адъектив *низкорослые* актуализирует размер растения: «Низкорослый – низкого роста, невысокий» [229 (2), с. 498]. Поэтому данный композит эксплицирует когнитивный признак «представления о возрасте или размере дерева». При помощи лексических единиц *кочки, озёрца, тростник, деревья* в тексте (3) *Да и природа странно изменилась: / Болотистые кочки всё, озёрца, / Тростник и низкорослые **деревья*** [249 (9)] воплощается образный ландшафт «Описание местности». Ср.: «Кочка – бугорок на низменном или болотистом месте, поросший травой или мхом» [229 (2), с. 117]; «Озерцо – небольшое озеро» [229 (2), с. 602]; «Тростник – высокое травянистое растение семейства злаков, с пирамидальной метёлкой, растущее по берегам водоёмов и на болотах» [229 (4), с. 415]. В примере отсутствует объективация воздействия человека на описываемые элементы ландшафта. Следовательно, рассматриваемые вербальные знаки выражают когнитивный признак «произрастание в дикой природе».

Элемент местности описывается с помощью лексемы *дерево* и в тексте (4) *Ко **деревьям** ходят, / Вровень поливают* [249 (7)]. Причём предлог *ко* употребляется при «обозначении места, предмета, лица, к которым направлено движение» [229 (2), с. 9], выраженное глаголом *ходят*. Форма множественного числа словоформы *ходят* указывает на нескольких субъектов действия, которые воздействуют на деревья (лексема *поливать* – «оросить сверху почву, где посеяно, растёт что-либо, струёй (струями) воды»

[229 (3), с. 262]). С помощью рассмотренных лексических единиц в анализируемом тексте объективирован когнитивный признак образа дерева «произрастание в ассимилированной человеком природе».

Этот признак воплощён с помощью вербальных знаков *дерево, разнимая, кто* в примере (5) *Деревья нежно разнимая, / Кто вышел к нам из темноты?* [249 (2)]. Фитоним *деревья* эксплицирует несколько объектов местности и, соответственно, объективирует образный ландшафт «Описание местности». Лексемы *разнимая*⁹⁷ и *кто*⁹⁸ описывают субъект и выполняемое им действие, направленное на деревья (деепричастие требует от зависимого слова *деревья* винительного падежа).

Когнитивный признак образа дерева «произрастание в ассимилированной человеком природе» объективирован в тексте (6) *Наверно, подкатил он камень, / Или влез на дерево, / Или встал на скамью* [249 (1)]. В примере при помощи предикатов *подкатил, влез, встал* актуализированы действия над объектами онтологического мира, воплощённые ландшафтной лексикой *камень, дерево, скамья*. Ср.: «Подкатить – катя, перекатывая, приблизить к кому-, чему-либо или поместить подо что-либо» [229 (3), с. 190]; «Влезть – карабкаясь, цепляясь, залезть на верх чего-либо» [229 (1), с. 184]; «Встать – расположиться, разместиться где-либо, занять какую-либо позицию» [229 (1), с. 235].

Анализируемый когнитивный признак образа дерева воплощён и в примере (7) *Горели свечи, тёплый дождь, чуть слышен, / Стекал с деревьев, наводя дремоту, / Пезарский лебедь, сладостен и пышен, / Венчал малейшую весельем ноту* [249 (1)]. Вербальные знаки *свеча, Пезарский лебедь, нота* выражают представления о материальных и духовных артефактах, а также о самом человеке. Лексема *свеча* употребляется для обозначения осветительного приспособления: «Свеча – палочка из жирового вещества с

⁹⁷ Разнять – «отделить одно от другого» [229 (3), с. 622].

⁹⁸ Кто – «обозначает вопрос: какой человек?» [229 (2), с. 143].

фитилём внутри, служащая для освещения» [229 (4), с. 48]. Глагол *гореть* указывает на выполнение прагматической функции денотатом лексической единицы *свеча*: «Гореть – давать свет» [229 (1), с. 333]. Итак, предикативная часть сложного бессоюзного предложения *горели свечи* [249 (1)] объективирует представления о материальном артефакте и его использовании человеком для освещения помещений.

В предикативной части *Пезарский лебедь, сладостен и пышен, / Венчал малейшую весельем ноту* [249 (1)] анализируемого примера реализуется представление о духовном артефакте и человеке, его создавшем. Лексема *нота* квалифицируется как указание на музыкальное произведение. В языковом опыте этноса за данным звуко-буквенным комплексом закреплено несколько значений с семой «принадлежность к музыке». Во-первых, под словом *нота* понимают «условный графический знак какого-либо музыкального звука» [229 (2), с. 511]. Во-вторых, данная лексема функционирует в значении «самый звук в музыке или пении» [229 (2), с. 511]. В-третьих, анализируемая словоформа выражает представления о «тексте музыкального произведения в записи условными графическими знаками» [229 (2), с. 511]. Итак, в рассматриваемом примере вербальный знак *нота* эксплицирует представления о тексте музыкального произведения и его звуковом воплощении, или исполнении. Сочетание *Пезарский лебедь* квалифицируется как отсылка к автору произведения – «итальянскому композитору Дж. А. Россини, родившемуся в городе Пезаро» [207].

Предикативная часть *Тёплый дождь, чуть слышен, / Стекал с деревьев, наводя дремоту* [249 (1)] актуализирует описание окультуренной человеком местности. Эта часть текста выступает антитезой: предикативные части *Горели свечи* и *Пезарский лебедь, сладостен и пышен, / Венчал малейшую весельем ноту* вербализуют образный ландшафт «Дом», в то время, как анализируемая часть эксплицирует то, что лежит за пределами этого ландшафта.

В свою очередь, словосочетание *тёплый дождь* в примере (7) *Горели свечи, тёплый дождь, чуть слышен, / Стекал с деревьев, наводя дремоту, / Пезарский лебедь, сладостен и пышен, / Венчал малейшую весельем ноту* [249 (1)] передаёт когнитивный признак «маркер движения по временной оси». Словоформа *дождь* эксплицирует представления об «атмосферных осадках, выпадающих из облаков в виде капель воды» [229 (1), с. 417]. Данное явление характерно для весны, лета и осени. Сузить временную зону помогает адъектив *тёплый*, объективирующий указание на температуру осадков: «Тёплый – слегка нагретый, с повышенной температурой» [229 (4), с. 356]. Итак, с помощью словосочетания *тёплый дождь* описывается тёплая пора года – поздняя весна или лето. Лексема *дерево* в рассматриваемом контексте репрезентирует окультуренную человеком местность: осадки выпадали на деревья (значение множественного числа выражает флексия *-ев* словоформы *деревьев*). Обособленное определение, выраженное причастным оборотом *чуть слышен*, указывает на степень интенсивности звука, заглушаемого исполнением музыкального произведения и стенами дома. Лексема *слышный* эксплицирует представление о том, что «доступно слуху, различаемо слухом» [229 (4), с. 147]. Языковая единица *чуть* выражает значение «совсем немного, слегка, в незначительной степени» [229 (4), с. 695]. Соответственно, сочетание *чуть слышен* объективирует представление о незначительной степени доступности слуху звука дождя.

Таким образом, в примере (7) *Горели свечи, тёплый дождь, чуть слышен, / Стекал с деревьев, наводя дремоту, / Пезарский лебедь, сладостен и пышен, / Венчал малейшую весельем ноту* [249 (1)] когнитивный признак «произрастание в ассимилированной человеком природе» вербализован с помощью: 1) лексических единиц *свеча, дождь, дерево, нота, Пезарский лебедь*; 2) предикативных частей сложного бессоюзного предложения, выражающего значение одновременности при помощи структуральных

признаков: перечислительной интонации, глаголов-сказуемых несовершенного вида прошедшего времени.

Рассматриваемый когнитивный признак в тексте (8) *Что путь по широкой дороге / между деревьев* [249 (1)] воплощён предложно-падежной конструкцией *по дороге*. Лексема *дорога* объективирует представления, во-первых, о «полосе земли, служащей для езды и ходьбы» [229 (1), с. 432], во-вторых, о «месте для прохода, проезда» [229 (1), с. 432], т.е. о творении человека. Предлог *по* употребляется при «обозначении предмета, пространства, поверхность которого является местом, где происходит действие, движение кого-, чего-либо, где располагается кто-, что-либо» [229 (3), с. 148]. В примере (8) *Что путь по широкой дороге / между деревьев* [249 (1)] идея о расположении деревьев вдоль дороги эксплицирована предложно-падежной конструкцией *между деревьев*. Соответственно, анализируемая предложно-падежная конструкция также объективирует когнитивный признак образа дерева «произрастание в ассимилированной человеком природе (место произрастания)».

Данный когнитивный признак передаётся с помощью предиката *были подстрижены* в тексте (9) *Деревья были подстрижены* [249 (1)]. Вербальный знак *подстриженный* выражает представления о придании кроне деревьев определённой формы: «Подстриженный – подрезать ножницами или машинкой, подравнивая, укорачивая» [229 (3), с. 221]. Кронирование характерно для деятельности человека, направленной на ассимиляцию природы сообразно своим потребностям.

В примере (10) *И деревья, как всадники, / Съехались в нашем саду* [247 (3), с. 191] лексема *сад* передаёт представления о целенаправленном разведении определённых, чаще плодовых, деревьев: «Сад – участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами, обычно с проложенными дорожками» [229 (4), с. 12]. Следовательно, когнитивный признак «произрастание в дикой или ассимилированной человеком природе (место

произрастания)» образа дерева в русском лингвокультурном пространстве, представленном текстами С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина, объективирован: 1) ландшафтной лексикой (*дерево, холм, море, кочки, тростник, камень, сад*); 2) предложно-падежными конструкциями (*ко деревьям, между деревьев, по дороге*); 3) глаголами и глагольными формами, которые выражают представления о хозяйственной деятельности человека, направленной на изменение природы (*поливают, разнимая, подстрижены*); 4) предикативными частями сложных предложений (*Одних дерев моря / Уходят вдаль кольцом необозримым; Горели свечи, тёплый дождь, чуть слышен, / Стекал с деревьев, наводя дремоту, / Пезарский лебедь, сладостен и пышен, / Венчал малейшую весельем ноту*).

Отметим, что в примере (10) *И деревья, как всадники, / Съехались в нашем саду* [247 (3), с. 191] воплощён также когнитивный признак «сопоставление дерева с человеком». Данный признак реализован посредством метафорической модели «человек → дерево», областью источника которой является словоформа *всадники*, выражающая представления о «том, кто едет верхом на лошади; верховом» [229 (1), с. 228]. Область цели эксплицирована фитонимом *деревья*. Основой сопоставления дерева с человеком выступает визуальное восприятие размера сравниваемых объектов.

Когнитивный признак «сопоставление дерева с человеком» объективирован в текстах С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина при помощи лексем тематической группы «Часть тела человека» и вербальных знаков, номинирующих человека или его психические состояния. Например: (1) *Как дерево роняет тихо листья, / Так я роняю грустные слова* [247 (1), с. 209]; (2) *Скоро белое дерево сронит / Головы моей жёлтый лист* [247 (2), с. 77]; (3) *Я хотел бы стоять, как дерево, / При дороге на одной ноге* [247 (4), с. 183]; (4) *Страховито деревинке под грозой стояти, / Листопадные волосья по ветру трепати* [248 (1)]; (5) *К моему ли, горний, древу /*

перервать томленья нить [248 (1)]; (6) *Дерева, вы деревочки, / Мои братцы милы* [249 (2)].

В тексте (1) *Как дерево роняет тихо листья, / Так я роняю грустные слова* [247 (1), с. 209] когнитивный признак «сопоставление дерева с человеком» объективируется как лексическими средствами (*дерево, я*), так и сравнительной синтаксической конструкцией. Союз *как* присоединяет придаточную часть сложного предложения. Словоформа *так* в главной предикативной части сложноподчинённого предложения указывает на тождественность производимых действий. Следовательно, в рассматриваемом текстовом фрагменте эксплицирует метафорическую модель «человек → дерево», область источника которой воплощена вербальными знаками *я* и *слово*, а область цели – лексемами *дерево* и *листья*.

Кроме того, сопоставление человека и дерева выражается при помощи повторяющегося предиката *ронять*, употреблённого в форме несовершенного вида настоящего времени. Анализируемая словоформа функционирует в языковом опыте этноса в значениях «1) лишаться чего-либо, терять (листья, перья и т. п.); 2) небрежно произносить» [229 (3), с. 731]. Соответственно, метафорическая модель «человек → дерево» также объективирована семемами одной словоформы: областью источника является семема (2), а областью цели – семема (1).

Анализируемый когнитивный признак образа дерева эксплицируется с помощью тех же синтаксических функций в предикативной и главной частях сложноподчинённого предложения также. Словоформа *дерево* выступает субъектом действия в придаточной части *Как дерево роняет тихо листья* [247 (1), с. 209]. Аналогичную функцию в главной предикативной части сложного предложения *Так я роняю грустные слова* выполняет местоимение *я*, употребляющееся «для обозначения говорящим самого себя» [229 (4), с. 776]. Параллелизм конструкций и тождественность синтаксических функций

словоформ *дерево* и *я* являются основанием для сопоставления дерева с человеком.

В примере (2) *Скоро белое дерево сронит / Головы моей жёлтый лист* [247 (2), с. 77] когнитивный признак «соотнесение дерева с человеком» объективирован вербальными знаками *белое дерево, голова, лист*. Метафорическая модель «человек → дерево» строится на основе соотнесения элементов морфологии дерева и строения человека. Лексема *голова* эксплицирует представления о «верхней части тела человека, содержащей мозг» [229 (1), с. 325]. Она выражает область источника рассматриваемой метафорической модели. Область цели воплощена вербальными знаками *белое дерево* и *лист*. Основанием для отождествления является сема «верхняя часть», а также семантическое движение в рамках словосочетания *белое дерево*. Рассматриваемое сочетание можно трактовать как перифразу фитонима *берёза*, за которым закреплено значение «лиственное дерево с белой корой» [229 (1), с. 80]. Сема «белый» позволяет соотнести эти вербальные знаки. Данная сема в рамках анализируемого контекста может трактоваться и как указание на цвет кожи человека: «Белый – принадлежащий у европеоидной расе; светлокожий» [204, с. 70]. Таким образом, в словосочетании *белое дерево* эксплицирована метафорическая модель «человек → дерево», областью источника которой выступает колоратив *белый*, а областью цели – фитоним *дерево*.

Сочетание *жёлтый лист* объективирует сопоставление кроны дерева с волосами человека. Это выражается семантикой вербальных знаков *жёлтый* как «имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между оранжевым и зелёным; цвета яичного желтка, золота» [229 (1), с. 467] и *лист* как «орган воздушного питания и газообмена у растения» [229 (2), с. 187]. Анализируемое сопоставление также эксплицировано в синтаксической конструкции (2) *Скоро белое дерево сронит / Головы моей жёлтый лист* [247 (2), с. 77] с помощью слова *голова*, которая функционирует как

обстоятельство места по отношению к прямому дополнению *лист*. Кроме того, сочетание *жёлтый лист* передаёт когнитивный признак образа дерева «маркер движения по временной оси», поскольку данная окраска у кроны деревьев бывает только осенью в связи со снижением интенсивности фотосинтеза и, соответственно, утратой пигментации листьев.

Итак, глубинная структура метафоры в примере (2) *Скоро белое дерево сронит / Головы моей жёлтый лист* [247 (2), с. 77] содержит представление о человеке как осеннем увядающем дереве.

Когнитивный признак «сопоставление дерева с человеком» объективирован при помощи сравнительного оборота *как дерево* в примере (3) *Я хотел бы стоять, как дерево, / При дороге на одной ноге* [247 (4), с. 183]. Составное глагольное сказуемое, выраженное формой сослагательного наклонения, объективирует значение «желания говорящего» [153, с. 624], а сравнительный оборот указывает на объект интенций субъекта действия. Кроме того, анализируемый когнитивный признак воплощён лексическими единицами *на одной ноге*. Словоформу *нога* относим к тематической группе «Часть тела человека», т.к. она номинирует «одну из двух нижних конечностей человека» [229 (2), с. 506]. Внешнее визуальное воспринимаемое сходство формы конечности человека и ствола дерева является основой для метафорического сопоставления. В глубинной структуре метафорического сравнения заложено представление о человеке как о дереве, которое стоит у дороги. В свою очередь, в рамках данного метафорического сопоставления дерево представлено как человек, т.е. дереву присущи все характеристики и свойства человека. Таким образом, когнитивный признак «сопоставление дерева с человеком» актуализируется при помощи метафорической модели с взаимной направленностью семантического движения «человек ↔ дерево».

Отметим, что в анализируемом тексте (3) *Я хотел бы стоять, как дерево, / При дороге на одной ноге* [247 (4), с. 183] воплощён и когнитивный

признак образа дерева «произрастание в ассимилированной человеком природе», объективированный предложено-падежной конструкцией *при дороге*. Лексема *дорога* эксплицирует представления о хозяйственной деятельности человека, направленной на создание пригодного для проезда и прохода пути. Предлог *при* употребляется «при обозначении места, возле которого в непосредственной близости кто-, что-либо находится» [229 (3), с. 388].

Сопоставление анализируемого образа с человеком вербализовано в примере (4) *Страховито деревинке под грозой стояти, / Листопадные волосья по ветру трепати* [248 (1)] с помощью лексемы *страховито* и словосочетания *листопадные волосья*. Словоформа *страховито* объективирует эмоциональное состояние человека. Её семантика заключена в корневой морфеме *страх-* как «состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо опасностью, бедой и т. п.; боязнь» [229 (4), с. 283]. Суффикс *-овит-* в данном слове выражает «склонность в большой степени к тому, что названо мотивирующим словом» [209]. Таким образом, анализируемый вербальный знак эксплицирует представление о присутствии субъекту чувства боязни. Субъект в рассматриваемом примере номинирует словоформа *деревинка*, которая не только объективирует образ дерева, но и один из его когнитивных признаков: «представление о возрасте или размере растения (дерева)». Данный когнитивный признак воплощается формообразовательным аффиксом *-инк(а)*, выражающим «уменьшительно-ласкательное значение» [209].

В словосочетании *листопадные волосья* реализована метафорическая модель «человек → дерево», область источника которой эксплицирована словом *волосья*⁹⁹, а область цели воплощена адъективом *листопадные*. Словоформа *листопадный* объективирует образ дерева посредством обозначения (аффиксоид *лист-*) одного из визуально наблюдаемых

⁹⁹ Волосья – «роговистые, трубчатые нити, растущие на теле человека» [208].

элементов морфологии растения – листа. Кроме того, при помощи данной лексической единицы эксплицирован когнитивный признак анализируемой единицы лингвокультуры «маркер движения по временной оси»: «*Листопадный* – прилагательное к листопад; такой, у которого опадают листья осенью или перед сухим временем года (в жарких странах)» [229 (2), с. 188]. Следовательно, в примере (4) *Страховито деревинке под грозой стояти, / Листопадные волосья по ветру трепати* [248 (1)] воплощён ряд когнитивных признаков образа дерева: 1) «представление о возрасте или размере растения (дерева)» (вербальный знак *деревинка*); 2) «маркер движения по временной оси» (адъектив *листопадный*); 3) «сопоставление дерева с человеком» (лексема *страховито*, словосочетание *листопадные волосья*).

В тексте (5) *К моему ли, горний, древу / перервать томленья нить* [248 (1)] сопоставление человека и дерева реализуется словосочетанием *моему древу*, в котором семантическое движение метафорической модели «человек → дерево» воплощено в словоформе *древо* в рамках контекста анализируемого примера.

Лирический герой, обозначаемый местоимением *мой*¹⁰⁰, отождествляет себя с деревом, с которым он тесно связан. Данное представление эксплицировано в тексте словоформой *нить*: «Нить – то, что соединяет одно с другим, служит связью между кем-, чем-либо» [229 (2), с. 501]. Лексема *томленья* со значением «мучение, страдание, тоска» [229 (4), с. 379] выражает характер этой связи. Соответственно, в примере (5) *К моему ли, горний, древу / перервать томленья нить* [248 (1)] когнитивный признак «сопоставление дерева с человеком» воплощён словосочетанием *моему древу*, в котором образ дерева отождествляется с человеком. Отметим, что такое соотнесение возможно, т.к. в древности дерево наделялось сакральным

¹⁰⁰ Считаем, что в анализируемом тексте вербальный знак *мой* выступает в значении «такой, к которому я принадлежу, частью которого я являюсь» [229 (2), с. 288].

значением и считалось вместилищем душ или духов¹⁰¹. «Ср. латыш. *kuoks* "дерево", но гот. *skohsl* "demon". С латышским словом *kuoks* "дерево" следует ещё сопоставить латыш. *kaukas* "домовой, гном". Др.-англ. *seart* "лес", но русск. черт; русск. колода, но русск. колдовать; русск. ветла, но др.-инд. *vetala* "demon"; русск. сосна, но иран. **sos-* "дыхание, дух"; др.-инд. *rohī* "дерево", но и.-е. **rek-* "дух"; прусск. *garīan* "дерево", но литов. *kegai* "чары"» [217, с. 134].

В примере (6) *Дерева, вы деревочки, / Мои братцы милы* [249 (2)] сопоставление с человеком воплощено лексемой *братцы*, выражающей значение «фамильярного и дружеского обращения к мужчине, юноше, мальчику». [229 (1), с. 112] Таким образом, область источника метафорической модели «человек → дерево» эксплицирована словоформой *братцы*, а область цели – *дерево*. В основе глубинной структуры метафоры содержится представление о соотношении дерева с мужчиной или юношей, т.е. с мужским началом.

В анализируемом тексте также объективирован когнитивный признак «представления о размере или возрасте растения (дерева)». Фитоним *деревочки* воплощает образ дерева. При помощи суффикса *-очк-*, который эксплицирует «значение уменьшительности, обычно сопровождающейся экспрессией ласкательности» [209], также выражается представление о размере или возрасте растения.

Итак, в русском лингвокультурном пространстве, представленном произведениями С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина, когнитивный признак «сопоставление дерева с человеком» передаётся следующими языковыми средствами: 1) лексемами тематической группы «Части тела человека» (*нога, голова, волосья*); 2) словоформами, номинирующими человека (*всадник, братец, я, мой*); 3) словами, объективирующими свойственный человеку

¹⁰¹ «О деревьях как о живых существах, подобных существам человеческим, – пишет Н. И. Толстой, – в славянской народной традиции, в разных концах славянского мира сохранилось немало свидетельств» [173, с. 333].

психические состояния (*страховито*); 4) синтаксическими конструкциями (*листопадные волосья; моему древу; Я хотел бы стоять, как дерево; Как дерево роняет тихо листья, так я роняю грустные слова*).

Отметим, что рассматриваемый когнитивный признак может быть объективирован не только лексемами, выражающими представления о мужчине или юноше, но и вербальными знаками с семами «женщина» или «девушка». Реализуемое языковыми единицами соотношение дерева с мужчиной или женщиной определяется грамматическим родом фитонима¹⁰² и, соответственно, формами грамматического значения. Например: (1) *Оттого что тот старый клён / Головой на меня похож* [247 (1), с. 143]; (2) *Стережёт голубую Русь / Старый клён на одной ноге* [247 (1), с. 143]; (3) *Тогда видишь, как клён без оглядки / Выходит к стеклу болот* [247 (1), с. 306]; (4) *И берёза, зелень кос / Гребню ветра поставляя, / Как вдова, бледна от слёз* [248 (1)]; (5) *Берёзки – бледные белички, / Потупясь, выстроились в ряд* [247 (1), с. 143]; (6) *И утратив скромность, одуревши в доску, / Как жену чужую, обнимал берёзку* [247 (4), с. 233].

В тексте (1) *Оттого что тот старый клён / Головой на меня похож* [247 (1), с. 143] образ дерева объективирован лексемой *клён*: «Клён – лиственное дерево с широкими резными листьями» [229 (2), с. 57]. Грамматическое значение мужского рода¹⁰³ рассматриваемого языкового знака выражено нулевой флексией словоформы *клён*. Соответственно, клён соотносится с лицом мужского пола. Примечательно, что в свадебных песнях клён сопоставляется с женихом, а липа – с невестой. Кроме того, кленовый лист соотносится с отцом невесты. У славян существовало поверье, что опавшие листья этого дерева символизируют гибель супруга. В русской

¹⁰² Н. И. Толстой в статье «“Мужские” и “женские” деревья и дни в славянских народных представлениях (Мифологизация грамматического рода)» отмечает соответствие между полом дерева (имманентный признак растения) и грамматическим родом его названия [173, с. 333].

¹⁰³ Данное грамматическое значение (мужской род) также выражено с помощью окончания адъектива *старый* и формы именительного падежа указательного местоимения *тот*.

культуре клён считается апотропеем. Этому дереву приписывают положительные культурные оценки: оно служит сильным оберегом от нечистой силы, им украшают дом (наравне с берёзой и липой) на Троицу, из его листьев плетут венки участвующие в купальских гуляньях парни, из его древесины изготавливают дежу, части плуга, древко свадебного знамени. Иногда клён мог использоваться в качестве бадняка¹⁰⁴.

Когнитивный признак «сопоставление дерева с человеком» в рассматриваемом примере (1) *Оттого что тот **старый клён** / Головой на меня похож* [247 (1), с. 143] эксплицирован с помощью словосочетаний *старый клён* и *головой похож*. В них реализована метафорическая модель «человек → дерево», область источника которой выражена словоформами *старый* («о человеке» [229 (4), с. 252]) и *головой* (лексема тематической группы «Часть тела человека»), а область цели – фитонимом *клён*. Адъектив *старый* эксплицирует и когнитивный признак «представление о возрасте или размере растения»: «Старый – проживший много лет; достигший старости» [229 (4), с. 252].

В примере (2) *Стережёт голубую Русь / **Старый клён** на одной ноге¹⁰⁵* [247 (1), с. 143] когнитивный признак «сопоставление дерева с человеком» эксплицирован согласованным определением *старый клён* и несогласованным определением *клён на одной ноге*. Грамматический род фитонима, а также слова *старый* указывают на соотнесение его с лицом мужского пола.

Глагол движения *выходит* объективирует когнитивный признак «сопоставление дерева с человеком» в примере (3) *Тогда видишь, как **клён** без оглядки / Выходит к стеклу болот* [247 (1), с. 306]. Предикативная основа *клён выходит* воплощает метафорическую модель «человек → дерево»,

¹⁰⁴ Материал изложен по данным этнолингвистического словаря «Славянские древности» [226 (2), с. 507 – 508].

¹⁰⁵ Предикативная характеристика анализируемого примера дана в работе И. И. Дяговца «Об одном сквозном образе в лирике С. А. Есенина» [76, с. 70 – 71].

область источника которой эксплицирована лексемой *выходить*¹⁰⁶, а область цели – словоформой *клён*.

Сопоставление дерева с девушкой и/или женщиной реализуется при помощи фитонима *берёза* (с грамматической формой женского рода) в тексте (4) *И берёза, зелень кос / Гребню ветра поставляя, / Как вдова, бледна от слёз* [248 (1)]. Анализируемый когнитивный признак образа дерева, репрезентированный вербальным знаком *берёза*, объективирован при помощи синтаксических конструкций *зелень кос, бледна от слёз, как вдова*. Эти языковые единицы эксплицируют модель «человек → дерево». В согласованном определении *зелень кос* область цели рассматриваемой модели воплощена лексемой *коса*, которую относим к тематической группе «Части тела человека»: «Коса – заплетённые волосы» [229 (2), с. 110]. Область источника объективирована словоформой *зелень*, в лексическом значении которой отображено указание на растение: «Зелень – 1) трава, листва, растения; растительность; 2) зелёный цвет, зелёная окраска чего-либо» [229 (1), с. 606]. Кроме того, данный вербальный знак эксплицирует когнитивный признак «маркер движения по временной оси»: цвет кроны дерева, воплощённый лексемой *зелень*, указывает на позднюю весну или лето.

Предикативная основа *берёза бледна* также объективирует метафорическую модель «человек → дерево», область цели которой воплощена фитонимом *берёза*, а область источника выражена кратким прилагательным *бледна*, квалифицируемым нами как номинация психического состояния человека. За адъективом *бледный*¹⁰⁷ в языковом

¹⁰⁶ Анализируемый вербальный знак имеет несколько значений: «1) несовершенный вид к выйти (т.е. «уйти откуда-либо или прийти куда-либо» [229 (1), с. 257]); 2) быть обращённым куда-либо, в какую-либо сторону» [229 (1), с. 290]. Таким образом, между семемами словоформы существует семантическое движение «человек → объект».

¹⁰⁷ Анализируемый адъектив можем квалифицировать как указание на визуально воспринимаемые параметры берёзы – цвет её коры. Данная словоформа входит в синонимический ряд лексики *белый*: «Белый – белоснежный, молочный, белый как снег, белый как кипень, кипенный; бледный; лилейный, алебастровый» [200, с. 28].

опыте русского этноса закреплено значение «без румянца, лишённый естественной окраски (о цвете лица)» [229 (1), с. 97]. Предложно-падежная конструкция *от слёз* указывает на причину психического состояния: предлог *от* употребляется при «обозначении лица, предмета, явления и т.п., являющегося или послужившего источником чего-либо» [229 (3), с. 661], а слово *слеза* функционирует для выражения представлений об «обильном выделении прозрачной солоноватой жидкости, омывающей глазное яблоко и предохраняющей его от высыхания, вызываемом некоторыми физиологическими или психическими состояниями (болью, глубокими душевными переживаниями и т. п.)» [229 (4), с. 134].

Синтаксическая конструкция *как вдова* также объективирует метафорическую модель «человек → дерево»: берёза сравнивается с женщиной, «не вступившей в брак после смерти мужа» [229 (1), с. 143]. Область цели данной метафорической модели эксплицирована фитонимом *берёза*, а область источника – лексемой *вдова*, в значении которой содержится сема «женщина».

Следовательно, в примере (4) *И берёза, зелень кос / Гребню ветра поставляя, / Как вдова, бледна от слёз* [248 (1)] при помощи проанализированных языковых средств воплощён образный ландшафт «Грусть»: образы дерева и образы тоскующего человека накладываются друг на друга, выступая как фоном, так и фигурой по отношению друг к другу. Их разделение зависит от целей восприятия.

В текстовых фрагментах (5) *Берёзки – бледные белички, / Потупясь, выстроились в ряд* [247 (1), с. 143]; (6) *И утратив скромность, одуревши в доску, / Как жену чужую, обнимал берёзку* [247 (4), с. 233] реализован когнитивный признак «сопоставление дерева с человеком (девушкой и/или женщиной)». Данный когнитивный признак вербализован при помощи флексии – выразителя грамматического рода – и формообразовательного суффикса *-к(а)*, который выражает грамматическое значение женского рода,

а также значение «уменьшительности, которая обычно сопровождается экспрессией ласкательности» [209]. Кроме того, в языковом опыте этноса за вербальным знаком *берёзка* закреплено значение «молодая берёза» [229 (1), с. 80]. Итак, слово *берёзка* объективирует как образ дерева, так и его когнитивные признаки «представления о возрасте или размере растения (дерева)» и «сопоставление дерева с человеком». Последний из перечисленных признаков эксплицирован в анализируемых текстах рядом лексических и синтаксических средств.

В примере (5) *Берёзки – бледные белички, / Потупясь, выстроились в ряд* [247 (1), с. 143] анализируемый когнитивный признак воплощён предикатом *выстроились*, номинирующим представления о «расположении в определённом порядке» субъектов действия [229 (1), с. 284]. Предложно-падежная конструкция *в ряд* вербализует указание на порядок расположения деревьев. Предлог *в* используется в языковом опыте этноса «с некоторыми существительными при образовании наречных сочетаний со значением способа, характера действия, состояния» [229 (1), с. 132]. Существительное *ряд* функционирует в значении «совокупность предметов, лиц, расположенных один к одному, друг за другом, в одну линию; строй в одну линию; шеренга» [229 (3), с. 748]. Отметим, что такое расположение в пространстве не характерно для дикорастущих деревьев. Следовательно, обстоятельство образа действия *в ряд* может квалифицироваться как объективатор когнитивного признака образа дерева «произрастание в ассимилированной человеком природе».

Приложение *берёзки – бледные белички* в тексте (5) *Берёзки – бледные белички, / Потупясь, выстроились в ряд* [247 (1), с. 143] эксплицирует метафорическую модель «человек → дерево», область цели которой воплощена фитонимом *берёзка*. Область источника выражена при помощи словосочетания *бледные белички*. Адъектив *бледный*, как было описано нами выше, объективирует представление о цвете коры дерева, входя в состав

синонимического ряда колоратива *белый*, а также номинирует психическое состояние человека. Словоформа *белички* не принадлежит к числу узуальных, поэтому её значение определяется корневой морфемой и словообразовательным аффиксом. Корень *бел(ый)* выражает значение «цвет снега, молока, мела» [229 (1), с. 78]. Суффикс *-ичк(а)* образует «имена существительные женского пола от названий соответствующих лиц мужского пола, которые оканчиваются на -граф, -гог, -лог, -ном, -ург (географичка, педагогичка, филологичка, астрономичка, хирургичка и т.п.)» [209]. Соответственно, анализируемая словоформа эксплицирует представление о девушке и/или женщине, с кожей цвета снега, молока, мела. В глубинной структуре метафорического сравнения актуализировано представление о берёзе как о девушке и/или женщине с очень белой кожей¹⁰⁸.

Сопоставление с девушкой и/или женщиной в примере (6) *И утратив скромность, одуревши в доску, / Как жену чужую, обнимал берёзку* [247 (4), с. 233] объективировано сравнительным оборотом *как жену чужую*. В значении лексемы *жена* воплощена сема «женщина»: «Жена – замужняя женщина (по отношению к своему мужу); то же, что женщина» [229 (1), с. 477]. В основе глубинной структуре метафорического сравнения лежит представление о берёзе как о замужней женщине.

Таким образом, в русском лингвокультурном пространстве, представленном произведениями С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина, когнитивным признаком «сопоставление дерева с человеком (мужчиной или девушкой и/или женщиной)» эксплицирован с помощью фитонимов, объективирующих образ дерева, лексических и синтаксических средств: 1) лексем тематической группы «Часть тела человека» (*голова, нога, коса*); 2) словоформ, называющих человека (*вдова, жена*); 3) вербальных знаков, эксплицирующих представления о психических состояниях человека

¹⁰⁸ На субъективную степень оценки визуально наблюдаемого качества указывает усилительный эпитет *белые белички* [48, с. 340].

(*бледная (бледна), слёзы*); 4) синтаксических конструкций (*старый клён; клён на одной ноге; клён выходит; берёзки выстроились в ряд; как вдова; как жену чужую; берёзки – бледные белочки*).

Образ дерева в произведениях С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина воплощён лексическими (в числе которых слово- и формообразовательные средства) и синтаксическими единицами, которые объективируют такие когнитивные признаки, как:

- а) «представление о возрасте или размере растения (дерева)»;
- б) «основные визуально наблюдаемые элементы морфологии дерева»;
- в) «указание на длительность жизненного цикла растения»;
- г) «произрастание в ассимилированной человеком или дикой природе»;
- д) «сопоставление с человеком».

Итак, анализ средств экспликации образа дерева в языке поэзии С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина позволил выявить и описать основные когнитивные признаки образа дерева, зафиксированные в языковом опыте носителей русской лингвокультуры. Образ дерева как фрагмент биоморфного кода культуры, заключающего в себе представления этноса о феноменах природы и их взаимодействии с человеком, воплощён обширным кругом лексических и синтаксических средств.

Выводы к Главе III

Рассмотрение образа дерева как одной из базовых единиц лингвокультуры предполагает экспликацию системы эталонов, символов, представлений и метафорических моделей, воплощённых в произведениях носителей русской лингвокультуры – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина.

1. Анализ вербальных знаков, объективирующих образ дерева в текстах анализируемых поэтов, позволил выявить и описать базовые метафорические модели, посредством которых реализуется взаимодействие кодов культуры. К их числу относятся:

а) модель «вещество → дерево», реализующаяся сочетаниями *златохвойный сад, роц позолота, пурпур ягод, в дубраве ... смарагдов, меди*, один из компонентов которых (лексические единицы *пурпур, золото, позолота, смарагды, медь*) объективирует область источника, т.е. вещество, а другой (словоформы *сад, роци, ягоды, дубрава*) – область цели, т.е. дерево;

б) модель «явление природы → дерево» (*листьями звёзды льются; пуца развихрит листы; луч ныряет в хвои, в зыбь ветвей; звезды спадают, как листвие*), в которой вербальные знаки *звёзды, пуца, луч* объективируют область источника – явление природы, а словоформы *листья (листвие), хвоя, ветви* указывают на область цели – дерево;

в) модель «человек → дерево», которая воплощена вербальными знаками *мать голубая осина; в шугаях осины умильней причастниц-старух; утомилась осина вязать бахрому; как кручинная кручинушка, та пугливая осинушка, шумит-поёт по осени, ронит листья-слёзы*, где область источника эксплицируется как словоформами (*мать, пугливая, в шугаях*), так и синтаксическими конструкциями (*утомилась вязать, как кручинная кручинушка, шумит-поёт песню, ронит листья-слёзы*), а область цели воплощена лексемой *осина (осинушка)*.

Коды культуры не существуют изолированно, поэтому образ дерева может рассматриваться как часть не только биоморфного кода, но и других кодов культуры. Совмещение биоморфного и временного кодов объективировано лексическими единицами *роща, яблонный, золотая, по-осеннему, цвет* и пр. Соматический код в русском лингвокультурном пространстве, представленном произведениями С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина, эксплицирован вербальными знаками тематической группы

«Части тела человека» *язык, голова, седина, борода, палец, кожа, щека, рот* и предикатом *отговорить*. Биоморфный код репрезентирован словоформами *роща, плод*, адъективами *берёзовый, ветловый, вербный, деревянный*, словосочетанием *яблонный цвет*, глаголом *облетать*. Взаимодействие предметного и биоморфного кодов культуры передаётся с помощью лексических единиц тематической группы «Артефакты (материальной и духовной культуры)» *перезвон, бусы, галуны, позорный столб* в сочетании с предложно-падежными конструкциями *по берёзкам, между сосен, между елей, меж берёз*, приложением *берёза-свечка*, сравнением *как песня*, а также словосочетанием *чешет елью*.

2. Описание образа дерева как элемента биоморфоного кода культуры предполагает, во-первых, определение и лингвокультурный анализ его вербальных средств через систему представлений о символических функциях дерева, его эталонных качествах, роли в календарно-обрядовом цикле. Во-вторых, учитывает три группы признаков: а) морфологию дерева; б) виды деревьев; в) деревья как компонент растительного массива.

Группа (а) морфология дерева включает вербальные знаки, объективирующие когнитивный признак «перечисление основных визуально наблюдаемых элементов морфологии дерева», *сук, ветка, почка, корни, цветок* и др.

В группу (б) виды деревьев входят фитонимы, объективирующих образ дерева в произведениях С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина, *берёза, верба, вишня, вяз, дуб, ель, ёлка, ива, калина, кедр, клён, липа, ольха, осина, ракета, рябина, сосна, тополь, черёмуха, яблоня* и т.д. Данные лексемы вербализуют следующие признаки онтологического мира: 1) деление на хвойные (словоформы *ель, сосна, пихта, кедр*) и лиственные (вербальные знаки *липа, осина, тополь, вяз, ива* и т.д.) деревья; 2) ареал произрастания (например, словоформы *ель* и *сосна* последовательно употребляются в языке поэзии авторов со словами, актуализирующими когнитивный признак

«произрастание в дикой природе», лексемы *тополь, липа, клён, ива, ветла, ракита* и др. объективируют когнитивный признак «ареал произрастания деревьев у дорог, водоёмов, жилищ»), 3) возможность иметь плоды (фитонимы *рябина, калина, вишня, яблоня, черёмуха* и т.д.).

Группа (в) деревья как компонент растительного массива вербализована лексическими единицами *лес, сад, дубрава, чаща, роща* и т.п. Их наличие указывает на описание образа дерева не только как единичного объекта онтологического мира, играющего ключевую роль в жизнедеятельности человека, но и как совокупности объектов, значимых для русской лингвокультуры.

3. Образ дерева относится к биоморфному коду культуры, в рамках которого происходит формирование основных когнитивных признаков данного образа. К их числу относятся:

- а) «представления о возрасте или размере растения (дерева)», объективированные адъективами *низкорослый, большой, крупный, мелкий, старый* и т.д., а также лексемами с семой «размер или возраст», имеющими аффиксы *-инк(а), -ц(о/е), -к(а)* (*деревинка, деревцо, берёзка* и др.);
- б) «основные визуально наблюдаемые элементы морфологии дерева», эксплицированные в произведениях С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина вербальными знаками *ствол, ветви, крона* и др.;
- в) «возможность выполнять функцию эталона» (Эталоном крепкости и мощи является в русской лингвокультуре дуб, а символом предательства и страха выступает осина), что объективировано синтаксическими конструкциями (*дубы столетние; дубы матёрые, вечные; дубравный дуб; кликуша осинушка; пугливая осинушка; Иудины осины; осина смотрит староверкой* и т.д.);
- г) «крепкость древесины растения», объективированная адъективами *матёрый, крепкий, толстый* и т.д.;

- д) «сопоставление дерева с материальными и духовными артефактами»: вербальные знаки *призрак, свеча, ситец, подойник, нота* и др.;
- е) «указание на длительность жизненного цикла растения (дерева)», эксплицированное композитами *долголетний, столетний*, адъективами *старый, молодой* и др.;
- ж) «маркер движения по временной оси», воплощённый при помощи имён существительных *весна, листопад, осень*, адъективов *зелёный, осенний, тёмный, листопадный*, предложно-падежных конструкций *в зелень, в августе*, предиката *вянуть* и т.д.;
- з) «произрастание в дикой и ассимилированной человеком природе (место произрастания)», эксплицированное ландшафтной лексикой (*дерево, холм, море, кочка, тростник, камень, сад*), предложно-падежными конструкциями (*ко деревьям, между деревьев, по дороге*), глаголами и глагольными формами, выражающими представления о хозяйственной деятельности человека, направленной на изменение природы (*поливать, подстригать*), а также предикативными частями сложных предложений (*Одних дерев моря / Уходят вдаль кольцом необозримым; Горели свечи, тёплый дождь, чуть слышен, / Стекал с деревьев, наводя дремоту, / Пезарский лебедь, сладостен и пышен, / Венчал малейшую весельем ноту*);
- и) «нахождение в пограничном локусе», воплощённое лексемами (*конь, призрак, вечное дерево*), – когнитивный признак, реализующийся только в контексте;
- к) «сопоставление дерева с человеком», объективированное фитонимами (*дерево, клён, берёза* и т.д.), лексемами тематической группы «Часть тела человека» (*нога, голова, волосья, коса* и др.), называющими человека или указывающими на него словоформами (*всадник, братец, я, вдова, жена* и т.п.), словами, эксплицирующими представления о психических состояниях человека (*слеза, бледный, страховито*), а

также синтаксическими конструкциями (*листопадные волосья, старый клён; клён на одной ноге; клён выходит; берёзки выстроились в ряд; как вдова; как жену чужую; берёзки – бледные белочки; я хочу, как дерево, стоять при дороге на одной ноге; как дерево роняет тихо листья, так я роняю грустные слова* и т.д.);

л) «совмещение положительных и отрицательных культурных оценок»;

м) «выполнение ключевой роли в календарно-обрядовом цикле».

Итак, образ дерева как одна из базовых единиц лингвокультуры в произведениях С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина вербализован с помощью лексических и синтаксических средств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. Образ относится к категориям ментального мира человека. Он сложно организован и опирается на ощущения, а также содержит характеристики познаваемых объектов реальной действительности, отличается схематичностью и отсутствием детализации. Познание окружающей действительности начинается с восприятий и ощущений, доступных человеку посредством сенсорной системы. Когда данные о познаваемом онтологическом объекте накапливаются в достаточной степени, возникает образ, который определяем как вербализованное восприятие предметного мира, фиксирующее фактуру, объём, пространственное положение познаваемого предмета.

Мы выделяем следующие признаки образа: 1) целостное представление объекта познания, формируемое посредством чувственности и означенности; 2) воспроизводимость в сознании человека; 3) интегральный признак, связанный с процессами категоризации; 4) превалирование визуального восприятия как при формировании, так и при вербализации образа; 5) соотношение с помощью образа абстрактных идей с конкретными хорошо познаваемыми объектами онтологического мира.

Выделенные признаки свидетельствуют о том, что в содержание образа включены чувственно познаваемые данные, субъективные интерпретации, зафиксированные в опыте этноса факты об объекте. Образ – это одно из средств передачи культурных установок, смыслов и коннотаций.

Установлено, что языковые образы возникают в ответ на языковой материал и выступают стимулом для его интерпретации. Они позволяют определить наличие или отсутствие языкового выражения в языковой памяти человека. Языковые образы способны формировать языковые ландшафты,

поскольку включаются в речемыслительную деятельность индивидуума в качестве фона. Данный вывод основан на концепции Б. М. Гаспарова, относительно языкового выражения образа.

2. Образ выступает одним из первичных источников информации о мире, социуме и человеке, а также является смысловым центром универсально-предметного кода, по которому осуществляется семиотическое преобразование предмета познания. Образ фиксирует и аккумулирует признаки объекта отологического мира, позволяет составить целостное представление о познаваемом феномене. Кроме того, образу присуща функция эталона: он выступает критерием для идентификации и последующего отнесения объектов к определённой категории. Как знак культуры образ транслирует совокупность основных признаков объекта, в силу чего он не может рассматриваться как однородный феномен. В него включены перцептивные и когнитивные образы.

Дифференцируя единицы лингвокультурологии и лингвокультуры, мы относим образ к числу базовых единиц лингвокультуры, в рамках которой язык рассматривается как план выражения, а образы (наряду с символами, мифологемами, культуруносными смыслами и культурными коннотациями) – план содержания.

3. Образы познаваемых объектов упорядочены в сознании человека. Они, будучи частью единиц лингвокультурологии – концептов, являются основой картины мира. Рассматриваемый ментальный феномен интерпретируется в современном языкознании как конструкт, аккумулирующий результаты взаимодействия человека с внешним и внутренним миром.

Образ мирового дерева квалифицируется нами как образ мира, преломлённый через этнокультурное восприятие и вербализованный знаками, которые передают (содержат) доминантные бинарные культурные смыслы. В поэтических текстах образ мирового дерева выступает моделью

мира, поскольку эксплицированные в языке основные бинарные противопоставления рассматриваются нами как параметры описания. К бинарным культурным признакам относятся: 1) характеристики пространства, воплощённые лексическими средствами *загробный мир, земля, небо, взметнуться, устремиться, верх и низ*; 2) временные координаты и цветовые схемы, реализующиеся вербальными знаками *сторона света, цвет, цветное дерево, из пупа вселенной, на пупе земном*; 3) признаки культурно-социального начала, которые представлены дифференциацией мужских и женских деревьев (*бадняк, граница*); 4) признаки отношения к «своему» и «чужому» миру, эксплицированные лексическими средствами *ясень, вяз, дуб, ель, ствол, крона, ветвь, корень, по ту сторону облаков, далеко на востоке, солнцева сторона* и т.д.

Образ мирового дерева, преломлённый через национально-культурное языковое сознание С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина, содержит следующие когнитивные признаки: 1) расположение на острове (*Есть остров – Великий Четверг*), в центре мира (*на пупе земном*), в раю или саду (*в хлебном раю, Голубого сада*); 2) связь с Сирином и Алконостом (*запоёт на ели Сирин, Алконостами слова, сиринный пух*); 3) связь с христианством (*Ангел, амини, Спасовый, белокрылый голубок*). В поэтических текстах указанных авторов рассматриваемый образ эксплицирован лексическими единицами *облачное древо, небесный кедр, небесный тополь, яблоня, вишня* и др. (в текстах С. Есенина), *Древо Жизни, древо зла, огненный дуб (баобаб), кипарис, древо песни, Ель Покоя, Дуб Покоя, словесное древо, золотые деревья, туча-ель* и др. (в языке поэзии Н. Клюева), *рождественская ель, разукрашенная ель, дубочек* (в произведениях М. Кузмина).

4. Образ дерева представлен обширным кругом средств актуализации с прямым значением (базовая лексема *дерево* и фитонимы *берёза, клён, дуб, вяз* и др.) и метонимическим значением – через элементы морфологии дерева (*ветвь, крона, корни, лист* и др.), состояния (*расти, отцвести, нагнуться,*

опрокинуться, стоять и др.), действия, производимые кем-либо в отношении дерева (*обнять, приветить и др.*).

В произведениях С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина образ дерева передаётся лексическими единицами (*дерево, ствол, ветви, крона, низкорослый, большой, крупный, мелкий, старый, матёрый, крепкий, толстый, долголетний, столетний, молодой, зелёный, осенний, тёмный, листопадный, холм, море, кочки, тростник, камень, сад и др.*), включающими слово- и формообразовательные средства (суффиксы *-инк(а), -ц(о/е), -к(а)* в *деревинка, деревцо, берёзка* и др.), синтаксическими конструкциями (*дубы столетние; дубы матёрые, вечные; дубравный дуб; кликуша осинушка; пугливая осинушка; Иудины осины; осина смотрит староверкой; листопадные волосья, старый клён; клён на одной ноге; клён выходит; берёзки выстроились в ряд; как вдова; как жену чужую; берёзки – бледные белочки; я хочу, как дерево, стоять при дороге на одной ноге; Как дерево роняет тихо листья, / Так я роняю грустные слова; Одних дерев моря / Уходят вдаль кольцом необозримым; Горели свечи, тёплый дождь, чуть слышен, / Стекал с деревьев, наводя дремоту, / Пезарский лебедь, сладостен и пышен, / Венчал малейшую весельем ноту и др.*). С помощью данных языковых средств эксплицируются базовые когнитивные признаки образа дерева: 1) «представления о возрасте или размере растения (дерева); 2) «основные визуально наблюдаемые элементы морфологии дерева»; 3) «возможность выполнять функцию эталона»; 4) «крепкость древесины растения»; 5) «сопоставление дерева с материальными и духовными артефактами»; 6) «указание на длительность жизненного цикла растения (дерева)»; 7) «маркер движения по временной оси»; 8) «произрастание в дикой и ассимилированной человеком природе (место произрастания)»; 9) «нахождение в пограничном локусе»; 10) «сопоставление дерева с человеком»; 11) «совмещение положительных и отрицательных культурных оценок»; 12) «выполнение ключевой роли в календарно-обрядовом цикле».

5. В поэтических текстах носителей русской лингвокультуры С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина отображена система представлений о символических функциях дерева, его эталонных качествах, культурных смыслах и коннотациях, связанных с ним.

Образ дерева в языковом сознании носителей русской лингвокультуры С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина имеет универсальные (визуальные параметры идентификации дерева, его пространственные характеристики и др.), этноспецифичные (описание дерева как одушевлённого существа, символа родного края, воплощения мировидения этноса) и индивидуально-авторские признаки (нахождение дерева в пограничном локусе, нивелирование закреплённых за ним негативных культурных коннотаций). Перечисленные когнитивные признаки вербализованы посредством базовых метафорических моделей. К их числу относятся:

а) модель «вещество → дерево» в сочетаниях *златохвойный сад, роц позолота, пурпур ягод, в дубраве ... смарагдов, меди*, один из компонентов которых (лексические единицы *пурпур, злато, позолота, смарагды, медь*) объективирует область источника, т.е. вещество, а другой (словоформы *сад, роци, ягоды, дубрава*) – область цели, т.е. дерево;

б) модель «явление природы → дерево» (*листьями звёзды льются; пуца развихрит листы; луч ныряет в хвои, в зыбь ветвей; звезды спадут, как листвие*). Вербальные знаки *звёзды, пуца, луч* объективируют область источника – явление природы, а словоформы *листья (листвие), хвоя, ветви* являются указанием на область цели – дерево;

в) модель «человек → дерево», которая воплощена вербальными знаками *мать голубая осина; в шугаях осины умильней причастниц-старух; утомилась осина вязать бахрому; как кручинная кручинушка, та пугливая осинушка, шумит-поёт по осени, ронит листья-слёзы*, где область источника эксплицируется как словами (*мать, пугливый, в шугаях*) и синтаксическими конструкциями (*утомилась вязать, как кручинная кручинушка, шумит-поёт*

песню, ронит листья-слёзы), а область цели передаётся лексемой *осина* (*осинушка*).

Образ дерева как фрагмент биоморфного кода описан в двух аспектах:

1) определены и проанализированы вербальные средства объективации образа дерева сквозь призму лингвокультурных представлений о его роли в различных сферах деятельности человека. Выявлено, что образ дерева эксплицирован через систему представлений о его символических функциях (дуб – символ крепости и мощи; берёза – символ России; осина – символ предательства и т.д.), эталонных качествах (яблоня как эталон красоты), роли в календарно-обрядовом цикле (клён как природный оберег от нечистой силы, материал для производства культовых артефактов);

2) выявлены и изучены три группы признаков (морфология дерева; виды деревьев; деревья как компонент растительного массива). Морфология дерева актуализирована в текстах С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина вербальными знаками *сук, ветка, почка, корни, цветок* и др., которые объективируют когнитивный признак «перечисление основных визуально наблюдаемых элементов морфологии дерева». Виды деревьев эксплицированы фитонимами *берёза, верба, вишня, вяз, дуб, ель, ёлка, ива, калина, кедр, клён, липа, ольха, осина, ракета, рябина, сосна, тополь, черёмуха, яблоня* и др., которые вербализуют следующие когнитивные признаки онтологического мира: 1) деление на хвойные (словоформы *ель, сосна, пихта, кедр*) и лиственные (вербальные знаки *липа, осина, тополь, вяз, ива* и т.д.) деревья; 2) ареал произрастания (дикорастущие деревья выражены лексемами *ель* и *сосна*, а окультуренные – лексемами *тополь, липа, клён, ива, ветла, ракета* и др.), 3) возможность иметь плоды (слова *рябина, калина, вишня, яблоня, черёмуха* и т.д.). Деревья как компонент растительного массива представлены лексическими единицами *лес, сад, дубрава, чаща, роща* и др., которые актуализируют представление об образе дерева как совокупности значимых для русской лингвокультуры объектов.

Итак, образ дерева – это базовая единица русской лингвокультуры, эксплицированная широким кругом лексических единиц и синтаксических конструкций. Однако приведённое в диссертационном исследовании описание образа дерева не является исчерпывающим, дальнейшие пути анализа рассматриваемого образа будут способствовать его последующей систематизации. Перспективным в дальнейших исследованиях является изучение образа дерева в других языковых сферах (в научном и публицистическом жанрах, языке устного-народного творчества, художественных текстах других авторов и временных эпох, языке современного медиапространства, ареальной лингвистике).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Алефиренко Н. Ф.* Картина мира и этнокультурная специфика слова / Н. Ф. Алефиренко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2009. – №4. – Т. 14. – С. 5 – 9.
2. *Алефиренко Н. Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебн. пособие / Н. Ф. Алефиренко – М. : Флинта, Наука, 2010. – 224 с.
3. *Алефиренко Н. Ф.* Научное и обыденное в языковой картине мира / Н. Ф. Алефиренко // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 24 (239). – Вып. 57. – С. 11 – 14.
4. *Алефиренко Н. Ф.* Семантика языкового знака в когнитивно-дискурсивном освещении / Н. Ф. Алефиренко // Известия Волгоградского педагогического университета. – 2006. – № 3. – С. 3 – 7.
5. *Алефиренко Н. Ф.* Спорные проблемы семантики : монография / Н. Ф. Алефиренко – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
6. *Амичба Д. П.* Лингвокультурологическое выражение смысла и значения «общечеловеческого» в ментальных образах абхазов, русских, украинцев (на материале фразеологии) : монография / Д. П. Амичба. – Д. : Изд-во ДНУ, 2012. – 288 с.
7. *Араратян М. Г.* Метонимия как образная составляющая концепта / М. Г. Араратян // Vita in lingua : К юбилею профессора С. Г. Воркачева : [сборник статей] ; отв. ред. В. И. Карасик. – Краснодар : Атриум, 2007. – С. 7 – 11.

8. *Аристотель* Сочинения [В 4-х т.]. / Аристотель. – М. : «Мысль», 1976 – (АН СССР. Ин-т философии. Филос. наследие).
Т. 1. / Ред. В. Ф. Асмус. – 1976. – 550 с; 1 л. портр.
Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. – 1983. – 830 с.
9. *Арутюнова Н. Д.* Аномалии и язык (К проблеме языковой “картины мира”) / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3 – 19.
10. *Афанасьев А. Н.* Славянская мифология / А. Н. Афанасьев – М. : Эксмо ; Спб. : Мидгард, 2008. – 1520 с.
11. *Бабушкин А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : автореф. дисс. ... д. филол. наук / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1997. – Режим доступа к автореферату : <http://www.dissercat.com/content/typy-kontseptov-v-leksiko-frazeologicheskoi-semantike-yazyka-ikh-lichnostnaya-i-natsionalnay>
12. *Багаутдинова Г. А.* Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты : автореф. дисс. ... д. филол. наук / Г. А. Багаутдинова. – Казань, 2007. – Режим доступа к автореферату : <http://cheloveknauka.com/chelovek-vo-frazeologii>
13. *Баксанский О. Е.* Современный когнитивный подход к категории “образ мира” (методологический аспект) / О. Е. Баксанский, Е. Н. Кучер // Вопросы философии. – 2008. – № 8. – С. 52 – 69.
14. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – 424 с. – (Из истории сов. эстетики и теории искусства).
15. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. / М. М. Бахтин. – М. : «Худож. лит.», 1975. – 504 с.

16. *Беляевская Е. Г.* К проблеме конструирования языковых образов / Е. Г. Беляевская // Вестник МГЛУ. – 2011. – № 627. – С. 24 – 32.
17. *Блинова О. И.* Мотивология и ее аспекты / О. И. Блинова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – 394 с.
18. *Блэк М.* Метафора / М. Блэк // Теория метафоры : Сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 153 – 172.
19. *Болдырев Н. Н.* Антропоцентричность языка с позиций разных культур / Н. Н. Болдырев // Материалы III международной научной конференции «Филология и культура» [В 3-х ч.]. Ч. 1. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2001. – С. 15 – 20.
20. *Болдырев Н. Н.* Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке / Н. Н. Болдырев // Филологические науки. – 2001. – № 4. – С. 79 – 86.
21. *Болдырев Н. Н.* Концептуально-тематические области языковой картины мира и их интерпретирующая функция / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. XVII. Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – С. 33 – 39.
22. *Брутян А. Г.* Язык и картина мира / А. Г. Брутян // Научные труды высшей школы. Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108 – 109.
23. *Бубнова И. А.* Человек говорящий как объект и предмет современных интегративных исследований: нео-психолингвистика и психолингвокультурология / И. А. Бубнова, В. В. Красных // STRUCTURES and FUNCTIONS : Studies of Russian Linguistics. – 2016. – Vol. II-2. – С. 7 – 25.

24. *Бэкон Ф.* Сочинения [В 2-х т.] / Ф. Бэкон ; сост., общая ред. и вступит, статья Л. Л. Субботина. – М. : «Мысль», 1971 – (АН СССР. Ин-т философии. Философ, наследие.).
Т. 1. – 1971. – 590 с.
Т. 2. – 1972. – 582 с.
25. *Вайсгербер Й. Л.* Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер ; Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с. – (История лингвофилософской мысли). ISBN 5-354-00843-3
26. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая ; Пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
27. *Вежбицкая А.* Сравнение – градация – метафора / А. Вежбицкая // Теория метафоры : Сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 133 – 152.
28. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; Пер. с англ. Отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с. ISBN 5-89216-002-5.
29. *Верещагин Е. М.* Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1980. – 320 с.
30. *Верещагин Е. М.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров ; Под редакцией и с послесловием академика Ю. С. Степанова. – М. : «Индрик», 2005. – 1040 с.
31. *Виноградов В. В.* Избранные труды. Поэтика русской литературы / В. В. Виноградов ; Под ред. М. П. Алексеева, А. П. Чудокова. – М. : «Наука», 1976. – 512 с.

32. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов ; Под. ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.
33. *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М. : Учпедгиз, 1959. – 492 с. – (Академия наук СССР. Отделение литературы и языка).
34. *Витгенштейн Л. И.* Логико-философский трактат / Л. И. Витгенштейн. – М. : «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2008. – 288 с.
35. *Воркачев С. Г.* *Anglica selecta* : избранные работы по лингвоконцептологии : монография / С. Г. Воркачев. – Волгоград : Парадигма, 2012. – 205 с.
36. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64 – 72.
37. *Воркачев С. Г.* Что есть человек и что польза его: идея смысла жизни в лингвокультуре: монография / С. Г. Воркачев. – Волгоград : Парадигма, 2011. – 203 с.
38. *Воробьев В. В.* Лингвокультурология : монография / В. В. Воробьев. – М. : РУДН, 2008. – 336 с.
39. *Воробьев В. В.* Триада язык – культура – личность как основа современной лингвокультурологии / В. В. Воробьев, Е. А. Морозкина, Ф. Г. Фаткуллина // Вестник Башкирского университета. – 2016. – Т. 21-2. – С. 355 – 359.
40. *Гайдамашко Р. В.* О севернорусской лексике финно-угорского происхождения в пермских говорах (на материале тематической группы «ландшафт») / Р. В. Гайдамашко // Севернорусские говоры. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2012. – № 12. – С. 181 – 205. ISSN: 0134-8515.

41. *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : «Новое литературное обозрение», 1996. – 352 с.
42. *Гегель* Работы разных лет [В 2-х т.] / Гегель ; сост., общая ред. и вступит, статья А. В. Гулыги. – М. : «Мысль», 1970 – (АН СССР. Ин-т философии. Философ, наследие).
Т. 1. – 1970. – 668 с; 1 л. портр.
Т. 2. – 1971. – 630 с.
43. *Гегель* Энциклопедия философских наук [В 3-х т.] / Гегель ; отв. ред. Е. П. Ситковский. Ред. коллегия: Б. М. Кедров и др. – М. : «Мысль», 1974 –. – (АН СССР. Ин-т философии. Филос. наследие).
Т 2. : Философия природы. – 1975. – 695 с.
44. *Герасименко И. А.* Семантика русских цветообозначений : монография / И. А. Герасименко. – Горловка : Изд-во ГГИИЯ, 2010. – 440 с. – Текст : рус.
45. *Герасименко И. А.* Средства вербализации цветовой картины мира (на материале произведения М. Булгакова «Белая гвардия») / И. А. Герасименко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русский и иностранные языки методика преподавания. – 2015. – № 2. – С. 30 – 36.
46. *Герасименко И. Е.* Лингвокультурология как комплексная научная парадигма / И. Е. Герасименко // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2012. – № 3-2 (23). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologiya-kak-kompleksnaya-nauchnaya-paradigma>
47. *Гоббс Т.* Сочинения [В 2 т.] / Т. Гоббс ; пер. с лат. и англ.; Сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Соколов. – М. : «Мысль», 1989 – (Филос. наследие).
Т. 1. – 1989. – 622, [2] с., 1 л. портр.

48. *Голуб И. Б.* Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 3-е изд., испр. – М. : Рольф, 2001. – 448 с.
49. *Гончарова Н. Н.* Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н. Н. Гончарова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 396 – 405.
50. *Гукетлова Ф. Н.* Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков): автореф. дисс. ... д. филол. наук / Ф. Н. Гукетлова. – М. : 2009. – Режим доступа к автореферату : <http://cheloveknauka.com/zoomorfnyy-kod-kultury-v-yazykovoy-kartine-mira>
51. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. яз., под ред. и с предисл. д. филол. н., проф. Г. В. Рамишвили. – М. : «Прогресс», 1984. – 400 с.
52. *Даниленко В. П.* Методы лингвистического анализа : курс лекций / В. П. Даниленко. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 280 с.
53. *Даниленко В. П.* Языковая картина мира в гипотезе Сепира-Уорфа / В. П. Даниленко // Персональный сайт профессора В. П. Даниленко. – Режим доступа к статье: <http://old.islu.ru/danilenko/articles/sepirkart.htm>
54. *Даниленко В. П.* Языковая картина мира в теории Л. Вайсгербера / В. П. Даниленко // Филология и человек. – 2009. – № 1. – Режим доступа к статье: <http://old.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm>
55. *Декарт Р.* Сочинения [В 2 т.] / Р. Декарт ; [пер. с лат. и франц.] сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М. : «Мысль», 1989. – (Филос. наследие).
Т. 1. – 1989. – 654, [2] с, 1 л. портр.
Т. 2. – 1994. – 633, [2] с, 1 л. портр.: ил.
56. *Демьянков В. З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX в. / В. З. Демьянков // Язык и наука конца XX в. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 239 – 320.

57. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17 – 33.
58. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественном литературном и научном языке / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35 – 47.
59. Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / В. З. Демьянков // Язык как материя смысла : Сб. статей в честь академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2007. – С. 606 – 622.
60. Дмитриева Ю. Л. Краткая историография лингвокультурного понятия «картина мира» / Ю. Л. Дмитриева // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. / ОО ВПО «Горловский ин-т иностр. языков»; Редкол.: С. А. Кочетова и др. – Вып. 2(28). Языкознание. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 248 – 254.
61. Дмитриева Ю. Л. Образ как фрагмент отображения онтологического мира / Ю. Л. Дмитриева // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция (8-11 июня 2016 г.): сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т. 1. – С. 381 – 385.
62. Дмитриева Ю. Л. Образ мирового дерева сквозь призму русской лингвокультуры / Ю. Л. Дмитриева, И. А. Герасименко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – М. : Изд-во РУДН, 2015. – № 4. – С. 16 – 22 (в соавторстве).
63. Дмитриева Ю. Л. Образно-ассоциативный компонент концепта 'БЕРЕЗА' (на материале произведений С. Есенина) / Ю. Л. Дмитриева // Лингвистический вестник: сб. науч. тр.; [науч. ред.

- И. А. Герасименко]. – К. : Издательский дом Дмитрия Бурого, 2014. – Вып. 1. – С. 64 – 69.
64. *Дмитриева Ю. Л.* Образно-ассоциативный компонент концепта ‘ВЕРБА’ / Ю. Л. Дмитриева // Східнослов’янська філологія. – Мовознавство. Вип. 25. / Горлівський ін.-т іноземних мов; Донецький нац. ун-т. Редкол.: С. О. Кочетова та інш. – Горлівка : Видавництво ГІМ ДВНЗ «ДДПУ», 2013. – С. 89 – 96.
65. *Дмитриева Ю. Л.* Образный компонент концепта ‘МИРОВОЕ ДЕРЕВО’ / Ю. Л. Дмитриева // Актуальные вопросы русской филологии: теория, методика, перевод: Материалы Международной научной конференции. (10-11 апреля 2014 г.) КНЛУ, г. Киев: сб. материалов / Редкол. Брицын В. М., Матвиенко О. В., Серякова И. И. и др.; Отв. ред. И. А. Сеница. – К. : Изд. центр КНЛУ, 2014. – С. 55 – 56.
66. *Дмитриева Ю. Л.* Понятийный и образный компоненты концепта ‘МИРОВОЕ ДЕРЕВО’ / Ю. Л. Дмитриева // Сучасні лінгвістичні парадигми : Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Сучасні лінгвістичні парадигми» (19 марта 2014 г.). – Горлівка : Видавництво ПП «Колегія». – С. 100 – 104.
67. *Дмитриева Ю. Л.* Содержательные формы концепта ‘МИРОВОЕ ДЕРЕВО’ / Ю. Л. Дмитриева // Вісник наукового студентського товариства Горлівського інституту іноземних мов : зб. наук. пр. – Горлівка : Вид-во ГІМ ДВНЗ «ДДПУ», 2014. – Вип. 40, ч. 1 : Мовознавство. – С. 84 – 88.
68. *Дмитриева Ю. Л.* Содержательные формы концепта ‘МИРОВОЕ ДЕРЕВО’ в русской лингвокультуре / Ю. Л. Дмитриева // Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтнического региона: Материалы I Международной научной конференции. (5-7 ноября 2014 г.) / Под общ. ред. Е. А. Жуковой,

- И. В. Ковтуненко, Е. В. Маслаковой, О. М. Холومهенко. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2014. – С. 132 – 135.
69. *Дмитриева Ю. Л.* Соотношение понятий «картина мира», «образ мира» и «модель мира» / Ю. Л. Дмитриева // Восточнославянская филология. – Языкознание. Вып. 3(29) / ОО ВПО «Горловский ин.-т иностранных языков». Редкол.: С. А. Кочетова и др. – Горловка : Издательство ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 192 – 202.
70. *Дмитриева Ю. Л.* Термин «образ» сквозь призму современных подходов к языку / Ю. Л. Дмитриева // Материалы XVI Международной конференции молодых учёных «Современные исследования языка и литературы» (25 марта 2016 г.) / [Под ред. О. Л. Бессоновой]. – Донецк : ДонНУ, 2016. — С. 30 – 33.
71. *Дмитриева Ю. Л.* Фитоморфный код русской лингвокультуры (на материале произведений С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина). / Ю. Л. Дмитриева // Чтения молодых учёных : материалы Республ. очно-заочной науч.-практ. конф. (27-28 апреля 2017 г.). – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2017. – С. 124 – 126.
72. *Дмитриева Ю. Л.* Языковое воплощение образа дерева (на материале произведений С. Есенина, М. Кузмина, Н. Клюева) / Ю. Л. Дмитриева // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: Сборник статей XVI Всероссийской научно-практической конференций молодых учёных с международным участием. РУДН (22 апреля 2016 г.). – М. : Изд-во РУДН, 2016. – С. 129 – 132.
73. *Дмитрієва Ю.Л.* Образно-асоціативний компонент концепту 'ДЕРЕВО' / Ю.Л. Дмитрієва // Вісник студентського наукового товариства : Зб. наук. пр. : – Горлівка : Вид-во ГІМ ДВНЗ «ДДПУ», 2013. – Вип. 36, ч. 1. : Мовознавство. – С. 104 – 108.
74. *Дормидонтова О. А.* Коды культуры и их участие в создании языковой картины мира (на примере гастрономического кода в русской и

- французской лингвокультурах) / О. А. Дормидонтова // Вестник ТГУ. – 2009. – № 9. – С. 201 – 205.
75. *Дяговец И. И.* Из записок по русскому синхроническому синтаксису / И. И. Дяговец. – Харьков : Водний спектр Жи-Ем-Пи, 2016. – 218 с.
76. *Дяговец И. И.* Об одном сквозном образе в лирике С. А. Есенина / И. И. Дяговец. // Рус. яз. в школе. – 1990. – № 5. – С. 69 – 72.
77. *Евзлин М.* Дерево потенциальных миров / М. Евзлин. // *Studia Mythologica Slavica*. – 2006. – IX. – С. 225 – 242.
78. *Евсюкова Т. В.* Лингвокультурология : учебник / Т. В. Евсюкова, Е. Ю. Бутенко. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 480 с.
79. *Жинкин Н. И.* О кодах перехода во внутренней речи / Н. И. Жинкин. // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26 – 38.
80. *Залевская А. А.* Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к её исследованию / А. А. Залевская // Языковое сознание и образ мира. Сб. статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – Режим доступа к статье: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-5.html
81. *Зализняк А. А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира : Сб. ст. / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 544 с. – (Язык. Семиотика, Культура).
82. *Зыкова И. В.* «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии / И. В. Зыкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 2 (43). – С. 13 – 24.
83. *Иванников В. А.* Основы психологии. Курс лекций / В. А. Иванников. – СПб. : Питер, 2010. – 336 с. : ил. – (Серия «Мастера психологии»). ISBN 978-5-49807-757-4
84. *Иванова С. В.* Лингвокультурология : проблемы, поиски, решения : монография / С. В. Иванова, З. З. Чанышева. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. – 366 с.

85. *Илюхина Н. А.* Метафорический образ в семасиологической интерпретации : монография / Н.А. Илюхина. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 320 с.
86. *Исаев Ю. Н.* Фитонимы как составная часть языковой картины мира / Ю. Н. Исаев // Вестник ЧГУ. – 2012. – № 1. – С. 229 – 231.
87. *Калинкин В. М.* Поэтика онима : монография / В. М. Калинин. – Донецк : 1999. – 408 с.
88. *Кант И.* Сочинения [В 6-ти т.] / И. Кант ; под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М. : «Мысль», 1963 – (Философское наследие. Акад. наук СССР. Ин-т философии).
Т. 1. – 1963. – 543 с.
Т. 4 : Ч. 1. – 1965. – 544 с.
89. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
90. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
91. *Кассирер Э.* Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры: Сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. – М. : Прогресс, 1990. – С. 33 – 43.
92. *Климкова Л. А.* Нижегородская микропонимия в языковой картине мира: автореф. дисс. ... д. филол. наук / Л. А. Климкова. – М., 2008. – 66 с.
93. *Ковшова М. Л.* Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) : автореф. дисс. ... д. филол. наук / М. Л. Ковшова. – М. : 2009. – Режим доступа к автореферату : <http://cheloveknauka.com/semantika-i-pragmatika-frazeologizmov>

94. *Колесов В. В.* Концептология : учебное пособие / В. В. Колесов, М. В. Пименова ; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2012. – 248 с.
95. *Колесов В. В.* Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2006. – 624 с.
96. *Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский ; Отв. ред. д. филол. наук А. М. Шахнарович. – М. : Академия наук СССР: Ин-т языкознания, 1990. – 107 с.
97. *Корнилов О. А.* Языковая картина мира как производная национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
98. *Кочетова С. А.* Литературно-критическое творчество русских писателей-модернистов : жанрология, композиция, ритм, стиль / С. А. Кочетова. – Донецк : Норд-Прес, 2006. – 240 с.
99. *Кочетова С. А.* Эстетика и поэтика писательской критики русских модернистов конца XIX – начала XX столетий : учебн. пос. / С. А. Кочетова. – Горловка : Изд-во ГГПИИЯ, 2009. – 344 с.
100. *Кравцова Ю. В.* Метафорическое моделирование мира : поэзия и проза / Ю. В. Кравцова. – К. : Изд-во НПУ им. М. П. Драгоманова, 2011. – 360 с.
101. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
102. *Красных В. В.* Культура, культурная память и лингвокультура : их основные функции и роль в культурной идентификации / В. В. Красных // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Серия «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». – 2012. – № 3. – С. 67 – 74.
103. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология как конститuentы новой научной парадигмы / В. В. Красных // Междунар.

- сб. науч. трудов «Сфера языка и прагматика речевого общения. К 65-летию фак-та РГФ Кубанского гос. университета». Кн. 1. – Краснодар : 2002. – С. 204 – 214.
104. *Красных В. В.* Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? / В. В. Красных // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 122 – 130.
105. *Кубрякова Е. С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира. / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М. : Наука, 1988. – С. 141 – 172.
106. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова // Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
107. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; [пер. с англ.] под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
108. *Ларионова М. Ч.* Теория и практика анализа литературных образов в аспекте культурной памяти / М. Ч. Ларионова // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»: коллект. монография / отв. ред. А. П. Деревянко, В. А. Тишков. – М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2015. – С. 482 – 487.
109. *Лейбниц Г. В.* Сочинения [В 4-х т.] / Г. В. Лейбниц ; ред., авт. вступ. статьи и примеч. И. С. Нарский. – Т. 2. – М. : «Мысль», 1983. – 686 с. – (Филос. наследие).

110. *Леонтьев А. Н.* Образ мира / А. Н. Леонтьев // Избр. психологические произведения. – М. : Педагогика, 1983. – С. 251 – 261.
111. *Лосев А. Ф.* Проблемы художественного стиля / А. Ф. Лосев. – К. : «Collegium», «Киевская Академия Евробизнеса», 1994. – 288 с.
112. *Лотман Ю.М.* Семиосфера / Ю. М. Лотман. – С.-Петербург : «Искусство – СПб», 2010. – 704 с. ISBN 978-5-210-01562-4.
113. *Лотман Ю. М.* Несколько мыслей о типологии культур / Ю. М. Лотман // Языки культуры и проблемы переводимости. / Отв. ред. Б. А. Успенский. – М. : Наука, 1987. – 251 с.
114. *Макеева Н. С.* Роль образного компонента в формировании структуры концепта (на примере концепта «богатство») / Н. С. Макеева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 93. – С. 200 – 202.
115. *Маклаков А. Г.* Общая психология / А. Г. Маклаков. – СПб. : Питер, 2001. – 592 с. : ил. – (Серия «Учебник нового века»). ISBN 5-272-00062-5
116. *Манаенко Г. Н.* Событие – факт – оценка / Г. Н. Манаенко // Язык. Текст. Дискурс : Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г. Н. Манаенко. – Вып. 12. Ч. 1. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2014.
117. *Манаенко Г. Н.* Соотношение концепт – значение языкового выражения / Г. Н. Манаенко // Научный диалог. – Вып. № 3. – Екатеринбург, 2012. – С. 24 – 32.
118. *Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика : учебное пособие / В. А. Маслова. – Мн. : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
119. *Маслова В. А.* Лингвокультурология [Электронный ресурс]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : «Академия», 2001. – 208 с.

120. *Маслова В. А.* Homo lingualis в культуре / В. А. Маслова. – М. : Гнозис, 2007. – 319 с.
121. *Мокиенко В. М.* Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – 3-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 464 с. ISBN 978–5–9765–0015–0 (Флинта); ISBN 978–5–02–034541–6 (Наука)
122. *Неганова Г. Д.* Ландшафтная лексика в произведениях писателей XIX века, связанных с костромским краем / Г. Д. Неганова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2008. – Т. IV. – № 3. – С. 199 – 210.
123. *Никитина Л. Б.* Языковая картина мира и основные черты языковой концептуализации действительности / Л. Б. Никитина // Картина мира : язык, литература, культура : Сб. науч. статей. / Отв. ред. М. Г. Шкуропацкая. – Бийск : РИО БПГУ им. В. М. Шукшина, 2006. – Вып. 2. – С. 42 – 47.
124. *Никитина Л. Б.* Языковой образ-концепт: о природе сложного термина / Л. Б. Никитина // Вестник ЧелГУ. – 2011. – № 24. – С. 97 – 99.
125. *Ольшанский И. Г.* Лингвокультурология в конце XX в. : Итоги, тенденции, перспективы / И. Г. Ольшанский // Лингвистические исследования в конце XX в. : Сб. обзоров / Исслед. отдела языкознания ; Редколл. : Березин Ф. М., отв. ред. и др. – М., 2000. – С. 26 – 55. – (Сер.: "Теория и история языкознания"). ISBN 5-248-01339-9.
126. *Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры / Х.Ортега-и-Гассет // Теория метафоры : Сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 68 – 81.

127. *Панов Е. Н.* Знаки, символы, языки / Е. Н. Панов. – 2-е изд., доп. – М. : Знание, 1983. – 248 с. – (Библиотека «Знание»).
128. *Петров А. В.* Деривационные отношения между фразеологизмом и словом / А. В. Петров // Культура народов Причерноморья. – 2003. – № 40. – С. 164 – 169.
129. *Петров А. В.* Предикатно-актантные поля в русском языке : монография / А. В. Петров. – Симферополь : Симферопольская гор. типография, 2012. – 320 с.
130. *Петрова Л. А.* Когнитивные ассоциации в художественной картине мира Н. А. Тэффи / Л. А. Петрова // Картина мира: язык, литература, культура : Сб. научных статей. Вып. 2. / Отв. ред. М. Г. Шкуропацкая. – Бийск : РИО БПГУ им. В. М. Шукшина, 2006. – С. 387 – 390.
131. *Петрова Л. А.* Художественная картина мира в русском сатирико-юмористическом нарративе начала XX столетия : дисс. ... д. филол. наук / Л. А. Петрова. – Киев, 2008. – 417 с.
132. *Пименова М. В.* Введение в концептуальные исследования : учеб. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Кемерово : КемГУ, 2009. – 160 с. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 5).
133. *Пименова М. В.* Концептуальные исследования и национальная ментальность / М. В. Пименова // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 4 (28). – С. 126 – 132.
134. *Пименова М. В.* Терминология когнитивной лингвистики: концептуальная система и концептуальная картина мира / М. В. Пименова // Термінологічний вісник. – 2013. – Вип. 2. – С. 126 – 134.

135. *Пирс Ч. С.* Избранные философские произведения. Пер. с англ. / Ч. С. Пирс ; Перевод К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – М. : Логос, 2000. – 448 с. ISBN 5–8163–0014–8
136. *Пирс Ч. С.* Что такое знак? / Ч. С. Пирс // Вестник Томского государственного университета : Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3 (7). – С. 88 – 95.
137. *Платон* Собрание сочинений [в 4 т.] / Платон ; общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; Авт. вступит, статьи А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М. : «Мысль», 1990. – (Филос. наследие).
Т. 1. – 1990. – 860, [2] с.
Т. 3. – 1994. – 654, [2] с.
138. *Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 314 с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
139. *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира. / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М. : Наука, 1988. – С. 8 – 69.
140. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня // Хрестоматия по истории русского языкознания [Под ред. Ф. П. Филина.] : учебн. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. – М. : «Высш. школа», 1973. – С. 213 – 239.
141. *Потебня А. А.* Мысль и язык / А. А. Потебня // Хрестоматия по истории русского языкознания [Под ред. Ф. П. Филина.] : учебн. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. – М. : «Высш. школа», 1973. – С. 207 – 213.
142. *Потебня А. А.* Психология поэтического и прозаического мышления / А. А. Потебня // Хрестоматия по истории русского

- языкознания [Под ред. Ф. П. Филина.] : учебн. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. – М. : «Высш. школа», 1973. – С. 239 – 253.
143. *Приходько А. Н.* Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. – Днепропетровск : Белая Е. А., 2013. – 307 с.
144. *Проскурин С. Г.* Мифопоэтический мотив “мирового дерева” в древнеанглийском языке и англосаксонской культуре (концептуальный анализ / С. Г. Проскурин // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М. : Наука, 1991. – С. 124 – 129.
145. *Радченко О. А.* Языковая картина мира или языковое мирозидание? (К вопросу о постулатах Л. Вайсгербера) / О. А. Радченко // Известия АН СССР. – Серия: Лит. и язык. – 1990. – Т. 49. – № 5. – С. 444 – 450.
146. *Ракитина С. В.* Соотношение понятий «картина мира», «модель мира», «образ мира», «научная картина мира», «языковая картина мира» / С. В. Ракитина // Картина мира : язык, литература, культура : Сб. науч. статей. / Отв. ред. М. Г. Шкуропацкая. – Бийск : РИО БПГУ им. В. М. Шукшина, 2006. – Вып. 2. – С. 118 – 124.
147. *Рахилина Е. В.* Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты / Е. В. Рахилина // Семиотика и информатика. – 1998. – Вып. 36. – С. 274 – 323.
148. *Рожнина Я. Н.* Языковой образ как единица анализа и интерпретации смысла художественного текста / Я. Н. Рожнина // Вестник ЧелГУ. – 2009. – № 39. – С. 131 – 136.
149. *Розенталь Д. Э.* Справочник по правописанию и стилистике / Д. Э. Розенталь. – М. : ИК «Комплект», 1997. – Режим доступа к справочнику: <http://rosental-book.ru/>

150. *Розенталь Д. Э.* Справочник по русскому языку. Практическая стилистика / Д. Э. Розенталь. – М. : Издательский дом «ОНИКС 21 век» : Мир и образование, 2001. – 381 с.
151. *Розенфельд М. Я.* Перцептивный образ в структуре значения слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Я. Розенфельд. – Воронеж, 2008. – 23 с.
152. *Рубцов И. Н.* Семантические поля как способ реализации языковой картины мира / И. Н. Рубцов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2001. – № 60. – С. 231 – 236.
153. *Русская грамматика.* В 2-х т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – 792 с. – (Академия наук СССР. Институт русского языка).
154. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1994. – 608 с.
155. *Рылов Ю. А.* Аспект языковой картины мира : итальянский и русский языки / Ю. А. Рылов. – М. : Гнозис, 2006. – 203 с.
156. *Сабитова З. К.* Лингвокультурология [Электронный ресурс] : учебник / З. К. Сабитова. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 524 с.
157. *Селіванова О. О.* Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: підручник / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2008. – 712 с.
158. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии : Пер. с англ. / Э. Сепир ; Общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кубрика. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с. – (Филологи мира).
159. *Серебренников Б. А.* Как происходит отражение картины мира в языке? / Б. А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира. / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М. : Наука, 1988. – С. 87 – 107.

160. *Серебренников Б. А.* Язык отражает действительность или выражает её знаковым способом? / Б. А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира. / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М. : Наука, 1988. – С. 70 – 86.
161. *Сиднева С. А.* Растительный код в новогреческом фольклоре : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.14 – классическая филология, византийская и новогреческая филология / С. А. Сиднева. – М., 2008. – 161 с.
162. *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты : дисс. ... д. филол. наук : спец. : 10.02.19 «Теория языка» / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 316 с.
163. *Солсо Р.* Когнитивная психология / Р. Солсо. – 6-е изд. – СПб. : Питер, 2011. – 589 с. : ил. – (Серия «Мастера психологии»). ISBN 978-5-4237-0275-5
164. *Степанов Ю. С.* В трёхмерном пространстве языка : Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1985. – 355 с.
165. *Степанов Ю. С.* Концепты. Тонкая плёнка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 246 с.
166. *Стернин И. А.* Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1979. – 157 с.
167. *Супрун А. Е.* Принципы сопоставительного изучения лексики / А. Е. Супрун // Методы сопоставительного изучения языков. – М. : Наука, 1988. – С. 26 – 31.
168. *Тарасов Е. Ф.* Язык как средство трансляции культуры / Е. Ф. Тарасов // Язык как средство трансляции культуры. – М. : Наука, 2000. – С. 45 – 53.

169. *Телия В. Н.* Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М. : Наука, 1988. – С. 173 – 204.
170. *Теория литературы* : учебн. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: [В 2 т.] / Под ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. –
Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – 2004. – 512 с.
Т. 2 : Историческая поэтика. – 2004. – 368 с.
171. *Теркулов В. И.* Номинатема : опыт исследования и описания / В. И. Теркулов / Научн. редактор М. В. Пименова. – Горловка : ГГПИИЯ, 2010. – 228 с. – (Серия «Знак – Сознание – Знание» – Вып. 1).
172. *Теркулов В. И.* Фразеологизм и номинатема / В. И. Теркулов // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. – 2012. – № 4. – С. 170 – 174.
173. *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – Изд. 2-е, испр. – М. : Издательство «ИНДРИК», 1995. – 512 с. – (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования).
174. *Топоров В. Н.* Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы [В 2-х т.] / В. Н. Топоров. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. –
Т. 1. – 2010. – 448 с : ил.
Т. 2. – 2010. – 496 с. – (Вклейка после с. 336.).
175. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М. : Наука, 1977. – 571 с.

176. *Уилрайт Ф.* Метафора и реальность / Ф. Уилрайт // Теория метафоры : Сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 82 – 109.
177. *Уланович О. И.* Языковое сознание: особенности структуры в условиях двуязычия / О. И. Уланович // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2010. – № 1 (9). – С. 44 – 51.
178. *Уорф Б. Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Язык и культура. Хрестоматия / Сост. З. А. Харитончик, Г. Н. Третьякова. – Мн. : МГЛУ, 2002. – С. 26 – 40.
179. *Уфимцева А. А.* Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А. А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М. : Наука, 1988. – С. 108 – 140.
180. *Уфимцева А. А.* Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка / А. А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М. : АН СССР, 1961. – С. 30 – 64.
181. *Уфимцева Н. В.* Языковое сознание и образ мира славян / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира. Сб. статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – Режим доступа к статье: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-2.html
182. *Федоров А. И.* Семантическая основа образных средств языка / А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1969. – 90 с.
183. *Федоров М. А.* Термин «Лингвокультура» в аспекте теории культуры / М. А. Федоров // Вестник БГУ. – 2014. – № 6-2. – С. 83 – 86.

184. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М. : Прогресс, 1988. – С. 52 – 92.
185. *Черемисина Е. В.* Лексико-тематическая группа «Мир природы» в идиолекте М. Еськова / Е. В. Черемисина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 2. – Ч. 1. – С. 164 – 165. ISSN 1997-2911.
186. *Чуешева Н. А.* Понятие «образ мира» в психологической науке / Н. А. Чуешева // Вестник ТГПУ. – 2007. – № 10. – С. 20 – 23.
187. *Шаклеин В. М.* Лингвокультурология : традиции и инновации [Электронный ресурс] : монография / В. М. Шаклеин. – М. : Флинта, 2012. – 301 с.
188. *Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира и межкультурная коммуникация / А. Д. Шмелев // Коммуникация : Концептуальные и прикладные аспекты : Тез. докл. – Ростов н/Д, 2004. – С. 2 – 4.
189. *Шмелев А. Д.* Взаимодействие языка и культуры: от словаря до языкового облика морально-религиозной проповеди / А. Д. Шмелев // Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 9 – 13.
190. *Шмелев А. Д.* Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры? / А. Д. Шмелев // Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 7 – 11.
191. *Шпет Г. Г.* Внутренняя форма слова : Этюды и вариации на темы Гумбольдта / Г. Г. Шпет. – Изд. 3-е, стереотипное. – М. : КомКнига, 2006. – 216 с. – (Академия фундаментальных исследований : философия). ISBN 5-484-00461-6

192. *Щур Г. С.* Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 254 с. – (Академия наук СССР, институт языкознания).
193. *Элиаде М.* Шаманизм: архаические техники экстаза / М. Элиаде ; пер. с англ. К. Богучкий, В. Трилис. – К. : «София». – 480 с.
194. *Юрина Е. Ю.* Образный строй языка / Е. Ю. Юрина. – Томск : Изд-во Том. у-на, 2005. – 156 с.
195. *Ярошенко Н. А.* Словообразовательное гнездо с вершиной *долг* как фрагмент русской языковой картины мира / Н. А. Ярошенко // И слово Ваше отзовется : Сб. науч. ст. / Гуманитарный центр «Азбука». – К. : Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – С. 629 – 638.
196. *Ярошенко Н. А.* Неономинатии лица в русском языке : основные тенденции / Н. А. Ярошенко // Материалы I Международной научной конференции «Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности» (г. Донецк, 16 – 18 мая 2016 г.) ; под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. – Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. – Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального университета, 2016. – С. 188 – 190.
197. *Cognitive linguistics : basic readings* / Edited by D. Geeraerts. – New York – Berlin, 2006 (Cognitive linguistics research ; 34). – 485 p.
198. *Evans V.* Cognitive Linguistics : an introduction / V. Evans, M. Green. – Edinburgh, 2006. – 830 p.
199. *Langacker R.* Cognitive grammar : a basic introduction / R. Langacker. – Oxford, N. Y., 2008. – 562 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

а) словари, справочники и энциклопедии:

200. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка : Практический справочник : Ок. 11 000 синоним. рядов / З. Е. Александрова. – 11-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 2001. – 568 с. – (Библиотека словарей рус. яз.). ISBN 5–200–02871–X
201. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/>
202. *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов / Г. Бидерманн ; Пер. с нем. ; Общ. ред и предисл. И. С. Свенцицкой. – М. : Республика, 1996. – 335 с., илл.
203. *Большой психологический словарь* / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 3-е изд. – Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 633 с.
204. *Большой толковый словарь русского языка* / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
205. *Бычков А. А.* Энциклопедия языческих богов. Мифы древних славян / А. А. Бычков. – М. : Вече, 2000. – 261.
206. *Вовк О. В.* Энциклопедия знаков и символов / О. В. Вовк. – М. : Вече, 2006. – 528 с.
207. *Григорьев В. П.* Собственное имя в русской поэзии XX века : Словарь личных имён / В. П. Григорьев, Л. И. Колодяжная, Л. Л. Шестакова. – М. : 2005. – Режим доступа к словарю : <http://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si.2003/index.html>
208. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка [в 4 т.] [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1981. – Режим доступа к словарю : <http://v-dal.ru/>

209. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – Режим доступа к словарю: <http://www.efremova.info>
210. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр-е и дополн. – Назрань : «Пилигрим», 2010. – Режим доступа к ресурсу: http://lingvistics_dictionary.academic.ru
211. *Жюльен Н.* Словарь символов / Н. Жульен ; пер. С. М. Каюмова, И. Устьянцевой. – Урал LTD, 1999. – 500 с., илл.
212. *История философии.* Энциклопедия / Сост. и гл. ред. А. А. Грицанов. – Мн. : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – Режим доступа к ресурсу: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Grican/ Index.php
213. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
214. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – Режим доступа к ресурсу: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html>
215. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / Под ред. А. Н. Николюкина. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с. – (Институт научн. информации по общественным наукам РАН).
216. *Ляшевская О. Н.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – М. : Азбуковник, 2009. – Режим доступа к словарю : <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
217. *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов /

- М. М. Маковский. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с., илл.
218. *Мифы народов мира*. Энциклопедия [в 2-х т.] ; Гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – Т. 1 : А–К. – 1987. – 672 с. с ил.
Т. 2 : К–Я. – 1992. – 719 с. с ил.
219. *Новая философская энциклопедия* [в 4-х т.] ; Научно-ред. совет : предс. В. С. Степин, заместители предс. : А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. – М. : Мысль, 2010. – (Ин-т философии РАН, Нац. Общ.-научн. фонд).
Т. 1 : А–Д. – 2010. – 744 с.
Т. 2 : Е–М. – 2010. – 634 [2] с.
Т. 3 : Н–С. – 2010. – 692 [2] с.
Т. 4 : Т–Я. – 2010. – 736 с.
220. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – [18-е изд., стереотип.]. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
221. *Психология*. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с.
222. *Психологическая энциклопедия* / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха ; науч. ред. пер. на рус. яз. А. А. Алексеева. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2006. – 1096 с., илл.
223. *Розенталь Д. Э.* Справочник по русскому языку : Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : ООО «Издательский дом "Оникс 21 век"» : ООО «Издательство "Мир и Образование"», 2003. – Режим доступа к словарю: <http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/?q=484>

224. *Россия. Большой лингвострановедческий словарь* / Под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 736 с.: ил. – (Фундаментальные словари).
225. *Руднев В. П. Словарь культуры XX века* / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1999. – 384 с.
226. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь* [в 5-ти т.] ; Под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 1995. – (Институт славяноведения РАН).
- Т. 1 : А–Г. – 1995. – 488 с.
- Т. 2 : Д–К (Кошки). – 1999. – 680 с.
- Т. 3 : К (Круг)–П (Перепёлка). – 2004. – 693 с.
- Т. 4 : П (Переправа через воду)–С (Сито). – 2009. – 656 с.
227. *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. – М. : Эллис Лак, 1995. – 416 с.
228. *Словарь литературоведческих терминов* / Ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.
229. *Словарь русского языка* [в 4-х т.] ; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Русский язык, 1985. – (АН СССР, Ин-т рус. яз.).
- Т. 1 : А–Й. – 1985. – 696 с.
- Т. 2 : К–О. – 1986. – 736 с.
- Т. 3 : П–Р. – 1987. – 752 с.
- Т. 4 : С–Я. – 1988. – 800 с.
230. *Словарь славянской мифологии* / авт.-сост. В. В. Адамчик. – Минск : Современный литератор, 2008. – 639 [1] с. – (Карманная библиотека).
231. *Словарь современного русского литературного языка* [в 17-ти т.]. – М.-Л. : Наука, 1950. – (АН СССР ; Ин-т рус. яз.).
- Т. 2 : В. – 1951. – 723 с.
- Т. 3 : Г–Е. – 1954. – 700 с.

- Т. 5 : И–К. – 1956. – 965 с.
- Т. 6 : Л–М. – 1957. – 739 с.
- Т. 9 : П–пнуть. – 1959. – 746 с.
- Т. 14 : Со–Сям. – 1963. – 700 с.
- Т. 15 : Т. – 1963. – 648 с.
232. *Современный философский словарь* / Под общ. ред. В. Е. Кемерова. – 2-е изд., испр. и доп. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск : ПАНПРИНТ, 1998. – 1064 с.
233. *Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования* / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с., 51 илл.
234. *Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным* / А. Н. Тихонов. – Москва : АСТ, 2014. – 639, [1] с.
235. *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [в 4 т.]*. / М. Фасмер ; [пер. с нем. и доп. О. Н. Трубочёв]. – 2-е изд., стереотип. – М. : Прогресс, 1986. –
- Т. 1 : А–Д. – 1986. – 576 с.
- Т. 3 : Муза–Сят. – 1987. – 832 с.
- Т. 4 : Т–Ящур. – 1987. – 864 с.
236. *Философский словарь* / Под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Республика, 2001. – 719 с.
237. *Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов* / Д. Фоли ; [пер. с англ.] – 2-е изд. – М. : Вече, 1997. – 512 с. – (Энциклопедии. Справочники. Неумирающие книги).
238. *Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка : более 5000 слов* / Г. П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – К. : Рад. шк., 1989. – 511 с.

239. *Частотный словарь русского языка* : около 40000 слов. / Под ред. Л. Н. Засориной. – М. : Рус. яз., 1977. – 936 с.
240. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [В 2 т.] / П. Я. Черных. – 5-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2002. –
Т. 1 : А – Пантомима. – 2002. – 624 с. ISBN 5–200–03000–5 (т. 1)
Т. 2 : Панцирь – Ящур. – 2002. – 560 с. ISBN 5–200–03001–3 (т. 2)
241. *Brown K. Encyclopedia of Language and Linguistics [Second edition]* / K. Brown. – Elsevier Ltd, 2005. – 9000 p.

б) тексты:

242. *Белякова Г. С. Славянская мифология: кн. для учащихся* / С. Г. Белякова. – М. : Просвещение, 1995. – 239 с., илл.
243. *Буйнова Т. Ю. Дети Сварога (древнейшие мифы восточных славян)* / Т. Ю. Буйнова ; Консультанты А. Л. Цеханович, Е. В. Миронов. – М. : Проект-Ф : Аквилегия-М, 2008. – 256 с., илл. – (Энциклопедия для любознательных). ISBN 978-5-901815-23-6. ISBN 978-5-901942-61-1.
244. *Грушко Е. А. Русские легенды и предания* / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – М. : Эксмо, 2004. – 208 с., илл. – (Золотые сказки).
245. *Гура А. Мифы славян* / А. Гура. – М. : СЛОВО / SLOVO, 2000. – 48 стр., илл.
246. *Даль В. И. Пословицы русского народа : сб. [в 2 т.] [Электронный ресурс]* / В. И. Даль. – СПб ; М., 1879. – Режим доступа к сборнику : <http://vdahl.ru>
247. *Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7-ми томах* / С. А. Есенин. – М. : Наука – Голос, 1995. –
Т. 1 : Стихотворения. Подготовка текста и коммент. А. А. Козловского. – 1995. – 672 с.
Т. 2 : Стихотворения (маленькие поэмы). Подготовка текста и коммент.

- С. И. Субботина. – 1997. – 464 с.
- Т. 3 : Поэмы. Подготовка текста и коммент. Н. И. Шубниковой-Гусевой. –1998. – 720 с.
- Т. 4 : Стихотворения не вошедшие в «Собрание стихотворений». Подготовка текста и коммент. С. П. Кошечкина, Н. Г. Юсова. – 1996. – 544 с.
248. *Клюев Н. А.* Сочинения [В 2-х т.] / Н. А. Клюев ; Под общ. ред. Г. П.Струве, Б. А. Филиппова. – Б.м. : А. Neimanis, 1969. –
- Т. 1. – 1969. – Режим доступа к тому :
http://www.booksite.ru/klyuev/2_1.html
- Т. 2. – 1969. – Режим доступа к тому :
http://www.booksite.ru/klyuev/2_2.html
249. *Кузмин М. А.* Стихотворения [В 12-ти кн.] / М. А. Кузмин. – 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург : Академический Проект, 2000. –
- Кн. 1 : Сети. – 2000. – Режим доступа к книге :
http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_1.shtml
- Кн. 2 : Осенние озёра. – 2000. – Режим доступа к книге :
http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_2.shtml
- Кн. 3 : Глиняные голубки. – 2000. – Режим доступа к книге :
http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_3.shtml
- Кн. 4 : Вожатый. – 2000. – Режим доступа к книге :
http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_4.shtml
- Кн. 5 : Двум. – 2000. – Режим доступа к книге :
http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_5.shtml
- Кн. 6 : Занавешенные картинки. – 2000. – Режим доступа к книге :
http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_6.shtml
- Кн. 7 : Эхо. – 2000. – Режим доступа к книге :
http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_7.shtml

- Кн. 8 : Нездешние вечера. – 2000. – Режим доступа к книге :
http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_8.shtml
- Кн. 9 : Параболы. – 2000. – Режим доступа к книге :
http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_9.shtml
- Кн. 10 : Новый Гуль. – 2000. – Режим доступа к книге :
http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_10.shtml
- Кн. 11 : Форель разбивает лёд. – 2000. – Режим доступа к книге :
http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_11.shtml
- Кн. 12 : Стихотворения, не вошедшие в прижизненные сборники. –
2000. – Режим доступа к книге :
http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_12.shtml
250. *Левкиевская Е. Е.* Мифы русского народа / Е. Е. Левкиевская. –
М. : АСТ : Астрель ; Владимир : ВКТ, 2010. – 526, [2] с. : ил.